

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

**АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

(по материалам рабочего совещания,
состоявшегося в Центре изучения стран
Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН
2 апреля 2012 г.)

Москва 2012

Научное издание

**АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

(по материалам рабочего совещания, состоявшегося в Центре
изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН 2 апреля 2012 г.)
М., 2012. 228 стр.

Ответственный редактор:
М.Р. Арунова

Подготовка рукописи к печати:
И.Н. Серенко, У.В. Окимбеков

Мнение авторов не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89282-526-9
ISBN 978-5-89394-240-8

**ISBN 978-5-89282-526-9
ISBN 978-5-89394-240-8**

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Институт востоковедения РАН
© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

В.Я. Белокреницкий	
Афганистан – Пакистан: историческая динамика и перспективы эволюции ареала нестабильности	5
В.Г. Коргун	
Вывод войск США/НАТО из Афганистана: проблемы и вызовы	21
Р.Р. Сикоев	
Афганское общество накануне 2014 г.....	34
С.Н. Каменев	
Влияние ситуации в Афганистане на экономику Пакистана ..	43
Н.А. Замараева	
Пакистано-афганские отношения в региональном измерении..	54
О. Нессар	
Афганский вопрос и региональные противоречия	76
И.В. Жмуйда	
Афганские беженцы в Пакистане.....	86
И.Н. Серенко	
Трансформация афгано-пакистанского образовательного пространства как фактор противодействия талибской угрозе...	99
М.Ю. Морозова	
Белуджский фактор в пакистано-афганских отношениях....	105
У.В. Окимбеков	
Проблемы транзита и совместного использования ресурсов в афгано-пакистанских отношениях	114
В.В. Шикин	
Политика Индии в отношении Афганистана на современном этапе	128

В.В. Воробьев

Политика исламизации в Пакистане:
основные особенности и последствия 139

М.Р. Арунова

К вопросу о регионализации решения афганской проблемы .. 155

Приложения**В.Я. Белокреницкий, С.Н. Каменев**

Афганистан и Пакистан:
современное состояние и перспективы развития
(информационно-справочный отчет о рабочем совещании
в ЦИС БСВ ИВРАН, Москва, 2 апреля 2012 г.) 169

И.Н. Серенко

Будущее Афганистана и региональное сотрудничество
(информационно-справочный материал о международной
конференции в Пекине, 30–31 мая 2012 г.) 179

В.Я.Белокреницкий

АФГАНИСТАН – ПАКИСТАН: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ АРЕАЛА НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Вопрос о единстве региона, состоящего ныне из двух государств, имеет как академический, так и практический смысл. При взгляде на географическую карту бросается в глаза слитность и взаимодополняемость территорий Афганистана и Пакистана. Их сложение дает кругообразную фигуру с диаметром, равным примерно 1350 км, и площадью 1,45 млн. кв. км. Афганистан-Пакистан (Аф-Пак) протянулся от гор Памира и пустынь Каракума до Аравийского моря. Физико-географическое единство усиливает топографическое сходство, т.к. более половины территории Пакистана и по существу весь Афганистан отличаются высокогорным или нагорным строением рельефа. Главным исключением из физико-географического единства можно считать долину реки Инд, на которую приходится около половины площади Пакистана и не менее двух третей совокупного населения в 210–220 млн. человек. Между тем, долина Инда стала эколого-демографическим исключением только в относительно недавнее время, когда в колониальный период начались, а после ухода англичан продолжились широкомасштабные работы по сооружению современных средств ирригации и мелиорации – крупных плотин и водохранилищ, каналов постоянного орошения, дренажных систем, трубчатых колодцев и т.п. До середины XIX века бассейн Инда был столь же мало заселен, как и остальная территория современного Афганистана и Пакистана, входя в состав широкой полосы пустынь и полупустынь, протянувшейся от атлантического побережья Северной Африки до центра Евразии.

Связующим звеном между Афганистаном и Пакистаном является общность этнического состава части населения двух государств, наличие единого для них пуштунского пояса и менее крупного белуджского ареала. Пуштуны (афганцы) считаются

титульным, государствообразующим этносом Афганистана. Они компактно населяют и численно преобладают в южных и восточных провинциях страны, представлены на юго-западе и севере. Оценочные данные этнического состава отличаются друг от друга достаточно сильно. Большинство специалистов полагает, что пуштуны, состоящие из двух больших племенных групп – дуррани и гильзаи, – равняются двум пятнадцатым от общего населения Афганистана. Исторически главным центром расселения пуштунов, которые вели полукочевой образ жизни, сочетающая перегонное скотоводство с суходольным земледелием, были афганские земли. Однако в период после окончания Второй мировой войны и образования Пакистана восточные (пакистанские) пуштуны стали обгонять по темпам естественного роста западных (афганских). Ныне Пакистан считают своим государством примерно вдвое больше пуштунов, чем Афганистан (25–27 млн. против 13–14 млн. человек). В дополнение к пуштунам, сохраняющим во многом кланово-племенную систему социальной организации, на смежных территориях двух стран проживают и белуджские племена. Общая численность всех белуджей составляет 12–14 млн. чел. Из них около 1 млн. обитают на юге Афганистана, 2–3 млн. – в Иране, остальные – в Пакистане, главным образом в провинции Белуджистан. Наличие единого пуштунского (пуштuno-белуджского) пояса превращают Афганистан и Пакистан в своего рода «сиамских близнецов», разделить которых можно только путем болезненной хирургической операции.

Общими, в известной мере, были и исторические судьбы народов Афганистана и Пакистана. Их эволюция несколько разошлась в середине XIX в., когда бассейн Инда с Пенджабской равниной на севере и Синдской низменностью на юге оказался под контролем англо-индийских властей. Афганский эмирят с центром в Кабуле избежал прямой колониальной зависимости, попав в промежуточную зону, став «буфером» между Британской Индией и Российской Средней Азией. Попытки модернизации хозяйства и быта коренного населения были более последовательными в зоне колониального господства, хотя и там они не носили глубокого и всеобъемлющего характера.

Запоздание с реформами в замкнутом на суще Афганистане привело к политическим конвульсиям¹. В 1973 г. афганский король (эмир) Захир Шах был свергнут своим кузеном М. Даудом, и на смену конституционной монархии пришел республи-

канский строй. С этого исторического момента Афганистан охватила нестабильность, перекинувшаяся вскоре и на соседний Пакистан. Наступила эпоха затяжной военно-диверсионной и террористической борьбы и хронической политической нестабильности. Можно заметить, что между странами и поддерживающими их внешними силами образовался «маятник нестабильности», который устремлялся то в одну, то в другую сторону.

Начавшаяся в последней трети прошлого столетия эра противоборства и неустроенности в афгано-пакистанском ареале была связана как с внутренними, так и внешними факторами. К первым наряду с особенностями и преградами для модернизации следует отнести обнаружившееся тогда тяготение региона к богатому нефтью Ближнему Востоку, ко вторым – связанную с тем же феноменом круто возросшей мировой цены на нефть борьбу глобальных сил за контроль над ближневосточной кладовой «черного золота».

К вехам долговременного кризиса, охватившего Афганистан и Пакистан, нужно отнести упомянутый бескровный государственный переворот в Афганистане в 1973 г.; военный переворот в Пакистане в 1977 г., в результате чего был ликвидирован демократический по форме режим З.А. Бхутто и установлена власть военных во главе с генералом М. Зияуль-Хаком; Апрельскую (Саурскую) революцию 1978 г. в Афганистане, утверждение там правления прокоммунистической Народно-Демократической партии (НДПА); наконец, ввод советских войск в Афганистан в конце 1979 г., превративший уже образовавшийся после 1978 г. афгано-пакистанский ареал нестабильности из феномена региональной политики в фокус глобального противостояния².

Этапами на пути эволюции первого афганского конфликта были начало широкомасштабной военно-экономической помощи США силам оппозиции в 1982 г.; вооружение ими в 1986 г. муджахедов («борцов за веру»), расположившихся со своими базами в Пакистане, переносными ракетами «Стингер», эффективно поражавшими советские вертолеты и боевые самолеты; Женевские соглашения апреля 1988 г. между Афганистаном и Пакистаном и их гарантами в лице СССР и США; состоявшийся через девять лет и полтора месяца после ввода советских войск их вывод в феврале 1989 г.; наконец, падение прокоммунистического режима М. Наджибуллы в апреле 1992 г., спустя

три года и два с половиной месяца после того, как советские боевые части (40-я армия) покинули страну.

Весь этот период (более 12 лет) характеризовался демографическим «наползанием» Афганистана на Пакистан: туда устремились беженцы (3,5–3,7 млн. человек). Одновременно с этим в начале 1980-х годов возникло восприятие угрозы продвижения Афганистана на юг при посредничестве и прямой военной помощи Москвы. Ныне эти опасения кажутся надуманными, но в тот кризисный для мировой капиталистической экономики период, время нового взлета мировых цен на нефть и крупных поступлений от ее экспорта в советскую казну, все это не представлялось чем-то нереальным.

Движение афгано-пакистанского «маятника нестабильности» с севера на юг совпало на рубеже 1970–80-х годов с похожими процессами на других участках евразийского пространства. Именно тогда Китаю была продемонстрирована сила дальневосточной группировки советских войск и тихоокеанского флота, оснащенного ядерными подлодками. Благодаря такому «нависанию» над КНР на севере сорвались попытки Пекина довлечь на юге над Вьетнамом. В целом то был период наступления с севера на юг в формате евразийской геополитики.

Афганская рулетка

Маятник качнулся в другую сторону, с юга на север, в конце первой трети – середине 1980-х годов. Цены на нефть пошли вниз, обнаружились структурные слабости советской экономики, и обострились проблемы регионально-национальной политики в СССР. Одновременно дал о себе знать экономический эффект от политики праволиберальных кругов в США и Западной Европе (рейганомика – тэтчеризм). Не будем перечислять все причины ослабления советско-социалистического блока государств. Здесь важно, что оно сказалось и на афганском направлении, где вскоре после ввода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) выявились слабости и тупики.

Неожиданностью для советского политического и военного руководства, как можно полагать, было ожесточение, с которым некоторая часть афганского населения, находящаяся под влия-

нием оппозиции к «красному режиму», встретила советские войска. Ожесточение в форме средневекового зверства с пытками и издевательствами над пленными, сдиранием с них кожи и т.п. проявилось еще в начале 1979 г. в ходе антиправительственных мятежей в Герате и других местах Афганистана, где имелись советские военные советники³.

Другой неожиданностью, очевидно, была массовая миграция населения в ряде районов, особенно в приграничных с Пакистаном пуштунских провинциях. Миграция была не бегством, но формой протesta, то был манёвр, характерный для афганского (пуштунского) трайбалистского сознания. Массовые переселения через границу имели место и раньше, особенно в освященных религией целях. Достаточно вспомнить хиджру 1921 г. из пуштунских районов Британской Индии в Афганистан в знак протesta против действий англичан в отношении Османского халифата⁴.

В конце 1970-х – начале 80-х годов имело место обратное движение, более массовое и долговременное. В Пакистане вдоль значительной части границы с Афганистаном, которой является не признаваемая последним за легитимную «линия Дюранда», демаркированная еще в 1893 г., а именно в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), на Территории племен федерального управления (ТПФУ) и в провинции Белуджистан сосредоточились основные массы переселенцев. По-степенно там возникло более 300 лагерей для беженцев, чье содержание взяла на себя в основном Комиссия ООН по делам беженцев⁵. Лагеря беженцев превратились вскоре в базы поддержки муджахедов. Снабжение, обучение и координацию их действий возглавили США и Саудовская Аравия, их разведывательные органы, в частности ЦРУ во главе с тогдашним директором, убежденным антикоммунистом, У. Кейси. Большую роль в мобилизации финансовых средств и общественного мнения в пользу ведения афганской войны сыграл конгрессмен из Техаса Ч. Уилсон⁶.

В Афганистане постепенно сложилась новая военно-политическая ситуация. К удивлению и радости руководящих кругов в Вашингтоне, настроенных против Советского Союза, муджахеды оказались достойны денег, которые на них выделялись. Они регулярно осуществляли диверсионные операции в Афганистане, базируясь в Пакистане и получая оперативно-тактическую помощь от Объединенной военной разведки (Inter-

Service Intelligence, – у нас ее ошибочно называют межведомственной – здесь Service означает вид войск). Опосредованно муджахедам, помимо США и Саудовской Аравии, помогали Китай, поставлявший легкое оружие, боеприпасы и военную амуницию, а также Египет и арабские добровольцы⁷.

Успешно развивавшейся военно-диверсионной кампании муджахедов был нанесен двойной удар в 1988 г. В конце апреля был взорван главный склад ОВР с американским оружием близ Исламабада, в местечке Оджхри. Позднее 17 августа в результате другого теракта (тайна обоих не раскрыта) погиб в авиационной катастрофе генерал-президент М. Зия уль-Хак, главная фигура в Пакистане, стоявшая за войной против СССР, а вместе с ним погиб и другой генерал – Ахтар Абдур Рахман, отвечавший за ее проведение⁸.

Это позволило, с одной стороны, продолжить вывод советских войск по Женевским соглашениям от 14 апреля 1988 г., а с другой, ослабить натиск муджахедов на Афганистан. Таким процессам содействовала разрядка напряженности в отношениях между СССР и США и политика примирения, которую активно проводил президент Демократической Республики Афганистан М. Наджибулла. Он сформировал правительстvenную коалицию, переименовав НДПА в партию Отечества («Ватан»). В какой-то мере поэтому неудачей закончились попытки муджахедов сразу после ухода советских войск военным путем овладеть Афганистаном. Провал тактики наскока привел к затягиванию промежуточной фазы конфликта и оказал воздействие на положение в Пакистане.

Многомиллионный поток беженцев из Афганистана в эту страну, о котором упоминалось выше, на 80–85% состоял из пуштунов, причем главным образом выходцев из сельской местности⁹. Несмотря на родство афганских и пакистанских пуштунов, приток беженцев способствовал дестабилизации трайбалистского пояса в Пакистане. Причиной тому были конкуренция за пастбища и орошающую землю, а также взлет криминального бизнеса, поскольку в Пакистан приехали и те афганцы, что занимались у себя выращиванием опийного мака и изготовлением наркотиков. Тем самым была привнесена культура получения сверхдоходов от производства героина (из опийного мака) и гашиша (из индийской конопли).

Крупные деньги разлагающие действовали на традиционные порядки в приграничных к Афганистану пакистанских районах.

А война оказывала свое влияние. В медресе, открытых в лагерях беженцев, детей и подростков нередко учили не только Корану, но и азам военно-диверсионного дела, тем более что пуштуна многому и не надо было обучать, т.к. этику войны он впитывал с детства. В результате первой афганской эпопеи образовался новый социально-экономический регион – пакистано-афганское приграничье, где главным укладом стало распределение финансовой и гуманитарной помощи, а также подготовка к «труду войны», проведению диверсий, актов террора и саботажа.

Этот регион использовался для «проникновения» Пакистана в Афганистан, главным образом через каналы, контролируемые Объединенной военной разведкой. Боевые группы муджахедов переправлялись ОВР через пористую границу, вместе с ними шел поток оружия, амуниции и боеприпасов, оказывалось идеиное влияние на афганское население¹⁰.

В поисках стратегической глубины

С установлением в Кабуле в конце апреля 1992 г. господства муджахедов продолжилась эпоха, когда Пакистан непосредственно и активно «проецировал» свою силу и влияние на соседнюю страну. Маятник нестабильности двигался с юга на север, «прорезая» Афганистан и устремляясь в сторону новой по геополитической конфигурации Центральной Азии.

Между тем кровопролитная борьба за власть между различными группами муджахедов привела страну в хаотическое состояние. После взятия ими Кабула установилось хрупкое равновесие конкурирующих группировок. Пост президента провозглашенного в 1992 г. Исламского Государства Афганистан занимал в течение двух первых месяцев видный религиозный деятель, лидер одной из муджахедских группировок С. Моджадидди. Согласно договоренности, достигнутой муджахедами в Пешаваре, его сменил влиятельный руководитель другой группировки, «Джамаат-и ислами» («Исламского общества»), таджик Б. Раббани. В конце 1992 г. в результате острых разногласий началась война между недавними союзниками – муджахедами. Новое соглашение между ними было заключено в начале 1993 г., опять в Пакистане, на этот раз в Исламабаде. Несмотря на это, ожесточенная борьба за Кабул продолжалась.

Военные силы Раббани и его союзников возглавлял известный полевой командир Ахмад Шах Масуд, опиравшийся на свою базу в северо-восточной Панджшерской долине. Против его группировки выступил поддерживаемый пакистанской ОВР лидер «Хизб-е ислами» («Исламской партии») пуштун Г. Хекматъяр. Войска последнего в 1993 и 1994 гг. подвергли Кабул таким разрушениям, каким город не подвергался ни ранее, ни позже¹¹.

Правление правительства Б. Раббани в Кабуле сопровождалось фактической фрагментацией страны¹². Хотя номинально существовало центральное правительство, но его слабость привела к появлению по сути автономных регионов управления, во главе которых встали известные полевые командиры (военные лорды) и политические лидеры муджахедов – Исмаил Хан на западе страны, А.Р. Достум на севере, А.Ш. Масуд – на северо-востоке, Г. Хекматъяр – на востоке. Только на юге в зоне традиционного господства пуштунов-дуррани образовался своеобразный дефицит сильного лидера, и именно там осели и окрепли первые отряды нового движения «Талибан», объединившие убежденных исламистов, основу которых составляли идеалистически настроенные молодые пуштуны, прошедшие обучение в медресе лагерей для афганских беженцев в Пакистане, о которых шла речь выше. Руководящее ядро талибов состояло из более опытных участников джихада 1980-х годов¹³.

Появившись как организованная сила осенью 1994 г. талибы, действуя при очевидной поддержке со стороны Пакистана, смогли первоначально закрепиться в стратегически важном городе Спинбулдак, расположенным недалеко от пакистанской границы, а спустя некоторое время овладели Кандагаром. В 1995 г. под их контролем оказался Герат. Не без боев, побед и поражений, движение «Талибан» расширяло зону своего контроля, получая в случае необходимости критически важную помощь и поддержку со стороны Исламабада. Овладев югом, западом и центром страны, талибы в сентябре 1996 г. вошли в оставленный правительством Б. Раббани Кабул¹⁴.

Утверждение их власти в Кабуле сопровождалось превращением Кандагара в «духовную» столицу созданного ими Исламского Эмирата Афганистан. Вскоре после достигнутых успехов началось дистанцирование нового правительства от Пакистана. Многим обязанные пакистанским властям и военно-разведывательным кругам, талибы предпочли избавиться от плотного

покровительства с противоположной стороны от «линии Дюранда». На этом их решении также сказалась и недостаточная материально-техническая поддержка, которую мог им оказать Исламабад.

Альтернативой Пакистану стала опора на «Аль-Каиду». Эта боевая организация, как хорошо ныне известно, возникла во второй половине 1980-х годов в Афганистане в среде выходцев из арабских стран, боровшихся на стороне муджахедов, главным образом в составе группировки А.Р. Сайяфа. Во главе «Аль-Каиды» (Основы), возникшей, как считает большинство авторов, в 1988 г., с самого начала стоял представитель богатой семьи саудовских йеменцев Усама бен Ладен, а главным идеологом радикального глобального исламизма был в то время иорданский палестинец Абдулла Аззам, погибший при невыясненных обстоятельствах в 1989 г.¹⁵

«Второе пришествие» бен Ладена в Афганистан состоялось в 1996 г., и с этого момента неуклонно сокращалось пакистанское влияние на талибов. Отпор этому влиянию афганцы оказывали и ранее, в период деятельности правительства Б. Раббани. В частности, в 1995 г. в Кабуле произошел инцидент с атакой на пакистанское посольство. В целом можно считать, что к концу 1990-х годов наступает некое равновесие в движении маятника нестабильности и «проекции силы» в афгано-пакистанском ареале.

Вовлеченность глобальных сил

Вывели этот маятник из равновесия события августа 1998 г. и 11 сентября 2001 г. Оба они связаны с террористической деятельностью «Аль-Каиды»: в первом случае она организовала взрывы у посольств США в столицах двух восточноафриканских государств (Кении и Танзании), а во втором – подготовила самоубийц-пилотов, направивших пассажирские авиалайнеры на небоскребы в Нью-Йорке и здание Министерства обороны США (Пентагон) в Вашингтоне. Отказ талибов отмежеваться от бен Ладена и его сподвижников привел к направленной против них военной операции США и их союзников, прежде всего Англии, под кодовым названием «Несокрушимая свобода».

Разгром «Талибана» с помощью иностранцев и афганских сил «Северного альянса» в октябре-декабре 2001 г. вызвал

новую волну дестабилизации Пакистана, во-первых, вследствие той поддержки, которую талибы получили у своих братьев – пакистанских пуштунов (в Афганистан направилось экстренно собранное, главным образом в Свате, многотысячное ополчение сторонников талибов), а во вторых, из-за новой волны беженцев.

Хотя на этот раз их было много меньше, порядка 300–400 тыс. человек, дестабилизационный эффект был значительным. В отличие от переселения 1980-х годов это перемещение людей через границу не поощрялось международным сообществом. Весьма прохладно отнеслись к ним официальные пакистанские власти. Талибы и их союзники могли укрыться только в самых неудобных для проживания местах, высоко в горах и долинах горных рек. Основными местами их пребывания оказались агентства ТПФУ, особенно Северный и Южный Вазиристан, а также пустынно-гористый район Кветты и другие пуштунские северные округа провинции Белуджистан.

Расселение беженцев – талибов происходило в условиях далеко не завершенного процесса реэмиграции беженцев первой волны. Численность афганцев в Пакистане оценивалась не менее чем в 1,5 млн. человек. Прибытие новых переселенцев усилило недовольство местного населения. Напряженность внутри местных горских сообществ и влияние талибской, антиамериканской пропаганды создали почву для появления молодых джихадистов (сторонников вооруженного джихада) среди пакистанских пуштунов, которые стали идеино-политическими союзниками афганских талибов. Это привело к возникновению в ТПФУ анклавов их влияния и власти, главным образом в южных агентствах среди племен ахмадзайских вазиров и масудов¹⁶.

Исламабад с начала операции «Несокрушимая свобода» поспешил ввести войска в полосу племен федерального управления. В 2002 г. началась операция пакистанских войск в ТПФУ. Она продолжалась до 2006 г., и особенно активно велась весной 2004 г. Операция под названием «аль-Мизан» («весы», или «итог») оказалась малоэффективной.

Главным ее результатом было то, что Пакистан расквартировал на территории горских племен и подвел к границе с Афганистаном в районе ТПФУ 75 тыс. войск, состоявших из армейских частей и «пограничного корпуса», набираемого в основном из местных жителей. По данным на 2005 г., паки-

станцы обустроили 665 контрольных пунктов вдоль границы с Афганистаном, а силы НАТО и афганцы имели 69 пунктов, сосредоточив в непосредственной близости от границы около 25 тыс. солдат¹⁷. Таким образом, «линия Дюранда» впервые в истории оказалась фактически демаркированной на местности.

Если верить данным, приводящимся в магистерской диссертации пакистанского военного эксперта М.К. Джанджуа, в 2006 г. Исламабад предлагал Кабулу договориться о строительстве заграждений вдоль границы в районе ТПФУ. Предложение было отвергнуто, и это будто бы дало пакистанцам повод считать, что афганские власти не хотят решения проблемы трансграничного терроризма. Кроме того, спорная граница и неопределенный статус полосы пуштунских племен позволяют Афганистану, согласно этой логике, в перспективе надеяться на создание независимого Пуштунистана, отдельного союзного с ним государства, открывающего путь к Аравийскому морю и мировому океану¹⁸.

Столкнувшись с вызовами собственной безопасности, пакистанские вооруженные силы провели серию более успешных контртеррористических операций в 2007–2009 гг. Военные действия велись против боевиков из Движения пакистанских талибов (Техрик-е Талибан Пакистан, ТТП), образованного в декабре 2007 г. по инициативе Бейтуллы Масуда. До этого в агентствах ТПФУ действовали разрозненные группы местных сторонников афганского движения «Талибан». Главным объектом их подрывных действий были местные «коллaborационисты» и части пакистанских правительственные войск. Этим они отличались от афганских талибов и их союзников из «сети Хаккани» и отрядов «Хизб-и ислами» Г. Хекматъяра, для которых пакистанские военные были не противниками, а покровителями. В результате акций военных пакистанские талибы были взяты в клещи с севера (со стороны Свата) и юга (из района Дераисмаилхан). Сам Масуд погиб в августе 2009 г. в результате ракетного удара с управляемого американцами БПЛА (беспилотного летательного аппарата). Его пост руководителя ТТП перешел к Хакимулле Масуду, но силы талибов оказались распылены и ослаблены, а популярность среди населения в силу ряда причин, таких как жестокая расправа с оппозиционно к ним настроенными старейшинами племен, а также официальными представителями властей, набираемыми по большей части из местных жителей, пошла

на спад. Определенную роль в этом сыграло и использование боевиками «живых бомб» (террористов-смертников), вызвавшее большое число жертв¹⁹.

Нужно заметить, что успехи пакистанской армии и сил безопасности были достигнуты после попытки примирения с исламистами округа Сват тогдашней Северо-Западной пограничной провинции (с 2010 г. – провинции Хайбер-Пахтунхва), союзниками талибов из ТПФУ. В феврале 2009 г. было заключено соглашение с «Техрик-е нифаз-е шариат-е-мухаммади» («Движение за установление исламского шариата») о введении верховенства исламского закона «низам-е адль» в Свате. Попытка не удалась, так как исламисты нарушили соглашение установлением жестких порядков поведения в общественных местах, закрытием женских школ и продвижением своих сил из Свата в соседний округ Бuner. Нестабильность стала угрожать Исламабаду и Пешавару.

В этих условиях пришедшее к власти в результате выборов 2008 г. правительство Пакистанской народной партии, опираясь на поддержку в обществе, совместно с военными приняло решение о наступлении на силы исламистов. Армия в мае 2009 г. двинула в горы группировку, превышающую 100 тыс., в том числе части специального назначения, и очистила Сват и Бuner, затем оккупировала основные центры Южного и Северного Вазиристана, населенные пункты Вана и Мирамшах.

По ряду оценок, в 2010–2012-х годах в ТПФУ находилась группировка из 120–140 тыс. военнослужащих. Снижающиеся по интенсивности бои велись в основном в средней части отрогов Гиндукуша (в районе расположенных в Афганистане гор Тора Бора) в агентствах Куррам, Хайбер и Моманд. Заняв позиции на границе между Пакистаном и Афганистаном, части пакистанской армии впервые в истории превратили «линию Дюранда» в фактическую границу. Несмотря на непризнание ее Афганистаном в качестве таковой, афганская национальная армия, действующая в коалиции с руководимыми американцами натовскими войсками, вынуждена признавать ее реальным рубежом. Совершенный по ошибке обстрел в ноябре 2011 г. пакистанского блок-поста на высокогорном участке границы, в результате чего погибли 24 пакистанских военнослужащих, подтверждает факт закрепления Пакистана на горных рубежах.

Заключение

Итак, подчеркнем, что маятник нестабильности, начав в конце 1970-х годов движение из Афганистана в Пакистан, затем двинулся в противоположном направлении. В нынешний исторический момент он находится в среднем, более или менее равновесном положении, но может в будущем качнуться в северную сторону. Не исключен вариант, при котором после 2014 г. в случае вывода основных боевых частей США и стран НАТО из Афганистана Исламабад «на плечах» союзных с ним талибов попытается еще раз «въехать» в Афганистан и добиться, наконец, легитимизации границы. Все это потребуется ему для того, чтобы вновь сосредоточить главное внимание на извечном сопернике в лице Индии.

При этом мягкий политический контроль Пакистана, преобладающее, но не исключительное его влияние в Афганистане могут быть достигнуты «малой кровью», т.е. без радикализации собственного режима и изменения общего курса внешней политики. Жесткий политический контроль Пакистана над Афганистаном возможен только дорогой ценой – путем превращения своего государства в джихадистское, идеологически близкое движению «Талибан». Джихадизация Пакистана представляется сегодня маловероятной²⁰. На такой путь он может вступить лишь в относительно отдаленной перспективе в условиях растущей внутренней напряженности и нестабильности. Это будет означать превращение региона нестабильности из афгано-пакистанского (Аф-Пака) в пакистано-афганский (Пак-Аф).

В случае дестабилизации обстановки в Пакистане она неминуемо перекинется на Афганистан. Следствием может стать новая фрагментация страны, раздел ее в основном на две части – пропакистанскую, южную и восточную, и проиранскую, западную и северную. Не исключено при этом, что крупнейшие города окажутся в зоне влияния политических и военных сил, ориентирующихся на Запад и пользующихся покровительством США. При этом США и их союзники по НАТО, в первую очередь Великобритания, оставят небольшой, но хорошо подготовленный военный контингент на укрепленных авиабазах (Баграм, Шинданд), в отдельных лагерях и на базах передового базиро-

вания. Это обеспечит контроль за основными городскими центрами и позволит сохранить нынешний международный статус Афганистана.

Такой сложный «слоеный пирог» с фрагментированным контролем на местах и участием в дележе власти и влияния местных сил и их внешних покровителей – перспектива достаточно реальная. Она явится фактически продолжением той патовой ситуации, которую мы наблюдаем сегодня. Разница будет состоять в более сильных позициях региональных держав и сокращении влияния глобальных игроков, т.е. США и НАТО. Из региональных государств наибольшие выгоды сможет извлечь, скорее всего, Иран, который получит выход через Афганистан в Центральную Азию, в первую очередь в Туркмению и Таджикистан. Пакистан вряд ли сможет продвинуться далеко на север, во всяком случае самостоятельно.

При отдаленных будущих колебаниях маятника нестабильности он, по всей видимости, качнется в сторону Пакистана и может привести к обвалу этой страны, усилинию неопределенности в Афганистане и во всем регионе к северу от него. Непременными участниками нового геополитического расклада будут Индия и Китай, в меньшей степени Россия и Турция.

¹ См. об этом, в частности: Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг.: Автореф. дис. ... доктора ист. наук. – М.: ИВ РАН, 2012.

² Интерпретацию этих событий см.: История Востока. Т. VI. Восток в новейший период (1945–2000). М.: ИВ РАН, с. 44–45.

³ Coll S. Ghost Wars. The Secret History of the CIA, Afghanistan and Bin Laden, From the Soviet Invasion to September 10, 2001. N.Y.: Penguin Books, 2004, с. 40; Jones S.G. In the Graveyard of Empires. America's War in Afghanistan. N.Y.: W.W. Norton, 2010, с. 15–16.

⁴ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН, 1998, с. 38–39; Mathur Y.B. Growth of Muslim Politics in India. Delhi, 1979, с. 139–140.

⁵ Sliwinski M. Afghanistan 1978–87. War, Demography and Society. Manuscript. Geneva, March 1988, с. 2

⁶ Crile G. Charlie Wilson's War. The Extraordinary Story of How the Wildest man in Congress and a Rogue CIA Agent Changed the History of Our Times. N.Y. Grove Press, 2008 (Electronic version).

⁷ Coll S. Ghost Wars, c. 119–120, 129–130; Riedel B. Deadly Embrace. Pakistan, America, and the Future of the Global Jihad. Wash. Brookings, 2011. Ch. 2 (Electronic Version).

⁸ Arif K.M. Working with Zia. Karachi, 1995, c. 408–409. Известны слова помощника главы ЦРУ У. Кейси по оперативной работе о роли М. Зия уль-Хака в антисоветской афганской войне: «Зия был уверовавшим. Без Зии не было бы ни афганской войны, ни афганской победы». Riedel S. Deadly Embrace, Ch. 2. О ключевой роли Ахтар Абдур Рахман Хана в войне муджахедов подробно написал его заместитель, глава афганского отдела Объединенной военной разведки Мохаммад Юсуф, первое издание его книги вышло в 1992 г. (Yosuf M., Adkin M. Afghanistan. The Bear Trap. The Defeat of the Superpower. Barnley: Leo Cooper, 2001, c. 1–2, 22–23 et.al.).

⁹ Sliwinski M. Afghanistan 1978–1987, c. 46; Janjua M.Q. In the Shadow of the Durand Line: Security, Stability and the Future of Pakistan and Afghanistan. Monterey, Naval Postgraduate School, 2009, c. 66–67, (Electronic version).

¹⁰ Yosuf M., Adkin M. Afghanistan. The Bear Trap, c. 113–114, 151–153 et.al; Coll G. Ghost Wars, c. 203–204.

¹¹ Coll G. Ghost Wars, c. 262–263.

¹² Rubin F. The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System. New Haven: Yale University Press, 1995.

¹³ Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион, 2003, с. 17–20, 52–54; Fundamentalism Reborn?

Afghanistan and the Taliban. Lahore: Vanguard Books, 1998, с. 4–28.

¹⁴ Ibid, с. 49–51, 56–59.

¹⁵ История Востока, т. VI, с. 45; Riedel B. Deadly Embrace, Ch. 3.

¹⁶ Первым видным предводителем местных горских боевиков был участник войны в Афганистане на стороне талибов Нек Мухаммад из ахмадзайских вазиров. Его недолгая карьера харизматического лидера оборвалась вследствие гибели от ракетного удара летом 2004 г. Mahsud M.K. The Battle for Pakistan. Militancy and Conflict in South Waziristan. New America Foundation. Counterterrorism Strategy Initiative Policy Paper, April 2010, с. 3–4.

¹⁷ Janjua M.Q. In the Shadow of the Durand Line, c. 74.

¹⁸ Ibid., с. 75–76.

¹⁹ Mahsud M.K. The Battle for Pakistan. Militancy and Conflict in Siouth Waziristan, с. 19.

²⁰ Характерно название шестой главы книги Б. Риделя, ведущего американского специалиста по глобальному терроризму и ситуации в Афгани-

стане и Пакистане – «Думая о немыслимом: последствия джихадистского государства в Пакистане». Брюс Ридель в этой главе анализирует катастрофический сценарий развития ситуации в Пакистане в случае установления там власти джихадистов благодаря альянсу радикально настроенных военных и исламистов типа Хафиза Сайида, духовного лидера «Лашкар-и-тоиба». Такое развитие событий будет иметь, по его убеждению, тяжелейшие последствия не только для самой страны, но и для Афганистана, Индии, всего ближневосточного ареала. Сценарий пакистанской джихадизации означал бы крах борьбы США с глобальным терроризмом, т.к. превратил бы Пакистан, одно из крупнейших по населению мусульманских государств, в обладающий ракетно-ядерным оружием суннитский очаг мирового исламского радикализма. Эксперт при этом подчеркивает ограниченные возможности США воздействовать на ситуацию в Пакистане ввиду исключительно малого доверия к ним со стороны местного населения и общества. Riedel B. Deadly Embrace, Ch. 6 Thinking the Unthinkable: Implications of a Jihadist State in Pakistan.

В.Г. Коргун

ВЫВОД ВОЙСК США/НАТО ИЗ АФГАНИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

С провозглашением в марте 2009 г. новой стратегии США в Афганистане, которая предусматривала вывод американских войск из этой страны в 2011–2014 гг., их численность к весне 2011 г. достигла порядка 100 тыс. человек. В то же время в военных кругах США встал вопрос о дальнейшем увеличении численности вооруженных сил Афганистана: предполагалось довести ее до 320 тыс. человек. По данным тогдашнего главы Пентагона Роберта Гейтса, на середину лета 2011 г. численность афганской армии должна была составить 150 тыс. солдат и офицеров и к октябрю возрасти до 172 тыс. Силам международной коалиции, по оценкам Пентагона, к тому времени противостояли 25–30 тыс. талибов и иных экстремистов.

Подготовка вывода войск США была осложнена акцией сожжения Корана 20 марта 2011 г. американским пастором Терри Джонсом во Флориде. Она вызвала взрыв протеста в Афганистане и ряде других мусульманских стран. В г. Мазари-Шарифе на севере страны разгневанная толпа совершила нападение на местную штаб-квартиру ООН, в результате погибли семь сотрудников этой организации. Президенты США и Афганистана выступили с осуждением действий американского священника.

В последующие месяцы в Афганистане произошли важные события, которые оказали влияние на процесс вывода американских войск. Силами американского спецназа 2 мая 2011 г. в пакистанском г. Абботабад был ликвидирован Осама бен Ладен, за которым США охотились около 10 лет. Это по существу не изменило военно-политическую ситуацию в регионе.

Данное событие, в свою очередь, повлекло за собой серию убийств ряда политических и государственных деятелей Афганистана. Так, 28 мая того же года террористом-смертником был убит генерал Мухаммад Дауд, заместитель министра

внутренних дел по борьбе с наркотиками. По данным афганских следственных органов, убийцей был боевик Исламского движения Узбекистана, поддерживающего тесную связь с организацией «Аль-Каида».

Следующей жертвой террора стал брат президента, глава провинциального совета Кандагара Ахмад Вали Карзай, убитый 12 июля 2011 г. своим телохранителем. Он пользовался, мягко говоря, сомнительной репутацией: обладая полнотой власти в провинции, управлял ею как независимым княжеством. Его подозревали в связях с наркомафией, рейдерских захватах земельных участков, которые он незаконно сдавал в аренду западным структурам, в фальсификации президентских выборов 2009 г. на юге Афганистана. И хотя ответственность за убийство взяли на себя талибы, официальной версии так и не последовало: многие были заинтересованы в устранении Ахмада Вали.

Наконец, 20 сентября 2011 г. был убит бывший президент Афганистана профессор Бурхануддин Раббани. Будучи лидером парламентской оппозиции, Б. Раббани возглавлял также Высший совет мира, созданный для ведения переговоров с талибами. Его убийство, ответственность за которое взяла на себя группировка Дж. Хаккани, – это попытка сорвать переговорный процесс, обострить обстановку в стране, усилить противоречия между таджиками и поддерживающими их национальными меньшинствами севера Афганистана, с одной стороны, и пуштунами, – с другой. В ответ президент Х. Карзай 29 сентября выступил с заявлением о том, что он отказывается вести переговоры с талибами, а партнером в переговорах станет Пакистан².

Очередной мишенью талибов стали американцы. В ситуации, когда президент Б. Обама объявил о готовности США начать с ними переговоры, 11 сентября мятежники устроили мощный взрыв на американской базе в провинции Вардак, в результате были ранены 77 американских военнослужащих. А 14 сентября экстремисты совершили нападение на американское посольство в Кабуле. Посол США Р. Крокер обвинил в совершении акции группировку Дж. Хаккани.

Все эти трагические события показывают, что антиправительственные силы по-прежнему обладают серьезным военным потенциалом. При этом мятежники не только продемонстрировали свои возможности, но и стремились оказать нажим на пра-

вительство и его западных партнеров, подтолкнуть последних к ускоренному уходу из Афганистана, подготовить условия для того, чтобы в дальнейшем навязывать свои условия Кабулу в случае возможных переговоров, от которых они пока отказывались.

В этой непростой обстановке США начали переговоры с Кабулом о заключении соглашения о формате и статусе пребывания американцев в Афганистане после завершения вывода войск коалиции в 2014 г. Несмотря на давление, оказываемое на президента Б. Обаму американской общественностью, выступающей за скорейший вывод войск (в середине лета 2011 г., согласно опросу общественного мнения, 56% американцев высказались против дальнейшего пребывания войск США в Афганистане³), президент Х. Карзай и ряд официальных лиц из его окружения выражали опасение, что, оставшись без военной поддержки Запада, Афганистан может стать ареной новой гражданской войны и источником нарастающей угрозы безопасности региона.

Кабул отказался подписать американский проект соглашения, сославшись на «расплывчатость» формулировок, и предложил свой, более детальный. Афганские официальные лица настаивали на том, что остающиеся в стране американские военнослужащие должны действовать в рамках афганского законодательства. «Не должно быть никаких параллельных структур, – категорически заявил советник президента Х. Карзая по иностранным делам Р.Д. Спанта. – Все должно быть в соответствии с нашим суверенитетом и конституцией»⁴. В апреле Х. Карзай объявил о том, что собирается созвать Лоя джиргу для обсуждения вопроса об американо-афганском стратегическом соглашении. Однако к июлю 2011 г. завершился второй раунд переговоров между госсекретарем Х. Клинтон и афганскими официальными лицами: стороны после долгих дискуссий так и не выработали приемлемый документ. Принятие соответствующего решения было отложено.

В рамках обсуждения долгосрочных контактов между США и Афганистаном встал вопрос о судьбе военных баз, на которых в настоящее время дислоцированы части американской армии. В стране нет однозначного мнения по этому вопросу. Так, покойный брат президента Ахмад Вали Карзай считал, что закрепление за США на постоянной основе военных баз в стране предотвратит возможное вмешательство соседей

Афганистана в его внутренние дела⁵. Поддержку этой идеи оказали министр обороны Абдурахим Вардак, бывший первый вице-президент Ахмад Зия Масуд, бывший глава национальной безопасности Амрулла Салех, бывший министр внутренних дел Ханиф Отмар. Первый вице-президент маршал Фахим заявил, что этот вопрос необходимо обсудить вместе с народом Афганистана, имея в виду Лоя джиргу⁶.

Сам президент Х. Карзай подчеркивал, что вопрос о базах должен решаться парламентом и старейшинами. США вначале заняли осторожную позицию по этому вопросу. Впервые она была обозначена в конце 2010 г. госсекретарем Х. Клинтон, которая, подводя итоги ноябрьского саммита НАТО в Лиссабоне, где был одобрен план передачи правительству Афганистана функций по обеспечению безопасности в стране, подчеркнула, что США не планируют создавать в республике постоянные базы. О том же говорил и президент Б. Обама. Данная формулировка, однако, не исключала возможности обеспечить там долгосрочное военное присутствие Соединенных Штатов⁷. «Американские военные могут в течение длительного времени находиться в различных странах мира, не обладая там базами на постоянной основе», – отмечалось в газете «Гардиан»⁸. Свое видение проблемы изложил командующий войсками НАТО в тот период в Афганистане генерал Петреус, предложивший создать «совместные» афгано-американские базы. Выступая на слушаниях в сенатском комитете по обороне, он заявил, что «крайне важно оставаться в регионе, в котором у нас столь жизненно важные интересы»⁹.

Обсуждение вопроса о будущем статусе военных баз в Афганистане вызвало обеспокоенность его соседей. Так, Иран заявил, что он категорически против сохранения американских военных баз у себя под боком. Россия и Индия также выразили Вашингтону и Кабулу свою озабоченность. Неодобрение высказал и Китай.

Тем не менее, в декабре 2011 г. на заседании Лоя джирги, посвященной вопросу заключения афгано-американского соглашения о стратегическом партнерстве, было принято решение оставить за американцами военные базы в Афганистане сроком на 10 лет. Впрочем, окончательное решение остается за афганским парламентом.

Таким образом, уход американских войск из Афганистана начался в сложных условиях. США оставляют при этом массу

нерешенных проблем. В частности, не решена главная задача – покончить с терроризмом в Афганистане и регионе. Талибы и их союзники по-прежнему представляют здесь серьезную угрозу миру и безопасности. Хотя и значительно ослаблена, но не ликвидирована террористическая организация «Аль-Каида». Военные методы урегулирования ситуации, на которые делала ставку администрация Дж. Буша, не сработали. Теперь США вынуждены идти на переговоры с талибами. Этот путь непредсказуем и полон неопределенностей. Но сегодня ему нет альтернативы. Никто не может предсказать, что ожидает Афганистан после ухода войск США и НАТО. Всеобщая коррупция, наркотрафик, произвол уорлордов, организованная преступность, безработица – все это остается неотъемлемой частью сегодняшнего Афганистана.

Между тем есть основания полагать, что США уходят не окончательно: как они сами признают, у них здесь важные geopolитические и экономические интересы. Из страны будут выведены лишь боевые части, однако военное присутствие США остается, поскольку они по-прежнему стремятся противостоять Ирану, сдерживать Россию и Китай, не допускать утечки ядерного оружия Пакистана в руки террористов. К тому же американские геологи недавно обнаружили в Афганистане богатейшие запасы природных ресурсов, в том числе стратегического назначения. Как можно оставить так просто такую богатую кладовую?

Визит госсекретаря Хиллари Клинтон в регион в ноябре 2011 г. лишь подтвердил такого рода намерения США. В конце октября 2011 г. она посетила Пакистан, Афганистан, Узбекистан и Таджикистан. Основную и наиболее сложную задачу госсекретарь решала в Исламабаде. Во-первых, она попыталась снизить накал противоречий, возникший между двумя странами после ликвидации Осамы бен Ладена 2 мая 2011 года в Абботабаде. Исламабад расценил устранение террориста американским спецназом как нарушение суверенитета Пакистана. Во-вторых, она была вынуждена признать ключевую роль Пакистана в урегулировании афганского конфликта и призвала его активно включиться в борьбу против собственных экстремистов, а также внести вклад в стабилизацию ситуации в Афганистане.

Особое значение было придано возможности использовать Пакистан для борьбы с группировкой Хаккани, которую США

считают наиболее опасной для себя. Убедившись в том, что у пакистанцев нет особого желания нанести военное поражение отрядам Хаккани, госсекретарь предложила Исламабаду «зажать в тиски» эту группировку и принудить ее к переговорам. Впрочем, пока неизвестно, пойдет ли Хаккани на переговоры и к чему они могут привести. Резюмируя итоги встреч в Исламабаде, госсекретарь неуверенно подчеркнула: «Важно, что мы ¹⁰ достигли согласия в стремлении начать мирные переговоры».

Во время визита Х. Клинтон в Кабул речь шла о выработке двустороннего соглашения о стратегическом партнерстве, которое в мае 2011 года условились подписать президенты Барак Обама и Хамид Карзай. В процессе переговоров между сторонами и на этот раз не было достигнуто согласия об условиях использования Соединенными Штатами военных баз в Афганистане после 2014 года.

Во время посещения Душанбе и Ташкента Х. Клинтон больше говорила на традиционные темы – активное участие северных соседей Афганистана в его восстановлении, соблюдение прав человека и уважение религиозной свободы. Однако была выдвинута идея создания «Нового шелкового пути», с которой Вашингтон носится уже не первый год.

Она заняла центральное место на конференции под звучным заголовком «Безопасность и сотрудничество в сердце Азии», которая состоялась в Стамбуле 2 ноября 2011 года. В ней приняли участие делегации 14 стран – из России, Турции, Афганистана, Ирана, Узбекистана, Казахстана, Киргизстана, Туркменистана, Таджикистана, Китая, Индии, Пакистана, ОАЭ и Саудовской Аравии. Ведущую роль на форуме взяли на себя США, представители которых уделили главное внимание жизненно важному вопросу – примирению в Афганистане, пытаясь навязать региону создание возглавляемого Западом механизма региональной безопасности и интеграции по типу ОБСЕ. Известный индийский дипломат и публицист Бхадракумар назвал идею «сомнительным шаблоном новой архитектуры безопасности для Центральной и Южной Азии» и «попыткой поставить телегу впереди лошади»¹¹.

В Стамбуле не столько решали проблему, как вернуть Афганистан к мирной жизни, сколько согласовали интересы различных групп, стран, игроков регионального и глобального уровня, которые действуют в Центральной Азии и на Ближнем

Востоке. Очевидно, что Афганистан пытаются использовать в качестве важного инструмента воздействия на огромный регион: от Китая и Индии до России и Европы в руках Запада.

В сущности, идея «шелкового пути» преследовала цель закрепить политическое и иное доминирование Запада, в первую очередь США, в регионе после вывода войск НАТО к 2014 г., найти замену растущему влиянию ШОС, потеснить Россию и Китай. «Новый шелковый путь» – это по существу модифицированный вариант «Большой Центральной Азии» эпохи президента Дж. Буша. Несмотря на смену названия, сквозь эту идею отчетливо проступают истинные цели США в регионе: получить прямой доступ к минеральным ресурсам региона посредством создания линий коммуникаций в обход России и Ирана. США стремятся также обеспечить для НАТО своего рода формальную, институциональную роль в региональной безопасности Центральной Азии.

Впрочем, идея изначально оказалась обречена на неудачу. Довольно жестко против нее выступил Пакистан, который отметил, что ситуация в Афганистане радикально отличается от обстановки, сложившейся в Европе после окончания холодной войны, и посему создание полноценного аппарата обеспечения безопасности в регионе, аналогичного ОБСЕ, абсолютно неприемлемо. Соседи Афганистана, по мнению Исламабада, могут играть лишь вспомогательную роль в обеспечении мира, безопасности и территориальной целостности страны, и вместо создания новых механизмов лучше сосредоточиться на выполнении существующих программ мира, безопасности и развития. Аналогичные взгляды выразили делегации России, Китая и Ирана.

Самым важным итогом конференции в Стамбуле, вероятно, можно считать намерение ШОС решить вопрос о расширении своих рядов за счет принятия Индии и Пакистана в качестве полноправных членов. Об этом шла речь на встрече министров иностранных дел Китая и России в Москве в конце октября 2011 г. Рассматривался также вопрос о предоставлении Афганистану статуса наблюдателя.

Наконец, отчаявшись договориться с соседями Афганистана о поддержке своих планов, США решили привлечь мировое сообщество к созданию своего рода инфраструктуры обеспечения вывода войск НАТО из страны и дальнейшего участия ее доноров в судьбах Афганистана. С этой целью была созва-

на международная конференция по Афганистану, прошедшая 5–6 декабря 2011 г. в Бонне, символически приуроченная к 10-й годовщине аналогичного форума в том же городе, определившего судьбу Афганистана в постталибский период.

С учетом складывающейся ситуации в регионе можно полагать, что вывод войск США и НАТО не решит афганскую проблему, а лишь спровоцирует серию новых вызовов безопасности Афганистана и его соседей. Ситуацию могут даже осложнить попытки внерегиональных держав навязать свои схемы урегулирования кризиса, которые не совпадают с интересами стран региона. Поэтому, вероятно, следует ограничить участие Запада после 2014 г. ролью фасилитатора регионального процесса.

Начавшийся вывод войск США и их союзников по НАТО связан с целым рядом факторов, большая часть которых усложняет этот процесс и вызывает немало вопросов, на которые пока нет ответов. Это порождает неопределенность как самого переходного процесса, так и складывающейся ситуации в Афганистане и вокруг него.

Самый важный вопрос – кому будет принадлежать власть после ухода коалиционных сил? Сегодняшняя власть со своей сверхцентрализованной структурой имеет мало шансов сохраняться: в системе государственного управления после 2014 г. получит представительство более широкий спектр политических сил, включающий талибов и их союзников.

Сейчас все акторы на афганском политическом поле признают необходимость переговоров и интеграцию противников режима в политическом процессе. При этом ставятся три условия: их отказ от вооруженной борьбы, разрыв с «Аль-Кайдой» и признание действующей конституции. Однако пока неясно, сможет ли афганское правительство вообще привлечь талибов, «сеть Хаккани» или другие группы экстремистов к переговорам. Убийство главы Высшего совета мира Б. Раббани 20 сентября 2011 г. говорит не в пользу стремления мятежников к переговорам. Даже если они сядут за стол переговоров, неясно, согласятся ли они подписать соглашение, которое удовлетворит афганское правительство или США в условиях, когда они уверены, что переиграют США и НАТО. И, наконец, неясно, почему бы мятежникам не использовать переговоры к своей выгоде и не нарушить достигнутое соглашение, когда им будет удобно.

Поэтому пока представляется маловероятным, что переговоры приведут к серьезному, приемлемому для талибов соглашению, которое не допустит ни риска захвата ими власти после ухода войск НАТО, ни раздела страны или возникновения некой коалиции типа Северного альянса, ни гражданской войны. Также маловероятно, что талибы согласятся на соблюдение прав человека и демократию, которую продвигает Запад в Афганистане.

Переговоры же США с талибами в Катаре пока не имеют особой ценности, так как в них не участвует главный игрок на афганском политическом поле – правительство Х. Карзая. К тому же они имеют неустойчивый характер и постоянно подвержены риску срыва, как это случилось в марте 2012 г., когда талибы прервали их. Талибы не спешат прийти к приемлемым для Х. Карзая и его западных партнеров решениям, поскольку время работает на них. Они могут прибегнуть к тактике затягивания переговоров с целью выиграть войну политическими средствами. У них нет ощущения, что они побеждены и потому они могут верить в то, что им остается только проявить больше выдержки в конфронтации с НАТО в войне на истощение.

Более того, в переговорах не участвовал Пакистан, от позиции которого во многом зависит преодоление афганского кризиса. При этом к концу 2011 г. резко ухудшились и без того не самые лучшие отношения США с Пакистаном, подошедшие к грани враждебности после двух крупных инцидентов – ликвидации бен Ладена 2 мая 2011 г. силами американского спецназа и гибели 24 пакистанских солдат в результате ракетного удара с американского беспилотника по блок-посту пакистанской армии 26 ноября. Эти акты привели к тому, что Пакистан выслал из страны американских советников, закрыл базу беспилотных аппаратов и ограничил их полеты над своей территорией. В течение первых двух месяцев 2012 г. США не могли наносить ракетные удары с беспилотников. Пакистан (особенно его военный истеблишмент) не спешил демонстрировать намерения восстановить хотя бы прежний, не самый высокий уровень сотрудничества с США. В этих условиях практически был перекрыт маршрут снабжения войск НАТО через пакистанскую территорию.

Исламабад не без основания полагает, что после ухода войск в Афганистане может возникнуть своего рода вакуум власти, что даст ему шанс активно включиться в процесс фор-

мирования нового кабульского режима, тем более что в 2014 г. будет избран новый президент страны, вполне возможно – из числа ставленников пакистанского правительства. Как минимум, Пакистан использует уход войск НАТО к 2014 г. для усиления своего влияния в зоне пуштунских племен и создания стратегической глубины в лице Афганистана в своем противостоянии с Индией.

Еще один важный фактор, который оказывает влияние на процесс вывода войск, – позиция стран-соседей Афганистана (Ирана, Пакистана, Китая, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана) и других заинтересованных государств (России, Турции, Индии, Саудовской Аравии). В контексте афганской ситуации их объединяет ряд общих задач – прекращение военных действий и иностранного военного присутствия, достижение и обеспечение безопасности и стабильности, борьба с наркобизнесом, достижение национального единства Афганистана. Однако у каждой из этих стран есть свои интересы и намерения, не всегда совпадающие с интересами Афганистана.

Одним из ведущих игроков на афганском поле выступает Иран, занимающий неоднозначную позицию в отношении своего соседа. С одной стороны, он оказывает ему экономическую помощь (с 2002 г. – около 1 млрд. долларов), в основном населению западных районов и хазарейцам в центральной части страны. С другой, – в жесткой манере выдавливает афганских беженцев (более 1 млн. человек) и негласно поддерживает различные группы антиправительственных сил с целью подорвать позиции международной коалиции во главе с США. Иран по ряду проблем сотрудничает с Пакистаном и Индией, а также Турцией и Таджикистаном в рамках различных соглашений, в том числе по афганской проблеме. Участвует в работе ШОС в качестве наблюдателя, имеет тесные контакты с Россией.

Что касается другого соседа – Китая, то его главным приоритетом в регионе является экономическое сотрудничество. Пока его роль в Афганистане ограничивается несколькими объектами. Исключение составляет разработка медного месторождения в Айнаке, к югу от Кабула. В целом его больше интересует Пакистан как союзник и партнер, создающий стратегическую глубину в противостоянии с Индией. При этом Исламабад в своей азиатской политике также делает серьезную ставку на Пекин. По некоторым данным, в 2011 г. Пакистан предлагал Китаю, чтобы тот «заменил» собой США в Афгани-

стане, и добивался увеличения китайской помощи с тем, чтобы уменьшить зависимость от США. По сообщениям прессы, во время визита премьер-министра Гилани в Кабул в апреле 2011 г. он говорил президенту Х. Карзая о том, что США испытывают неудачи в отношениях с обеими странами, и надо обратиться за помощью к Китаю. Пакистанский премьер характеризовал Китай как «всепогодного» друга в отличие от американцев, которые ненадежны, опять покидают регион и вынуждают Пакистан действовать против его же интересов¹².

Афганистан же по разным параметрам находится на периферии политических интересов Китая. Однако в рамках ШОС последний будет оказывать возрастающее влияние на ситуацию в Афганистане после 2014 г.

Северные соседи Афганистана поддерживают с ним добрососедские отношения и оказывают незначительную экономическую помощь в соответствии с их финансовыми возможностями, в первую очередь в поставке энергоресурсов и в расширении системы коммуникаций. Однако в условиях начавшегося вывода коалиционных сил их роль резко возрастает, в первую очередь как транзитного пространства для сил НАТО. Тем не менее каждая из них действует в первую очередь в своих интересах. На их территории функционирует Северная распределительная сеть НАТО – важный рычаг давления России и ее центральноазиатских союзников: предоставив США и их партнерам по НАТО свои базы (Манас в Киргизии, в узбекском Термезе), а также транспортные маршруты – наземные и воздушные для переброски персонала и невоенных грузов из Афганистана и в обратную сторону, они получили возможность влиять здесь на действия США и НАТО. Кроме того, Узбекистан построил железную дорогу из Хайратана в северную столицу Афганистана – г. Мазари-Шариф (75 км), которая тоже используется силами НАТО.

В ближайшей перспективе по мере ухода западных войск эти страны вместе с Россией и Китаем будут вынуждены выработать стратегию противодействия политико-идеологической экспансии терроризма и религиозного экстремизма и сохранения безопасности в регионе в условиях возможного увеличения роли талибов в Афганистане и их союзников в этих странах (ИДУ и Хезб ут-тахрир).

Еще один важный фактор, который должен стать предметом беспокойства покидающих страну сил НАТО: ни США, ни

их союзники не имеют четкой стратегии перехода ответственности к афганцам. Речь должна идти не только о стратегии и тактике выхода войск коалиции, но об обеспечении условий, при которых Афганистан после 2014 г. станет стабильным государством, и пока нет признаков, что это достижимо. У США и их партнеров по НАТО также нет четкого представления о том, какие цели они будут преследовать в Пакистане, странах Центральной и Южной Азии после 2014 г.

В конечном счете успех переходного процесса будет во многом зависеть от стратегии правительства Афганистана по принятию на себя ответственности за стабильность и безопасность. И хотя на сегодняшний день достигнут определенный прогресс в создании национальной армии, но без эффективно функционирующего государства, которое нужно защищать, силы безопасности могут потерять стимул и скатиться к развалу. К тому же резкое сокращение финансовой помощи со стороны зарубежных доноров, которое будет сопровождать процесс перехода, может привести к резкому спаду экономической активности и последующей депрессии.

Словом, как правительство Х. Карзая, так и его западные партнеры в процессе перехода ответственности неизбежно столкнутся с рядом сложных проблем и вызовов, на которые у них нет адекватного ответа.

¹ Заявление главы Пентагона. Вашингтон, 18 февраля 2011. / Кorr. ИТАР-ТАСС Александр Пахомов.

² Обстановка в стране. Каир, 30 сентября 2011. / Кorr. ИТАР-ТАСС.

³ Каир, 23 июня 2011. / Кorr. ИТАР-ТАСС.

⁴ Jason Burke. Secret US and Afghanistan talks could see troops stay for decades // Guardian.co.uk, 13 June 2011.

⁵ US Permanent Military Bases a Serious Need: Wali Karzai // Tolo news, March 14, 2011.

⁶ Вахид Можда. Негахи ба таасират-е сияси-йе пайгаха-й незами-йе Америка дар Афганистан (Американские военные базы и их политическое влияние в Афганистане) //Пайгаха-йе даеми-йе незами-йе Америка ва асарат-е ан бар айянде-йе Афганистан (Военные американские базы и их влияние на будущее Афганистана). Сборник статей. Кабул, 2011 (на языке дари), с. 12–13.

⁷ Thom Shanker. General Sees Joint Bases for Afghans After 2014 // New York Times, March 15, 2011.

⁸ Лондон, 15 июня 2011. / Кorr. ИТАР-ТАСС Екатерина Венкина.

⁹ *Thom Shanker*. General Sees Joint Bases for Afghans After 2014 // New York Times, March 15, 2011.

¹⁰ *Bhadrakumar M. K.* Hillary Clinton in Islamabad. Mission accomplished // Deccan Herald, 24 October 2011.

¹¹ *Bhadrakumar M. K.* US's post-2014 Afghan agenda falters // Asia Times, 4 November 2011.

¹² *Cordesman A.* The Afghanistan/Pakistan War and Role of the Great Powers. Center of strategic and international studies. Washington, 08.12.2011, c. 14.

АФГАНСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ 2014 г.

Цель данного исследования – выяснить, каким будет афганское общество накануне 2014 г. – даты вывода международных воинских контингентов США и НАТО из Афганистана. Проблема будущего политического строя Афганистана после 2014 г. породила массу гипотетических сценариев и вариантов развития этой страны. Нет необходимости дополнять их новыми гипотезами, хотя каждый день добавляет к ним новые нюансы, еще больше обостряющие внутриполитическую обстановку.

Более интересно, как нам представляется, взглянуть на проблему состояния афганского общества изнутри, уяснить роль основных факторов, определяющих настроения общества, понять, как поведут себя разные этнорелигиозные силы: воспримут ли они возможные грядущие политические перемены или окажут им сопротивление.

Значительную помощь при анализе сегодняшнего общества могла бы оказать статистика, особенно в этнической сфере. К сожалению, точная и объективная перепись населения Афганистана никогда не проводилась. Эмир Абдурахман-хан и его наследник эмир Хабибулла (конец XIX – начало XX в.) пытались провести перепись населения, однако никаких следов этого не сохранилось. Попытки в 1979 и 1983 гг. провести выборочную перепись населения в силу ограниченности выбранных для этого территорий, а главное нежелания населения участвовать в ней, не могут быть признаны достоверной демографической статистикой.

В годы гражданской войны наблюдалась активная эмиграция из страны, в периоды пика которой, по разным данным, она составляла от 5 до 6,5 млн. беженцев¹. По недокументированной информации общее число афганцев (с учетом диаспор) составляет ныне 30–32 млн. чел.² Не менее активно шли миграционные потоки внутри страны. Часть городского населения бежала в глухие районы, укрываясь от военных действий, а

сельские жители из разоренных сел уходили на заработки в города (если в 60-е гг. XX столетия более 90% составляло сельское население, а городское – 8–10%, то ныне, опять-таки по афганским оценочным данным, сельское население составляет 75–80%, городское возросло до 20%).

Заметим, что именно сельские жители, перебравшиеся в города, особенно в столицу, пополнили ряды люмпенов и образовали некую маргинальную страту, представляющую собой легко возбудимую массу, которую противники существующего режима без труда провоцируют и направляют ее недовольство в нужное им русло.

В рамках данной статьи ограничимся рассмотрением двух основных факторов: религиозного и этнического, всегда оказы-вающих влияние на государственную власть и политику. Конечно, в зависимости от исторических обстоятельств и коллизий (междоусобные войны, смены династий и правителей, периоды отражения внешней агрессии) эти факторы поочередно выходили на передний план.

Начнем с религиозного фактора. Не будет преувеличением сказать, что история афганского государства есть история борьбы между светской и духовной властью. Суннитское духовенство как страта хотя и занимало во властных структурах значительное место, но все же никогда не обладало достаточной силой, чтобы ставить вопрос о ликвидации высшей светской власти и претендовать на ее замену властью духовной, предпочитая идти с государством на сотрудничество. Разумеется, афганские улемы до тех пор, пока не затрагивались их корпоративные интересы, оставались лояльными к светским властям. Но стоило духовенству почувствовать угрозу своим привилегиям, как оно вступало в конфликт с государственной властью, зачастую инспирируя выступления населения против неугодного муллам правителя, как это было, например, во время правления короля Амануллы-хана или режима Народно-Демократической партии Афганистана.

Что представляет собой сословие служителей культа, и в чем их сила?

Афганские исследователи подразделяют его на две группы «уламайе дин» (религиозные улемы) и «кешре руханият» (сословие, класс духовенства)³. В свою очередь, сословие «религиозных улемов» делилось на мулл и мавлави. В социально-экономическом отношении муллы занимали низшую

ступень, в основном общаясь с простым народом. Муллы сопровождают мусульманина от рождения до смерти. Они читают молитвы над новорожденным, дают ему имя, молятся у постели больного и в качестве лечения вручают ему «таавиз» (талисман, амулет), наконец, участвуют в похоронах, читая заупокойные молитвы, и сопровождают покойника на кладбище⁴.

Мавлави – это муллы, получившие более высокое религиозное образование. Контингент верующих, с которыми они имеют дело, гораздо богаче и занимает более высокое положение в обществе. Мавлави, получившие высшее образование в зарубежных религиозных центрах (Деобанд в Индии, аль-Азхар в Египте и др.), удостаивались почетного звания «мотабахер» (эрudit). Они обычно имели дело с ханами, племенными вождями, богатыми купцами и государственными чиновниками.

Однако наиболее прочные позиции в афганском обществе при многих политических режимах всегда занимали пиры суфийских тарикатов – орденов, обладавших влиянием, такие как Накшбандия, Тейфурия, Моджаддидия, Маасумия, Чиштия, Сухравардия, Кадирья, которые образовали, условно говоря, высшую корпорацию «неприкасаемых»⁵. (Лишь однажды, при правлении Хафизуллы Амина в феврале 1979 г. этот принцип был нарушен. Тогда больше других пострадал клан Моджаддидия, когда по указу Х. Амина были расстреляны более 20 членов ордена.)

Показательно, что в ходе войны между талибами и муджахедами, когда лидеры талибов подвергли резкой критике тогдашнего президента Б. Раббани и других лидеров «Северного Альянса», они воздерживались от нападок на руководителей суфийских орденов: Кадирья, Муджадидия, Накшбандия, потому что многие талибы были муридами пирам этих орденов. Укреплению влияния духовенства среди населения страны также способствовало религиозное сословие, причислявшее себя к наследникам (в основном по косвенной линии) семьи пророка Мухаммада и его сородичей. Эта категория включала в себя сайдов, хазратов, хаджаганов, ишанов и т.п.

Все эти группы в целом составляли могущественное сословие мусульманского духовенства, которое при всех режимах оставалось и, видимо, останется, несмотря на определенные потери, понесенные в ходе войны, устойчивой стратой афганского общества и после 2014 г., сумеет сохранить свое влияние и приспособиться к изменившимся условиям, инкорпорироваться в общую структуру любого государственного строя.

Перейдем к этническому фактору – перманентному источнику межнациональных конфликтов. Корни его кроются в империи Ахмад-шаха Дуррани (XVIII век), которая подобно всем полиэтническим империям, созданным благодаря военной силе, всегда тяготела к распаду. Уже при ближайших потомках Ахмад-шаха центробежные силы возобладали над центростремительными, и бывшая империя распалась на ряд независимых княжеств, ибо в своей основе она была конгломератом разных этносов, или скорее конфедерацией племен, нежели централизованной монархией. Однако пуштуны, считая себя самым большим этносом (около 42%)⁶, государствообразующей нацией при всех правителях-пуштунах занимали господствующее положение в обществе.

Лишь по прошествии почти 100 лет эмиру Абдурахман-хану (1881–1901) удалось силой оружия вновь подчинить непокорные племена и создать «многонациональное лоскутное государство, сдавленное обручем абсолютизма»⁷, которое по-существу включало в себя две неравноправные этнические группы – пуштунов и непуштунов, причем последние подвергались дискриминации со стороны правящей нации⁸.

Взаимная неприязнь и противоречия на этнорелигиозной почве между пуштунами, обладавшими всей полнотой власти, и этническими меньшинствами – узбеками, таджиками, хазарейцами продолжали таиться в глубинах афганского общества. Периодически этот антагонизм проявлялся в виде восстаний и междоусобных войн. Наиболее успешным было кратковременное правление (1928–1929) таджика из Калакана, правившего страной под именем эмира Хабибуллы II и прервавшего много вековое господство пуштунов.

Попытка радикально решить межнациональную проблему так называемым демократическим путем была предпринята в 1978–79 гг. Народно-демократической партией Афганистана, выступавшей с марксистко-ленинских и интернационалистических позиций, но провалилась. Более того, НДПА на собственном примере продемонстрировала живучесть межэтнических противоречий, сохранив до последних дней своего правления две враждовавшие фракции: пуштунскую «Хальк» и непуштунскую в своей массе «Парчам».

Если признать всю совокупность афганских этносов как единую большую страту, полагаем целесообразным особо указать на роль господствующего сословия, племенной этнократии,

которая всегда определяла и ныне определяет национальные тенденции любых этносов. Традиционные формы пуштунских и непуштунских племенных элит сохранились, но в ходе войны изменился их состав.

Так, в пуштунских племенах, где сардара (племенные вожди) составляли элиту, по-прежнему авторитетными остаются кланы «хан-хелей» (ханские кланы). (Например, нынешний президент Х. Карзай – выходец из кандагарского племени попользатов, где отец его принадлежал к клану хан-хелей).

После боннских соглашений 2001 г. власть на местах еще больше сконцентрировалась в руках пуштунских военно-племенных авторитетов – муджахедов, которые в большинстве племен заняли ключевые позиции.

Можно предположить, что некоторые из «warlords» в районах компактного проживания пуштунов установили контакты с лидерами талибов – своими бывшими соратниками по оружию и в случае прихода к власти движения «Талибан» рассчитывают сохранить свои позиции. Заметим, что сегодня политика руководства талибов направлена на то, чтобы поднять пуштунские племена на «священную войну» с «неверными» и тем самым вынудить силы США и НАТО воевать с племенами, что по опыту британской армии, трижды воевавшей с афганцами, бесполезно, поскольку это все равно, что «бить мечом по воде».

Иное дело этнические меньшинства, представители которых ныне занимают места в различных государственных структурах. Об их настроениях в канун 2014 года можно судить хотя бы по мнению автора статьи под заголовком «Если пуштуны не хотят, то кто же желает распада Афганистана», опубликованной в эмигрантской газете «Навиде руз» (13 января 2012 г.)⁹.

В статье сообщается, что, будто бы в ответ на сепаратные переговоры, которые США вели с представителями талибов в Катаре, лидеры этнических меньшинств: таджиков (Ахмад Зия Масуд), узбеков (Абдурашид Дустум), хазарейцев (М. Мухаккак) организовали в Берлине встречу с несколькими американскими сенаторами и провели с ними переговоры с целью заручиться поддержкой администрации США в осуществлении их национальных интересов. Опасаясь, что с возможным приходом талибов к власти, они лишатся своих позиций в нынешнем обществе и им придется вновь вести борьбу на выживание, они выдвигают план фрагментации современного унитарного Афганистана по этническому принципу и превращения его

в федеративное государство. Более того, они выступают за сокращение властных полномочий президента, введение поста премьер-министра и преобразование Афганистана в парламентарную республику.

Рассматривая современные слои афганского общества до 2014 г. и факторы, могущие повлиять на обстановку в стране, полагаем необходимым также остановиться на роли политических партий, которые лишь условно можно считать особой политической стратой общества, ибо все эти партии строятся на религиозно-этнической основе.

Большую часть из 46 зарегистрированных ныне партий составляют прежние военно-политические муджахедские танзимы – группировки, переименовавшие себя в политические партии. К таковым относятся: «Хезбе ислами耶 Афганистан» (Исламская партия Афганистана), основана в 1974–75 Г. Хекматьяром. Сегодня ее возглавляет Абдул Хади Аргандиваль. В основном члены партии – этнические пуштуны. «Хезбе махазе мелли耶 ислами耶 Афганистан» («Национальный исламский фронт Афганистана»), основатель (1978 г.) Сайид Ахмад Гилани. Костяк партии составляют его муриды ордена Кадирия, главным образом пуштуны.

Его племянник Сайид Исхак Гилани создал партию «Хезбе нахзате хамбастеги耶 мелийе Афганистан» (Партия движения за национальное единство Афганистана).

Несколько партий основаны бывшими высокопоставленными функционерами НДПА, вернувшимися в Афганистан после объявленной амнистии. Например, «Хезбе моттахеде мелийе Афганистан» (Партия объединенного народа Афганистана), лидером которой является Нур уль-Хакк Олуми – бывший генерал, член фракции «Парчам» НДПА.

«Ды Афганистан ды суле гурдзанг гунд» (Партия за мирное движение Афганистана), ею руководит пуштун Шахнаваз Танай – бывший генерал-полковник, министр обороны в правительстве Наджибуллы, член Политбюро НДПА. После неудачного путча (март 1990 г.) против президента Наджибуллы бежал в Пакистан, где примкнул к Г. Хекматьяру (ИПА).

Из числа «старых» партий следует отметить «Афган меллат» (Афганский народ), основанную в 1967 году Г.М. Фархадом, ныне выступает как «Афган толынпал вулусвак гунд «Афган Меллат» (Афганская социал-демократическая партия «Афган Меллат»), лидер Анвархакк Ахади.

Часть партийных организаций создана исключительно на этнорелигиозной основе лидерами хазарейско-шиитской общины: «Хезбе ваҳдате ислами耶 мардоме Афганистан» (Партия исламского единства народа Афганистана), руководит ею М. Мохаккак – бывший министр планирования переходного правительства Х. Карзая; основанная афганскими исмаилитами «Хезбе пайванд мели耶 Афганистан» (Партия национального объединения Афганистана), ее лидером является Сайд Мансур Надери – глава общины исмаилитов Афганистана.

Зарегистрировано несколько партий, провозглашающих ислам основой своей идеологии. Среди них: «Хезбуллахе Афганистан» (Афганская партия Аллаха), лидер Хаджи Ахмад, партия создана в Герате; «Хезбе саадате мелли耶 ислами耶 Афганистан» (Партия национального и исламского благополучия Афганистана), руководит ею маулави Мухаммад Осман Салакзаде.

С демократических позиций выступает «Хезбе кангаре耶 мели耶 Афганистан» (Партия Национального конгресса Афганистана), лидером ее является Абдул Латиф «Педрам», таджик, бывший член «Революционной организации трудящихся Афганистана» (РОТА) и заместитель главного редактора официального органа НДПА газеты «Пайам» (Послание); сотрудничал с Ахмад Шахом Масудом. С 1992 г. проживал в Таджикистане.

Как нам представляется, в случае кризиса нынешней власти политические партии вряд ли сыграют существенную роль в стабилизации обстановки. Скорее всего они разойдутся по своим этносам и в их составе будут участвовать в борьбе за власть.

Что касается фрагментации афганского государства на отдельные этнические анклавы, то полностью такую возможность исключать нельзя. Еще в 1920-е годы видный российский учёный, военный специалист, генерал А.Е. Снесарев высказал предположение, что «большой и долгой войны Афганистан выдержать не сможет и скоро разобьется на ряд поссорившихся и не доверяющих друг другу лагерей»¹⁰.

История этой страны свидетельствует, что у пуштунских племен всегда существовали запутанные и неясные отношения с государством: то, сопротивляясь контролю с его стороны, они свергали правящие династии, то оказывали власти поддержку в критические моменты истории, когда Афганистан подвергался иноземной агрессии, при этом они даже могли в борьбе с общим врагом объединяться в какие-то конфедеративные группы.

Изменилась ли этнополитическая ситуация в стране за прошлые почти сто лет?

Факты свидетельствуют, что никакой тенденции к мирному решению этнического конфликта не просматривается. Наоборот, этнический фактор все отчетливее проявляется в ходе нынешнего этапа боевых действий, где по сути дела сталкиваются талибы – пуштуны и правительственные армии, костяк которой по-прежнему составляют этнические группировки, входившие в прежний «Северный альянс» (таджики, узбеки, хазарейцы).

Высказывания некоторых специалистов по Афганистану о том, что ислам является единственной силой, способной стабилизировать межэтническую ситуацию, до сих пор не оправдались.

В свое время Е.А. Снесарев даже утверждал, что в Афганистане нация – это его вторая религия¹¹. На наш взгляд, по меньшей мере, на сегодняшний день, следовало бы на первое место поставить «нацию», а религию на второе, ибо в ходе нынешней войны ислам не смог выполнить своей интегрирующей роли.

Однако мусульманская религия может стать ферментом массового сопротивления населения иностранным военным силам.

По мнению самих афганских экспертов, с которыми нельзя не согласиться, несмотря на межэтнические противоречия, кровавые войны, разруху и бедность, вмешательство внешних сил, афганцы, всегда гордившиеся своей свободой и независимостью, которые им приходилось отстаивать на протяжении веков, и на этот раз смогут остаться суверенной, унитарной страной и, надо полагать, сумеют прийти к осознанной необходимости модернизации своих традиций в духе требований XXI века.

И последнее. Опыт пяти афганских войн с участием внешних сил давно должен был привести к определенному выводу. Если внешние участники, вовлеченные в межафганский конфликт, не навязывая Афганистану своих моделей развития, чуждых религиозно-национальным традициям всех сословий общества, ограничиваются только финансовой, технико-экономической помощью, то они не только помогут этой стране вырваться из злополучного круга несчастий, но со временем могут завоевать, по меньшей мере, если не дружбу афганцев, то хотя бы их лояльность и наладить с ними нормальное сотрудничество.

¹ Добавление к Докладу Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. ООН, Нью-Йорк, 1993, с. 11; Доклад Верховного Комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. ООН, Нью-Йорк, 1994, с. 37; Беженцы / изд. УВ КБ ООН. М.: ЗАО «Интердиалект», февр. 1997, с. 4–5.

² Среди последних по времени изданий численность населения определяется по разному. См.: Босин Ю.В.. Афганистан: полигэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М., 2002, с. 33 (25–27 млн.); Страны и регионы мира (экономико-политический сборник). М., 2005, с. 419 (25–28 млн.).

³ Асадулла Вальвальджи. Взгляд на социальную специфику афганского общества. // Азад Афганистан. Т. 2, № 2, июль–сентябрь 1999, с. 62–76.

⁴ Там же, с. 62–76.

⁵ Там же, с. 62–76.

⁶ World factbook 2011. Afghanistan.

⁷ Рейнер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929, с. 74.

⁸ Там же, с. 74–77; 82.

⁹ Навиде руз. М., 13.01.2012.

¹⁰ Снесарев А. Авганистан. М., 1921, с. 129.

¹¹ Там же, с. 106.

С.Н. Каменев

ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ НА ЭКОНОМИКУ ПАКИСТАНА

Острая внутриполитическая ситуация в Афганистане не просто вызывает крайнюю озабоченность как соседних государств, так и многих стран, находящихся за тысячи километров от границ этого государства, но и объективно влияет на политическое положение соседних стран и их экономику. Это относится и к Пакистану, и к Ирану, и к центральноазиатским государствам, а также к России. Однако вопрос в данном случае заключается не столько в том, оказывает или не оказывает воздействие ситуация в Афганистане на развитие национального хозяйства соседних государств (здесь едва ли могут возникнуть сомнения), сколько в том, в какой степени крайне нестабильная обстановка в соседнем государстве воздействует на экономическое развитие Пакистана? На какие конкретно сферы и области его экономики распространяется такого рода влияние?

Естественно, Пакистан, как и любая другая страна, существенно втянут в международные экономические отношения, имеет весьма тесные региональные внутриэкономические связи и, конечно, давние экономические отношения с Афганистаном, в первую очередь торговые связи. Именно анализ внешнеэкономических связей двух государств и позволяет определить в первую очередь, насколько влияет ситуация в Афганистане на развитие экономики Пакистана.

Хотя справедливо ради, следует отметить, что существует немало чисто политических факторов, прямых и косвенных (в первую очередь внутренних), действующих как непосредственно из Афганистана на экономику Пакистана, так и «работающих» в самом Пакистане (но связанных с Афганистаном) и влияющих на развитие национального хозяйства Пакистана.

В первую очередь полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о том, какое место занимает Афганистан в торговых

связях с Пакистаном (здесь и далее мы намерены оперировать официальными статистическими данными, публикуемыми пакистанской стороной, поскольку в настоящей статье влияние ситуации в Афганистане на экономику Пакистана рассматривается именно со стороны Пакистана), в частности, рассмотрим двусторонние экспортно-импортные операции.

По последним статистическим данным (а это 2010/11 финансовый год)¹, общий экспорт Пакистана составил около 25 млрд. долл. Но этот параметр не столь важен для нашего анализа, сколько то обстоятельство, что 10% (т.е. примерно 2,5 млрд. долл.)² приходится на ввоз в Афганистан, как непосредственно пакистанских товаров, так и транзитной продукции (согласно афганской статистике, пакистанский экспорт меньше указываемой пакистанскими статистическими органами цифры); двусторонний товарооборот составлял в 2000/01 году лишь 200 млн. долл.³ А если к этому приплюсовать контрабандную торговлю (которая, по мнению ряда пакистанских экспертов, колеблется в последние 5 лет на уровне 2 млрд. долл.), то можно легко выйти на цифру как минимум в 2 раза большую, т.е. на уровень «общего» пакистанского ввоза в Афганистан в размере около 5 млрд. долл. По официальным данным, и Пакистан, и Афганистан после заключения в октябре 2010 г. Соглашения об афгано-пакистанской транзитной торговле могут к 2015 г. достичь официального товарооборота в размере не менее 5 млрд. долл. (именно официального, т.е. без учета контрабанды)⁴.

Предыдущее аналогичное Соглашение, как подчеркивает российский эксперт И.В. Жмуйда, было заключено еще в 1965 г. и пересмотрено в 1995 г. с целью укрепления таможенной службы и реализации мер по ограничению контрабанды. В результате пакистанский экспорт вырос в 57 раз, а импорт – лишь в 8,5 раза, «что свидетельствовало о том, что Пакистан вывез из Афганистана помимо традиционных сухофруктов, лекарственных трав, леса, драгоценных камней еще и ряд контрабандных товаров (это по официальным данным), а ввез туда многочисленные товары пакистанского производства и частично импортные товары, попавшие в официальные источники как «вывоз из Афганистана»⁵.

Процесс существенного роста афганского ввоза из Пакистана (и транзит товаров через Пакистан в Афганистан) носит вполне естественный характер, поскольку в условиях практи-

чески полного отсутствия собственного национального производства подавляющего большинства промышленной продукции (даже ее первичной обработки) закупки необходимых товаров за рубежом являются практически единственной основой для более или менее нормальной жизни афганского населения.

А уже в декабре 2010 г., т.е. через 2 месяца после заключения указанного выше Соглашения, журналисты одной из ведущих пакистанских газет «Nation» провели своего рода собственное журналистское расследование по поводу объема контрабанды из Пакистана в Афганистан. Результатом данного расследования стала публикация в указанной газете пространной статьи на эту тему: по их мнению, уже тогда (т.е. в декабре 2010 г.) размеры контрабанды из Пакистана в Афганистан колебались на уровне 4,5–5 млрд. долл., а это означает, что афганский «черный импорт» был практически в 2 раза больше объема официального импорта из Пакистана (подчеркнем: по данным пакистанской официальной статистики внешней торговли в 2010/11 г.).⁶

Любопытно отметить то обстоятельство, что в общем объеме пакистанского экспорта Афганистан занимает (по официальным данным) второе (!) место после США, которые традиционно являются главным импортером пакистанских товаров. Последние данные свидетельствуют, что объем экспорта Пакистана в США в 2010/11 г. почти приблизился к отметке в 5 млрд. долл. Таким образом, Афганистан как государство – импортер пакистанской продукции и транзита опередил и арабские страны, и государства Евросоюза, и Японию, и многие другие азиатские государства.

Вместе с тем, если среднесрочный прогноз роста пакистано-афганского товарооборота, сделанный сразу после заключения Соглашения о транзитной торговле, предполагал его увеличение к 2015 г. до 5 млрд. долл., то уже в апреле 2012 г. была озвучена цифра в 6 млрд. долл. Об этом объявил президент созданной в феврале 2012 г. Пакистано-афганской совместной торгово-промышленной палаты Мухаммад Зубайр Мотивала (он же – председатель Департамента по инвестициям провинции Синд); при этом он отметил, что в «настоящее время создана прочная база для предотвращения контрабанды и поставлен труднопреодолимый барьер на пути проникновения запрещенных к торговле товаров из Пакистана в Афганистан и обратно»⁷. В том, что пакистанские власти и бизнесмены стре-

мятся сократить размеры контрабанды, сомневаться не приходится, но вот в то, что создана прочная, солидная база для борьбы с контрабандой и поставлены труднопреодолимые препятствия на пути торговли запрещенными товарами, верится с большим трудом.

Что касается афганского экспорта, то в географическом распределении внешней торговли Пакистана в разделе «импорт» эта страна даже не фигурирует. В этой статистике в полной мере присутствуют арабские нефтедобывающие государства, страны Северной Америки (в первую очередь США), Евросоюз, Япония, даже Малайзия фигурирует в первой пятерке. Кроме того, Индия активно завоевывает пакистанский рынок: по мнению индийских бизнесменов и чиновников из Минторга Индии, через 2 года пакистано-индийский товарооборот достигнет 7 млрд. долл. (Это – официальные данные. А так как контрабанда и здесь активно осуществляется, особенно авиаперевозками через Дубай, даже не столько морем, то реально пакистано-индийский товарооборот может достигнуть к 2015 г. 8–10 млрд. долл.). В торговых отношениях России с Пакистаном контрабанды естественно нет. Так что цифры нынешнего товарооборота наших стран в размере всего лишь 700 млн. долл. скорее всего соответствуют истине.

Конечно, вывоз из Афганистана в Пакистан присутствует, однако в неизмеримо меньших (по сравнению с ввозом) количествах. По данным афганской статистики, этот параметр составил в 2002 г. около 25 млн. долл., а в 2008 г. – 260 млн. долл.⁸ (Следует весьма критически относиться к приводимым статистическим данным, поскольку статистическая служба нынешнего Афганистана пока что крайне неразвита). Дело нередко принимало казусный оборот относительно экспортно-импортных операций с Пакистаном: товары, которые ввозились из Пакистана в Афганистан (будь это непосредственно от пакистанских производителей или транзитные), нередко контрабандным путем затем оказывались вновь на территории Пакистана, в приграничных с Афганистаном районах⁹. Местные пакистанские предприниматели буквально заваливали федеральное правительство письмами с требованиями запретить ввозить в Афганистан те товары, которые конкурировали бы с пакистанской продукцией, производимой в Хайбер Пахтунхва (бывшая СЗПП) и Белуджистане, что, конечно, осуществить на практике было невозможно как по объективным экономическим

причинам, так и в связи с явным нежеланием чиновников обеих стран заниматься такими сложными в техническом отношении вещами, которые к тому же однозначно вели бы к снижению коррупционных доходов этих чиновников по обе стороны границы. Эта граница во многих случаях весьма условна (и даже не потому, что афганская сторона отказывается от признания «линии Дюранда»), поскольку ее практически нет в техническом исполнении, что делает возможным проводить контрабандные операции совершенно свободно.

Говоря о коррупции, следует заметить, что в конце 2011 г. международная организация «Transparency International» опубликовала ежегодный доклад о коррумпированности в 183-х государствах мира. Афганистан в этой табели о рангах находится на 180-м месте (в прошлом году он занимал 181-е место, но сейчас «уступил» эту позицию Северной Корее; Пакистан тоже поднялся, «улучшив» свое коррумпированное положение, и находится сейчас на 134-м месте, в то время как в 2010 г. занимал 143-ю позицию). Для сравнения отметим, что Иран, Бангладеш и Казахстан делят в этой таблице 120-е место, Индия находится на 95-м месте, Туркменистан и Узбекистан делят 177-е место, Таджикистан находится на 152-м месте и Киргизстан занимает 164-ю строчку. Россия разделяет 143-е место с Коморскими островами, Нигерией, Того и Угандой лишь на ступеньку выше Пакистана. А самое некоррумпированное государство мира по итогам 2011 г. – Новая Зеландия (а отнюдь не Скандинавские государства, как это было в предыдущие годы)¹⁰.

Что касается афгано-пакистанской торговли, какие-нибудь серьезные нарушения в этом процессе теоретически, конечно, могут возникнуть и негативно сказаться на экономике Пакистана. Однако практически такое маловероятно: торговые отношения будут только развиваться в сторону увеличения двустороннего товарооборота. Его не затормозят даже периодические аресты транзитных грузов в морском порту Караби (как это, например, произошло в апреле 2011 г. по настоятельному требованию Федерального бюро по доходам Пакистана в связи с неуплатой таможенных пошлин афганскими бизнесменами за транзит импортируемых товаров)¹¹. Более того, несмотря на многочисленные бюрократические препоны со стороны пакистанских чиновников, постепенно набирает обороты афгано-индийская сухопутная торговля через пропускной пункт Аттари-Вагах на пакистано-индийской границе; при этом особому досмотру

со стороны пакистанских таможенников подвергаются грузовики, следующие из Индии через Пакистан в Афганистан¹².

В настоящее время экономика Пакистана страдает от двух наиболее серьезных болевых точек – чрезвычайно слабой собираемости налогов (и дело не только в массовых уклонениях от налогообложения, а в первую очередь в слабой эффективности работы самой системы налогообложения) и острой нехватки электроэнергии как для нормального функционирования основных отраслей национального хозяйства, так и для удовлетворения потребностей населения страны. Если первое (налоги) имеет небольшое отношение к теме настоящей статьи, то второе оказывает (или может оказаться) самое непосредственное влияние на развитие экономики Пакистана и тесно связано с ситуацией в Афганистане.

Частично решение энергетических проблем Пакистана могло бы быть обеспечено за счет реализации некоторых конкретных энергетических проектов, связанных в той или иной степени с Афганистаном и зависящих от реальной (а не на словах) позиции руководства этого государства. Речь идет о прокладке газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан с возможным продолжением в Индию, а также о сооружении линии электропередач из Таджикистана опять-таки через Афганистан в Пакистан.

Следует отметить, что такого рода долгостоящие проекты практически всегда сложны в их реализации даже без отрицательного воздействия внешних экстремальных факторов. Достаточно взять в качестве примера сооружение газопровода из Ирана в пакистанский Белуджистан: казалось бы, уже все было готово (по крайней мере, по утверждениям обеих сторон) к вводу в эксплуатацию в июне 2012 г. этого газопровода в строй. И вдруг в феврале указанного года замминистра нефти и природных ресурсов Пакистана заявил, что пуск газопровода откладывается до декабря 2014 г., т.е. почти на 3 года¹³, приведя в качестве непонятного аргумента переноса сроков неурегулированность ряда вопросов с взиманием некоторых налогов (и это несмотря на то, что Пакистан испытывает острую нехватку именно этого энергоносителя хотя бы потому, что многие виды транспорта используют в качестве горючего именно газ, а не бензин).

Что касается сооружения газопровода из Туркменистана в Пакистан с потенциальным продолжением в Индию (ТАПИ),

то уже одна его стоимость в размере 7,6 млрд. долл., подтвержденная во время визита в конце 2011 г. в Пакистан Г. Бердымухamedова, говорит о том, что проект носит весьма серьезный характер (при этом практически неизбежен рост стоимости в процессе строительства в результате роста цен на расходные материалы). Да и протяженность его в размере 1700 километров тоже впечатляет. Предполагается, что забор газа будет осуществляться из самого перспективного и наибольшего по своим запасам туркменского газового месторождения Довлетабад, оснащенного сравнительно современным газодобывающим оборудованием, компрессорными станциями, другой необходимой аппаратурой. Это позволило бы осуществлять прокачку до 30 млрд. кубометров газа в год. Уже была даже определена цена 1 кубометра газа, уже был намечен на 2016 г. ввод в эксплуатацию. Газопровод должен пройти от этого месторождения через Герат, Кандагар в Кветту и Мултан, откуда уже планируется проложить две ветки: в Индию и пакистанский порт Карачи (где в перспективе может быть построен завод по сжижению газа для его вывоза в другие страны морским путем)¹⁴. Нет до сих пор только самого главного – самого газопровода.

Конечно, реализация этого проекта могла бы пусть и частично, но решить в какой-то степени энергопроблемы Пакистана и, возможно, Индии. Но даже в среднесрочной перспективе едва ли можно ожидать его прокладки по территории Афганистана по вполне понятным внутриполитическим причинам – отсутствие возможности обеспечить безопасность его сооружения, а также дальнейшую эксплуатацию. Вероятность терактов на строительстве и при эксплуатации газопровода необычайно велика.

Аналогичная ситуация складывается и с проектом переброски электроэнергии из стран Центральной Азии через Афганистан в Пакистан, тем более, что подорвать опору (опоры) линии электропередач весьма просто. А это, в случае, если все же будет реализован проект CASA-1000 (стоимость почти 1 млрд. долл.), может произойти практически наверняка. Но все же думается, что дело до взрывов пока не дойдет, поскольку едва ли будет в среднесрочной перспективе построена эта линия электропередач.

Здесь в сфере энергетики скорее речь идет не об улучшении критического положения Пакистана в связи с нехваткой энергоресурсов, сколько о необходимости урегулирования ис-

пользования Пакистаном и Афганистаном вод р. Кабул. Проблема аналогична водоразделу р. Инд и конфликтной ситуации с Индией. Последняя выразила готовность помочь Афганистану в сооружении плотины на этой реке с целью строительства ГЭС небольшой мощности, что может сократить приток водных ресурсов в Пакистан для орошения Пешаварской долины. Пока что этот вопрос находится во второй десятке проблем в ходе двусторонних переговоров двух государств¹⁵.

Упомянем также о проекте сооружения железной дороги, соединяющей китайский Кашгар с пакистанским портом Гвадар через Таджикистан, Кыргызстан и Ваханский коридор в Афганистане, однако его практическая реализация не только не началась, но существует лишь на бумаге, да, пожалуй, в умах отдельных пакистанских и афганских чиновников (китайскую сторону мы в данном случае не затрагиваем).

Мы не касаемся также сложной проблемы восстановления автомобильных дорог Афганистана, которые могли бы служить каналом транзита товаров из Пакистана в Среднюю Азию и обратно. Фактически этот путь сейчас уже в некоторой степени используется, однако расширению его эксплуатации препятствуют плохое состояние дорог, а главное – отсутствие безопасности дорожного движения на юге Афганистана.

О том, что на решение вопроса о реализации того или иного пакистано-афганского проекта уходят годы (причем зачастую даже тогда, когда не требуются значительные денежные суммы), свидетельствует хотя бы тот факт, что Меморандум о взаимопонимании по поводу создания Афгано-пакистанской совместной торгово-промышленной палаты был подписан еще в марте 2008 г., а реально эта Палата была создана и начала функционировать лишь в марте 2012 г., хотя видимых препятствий (в том числе финансовых) на пути её образования не было¹⁶.

Еще одна проблема, которая связана как минимум косвенно с Афганистаном и влияет на экономическое положение Пакистана, – это терроризм. Объективно невозможно отделить непосредственно пакистанский терроризм от такового, который связан с внутриполитической ситуацией в Афганистане и «перетекает» оттуда в Пакистан (и обратно, из Пакистана в Афганистан). Но то, что взрывы и иные проявления терроризма в приграничных с Афганистаном районах Пакистана (в том числе, в столице провинции Хайбер Пахтунхва – Пешаваре) в той

или иной степени связаны с внутриполитической ситуацией в Афганистане отрицать практически невозможно. В экономической сфере этот негатив проявляется в том, что на борьбу с терроризмом уходят значительные средства, которых у Пакистана, естественно, немного. Хотелось бы привести здесь некоторые цифры, свидетельствующие о размахе терроризма в Пакистане и его негативном воздействии на развитие экономики этой страны.

Пресс-секретарь правительства Пакистана на брифинге в июле 2010 г. озвучил такую информацию: по его словам, в 2002–2010 гг. в Пакистане было совершено свыше 8 тыс. террористических актов, в ходе которых были убиты почти 9 тыс. человек и ранены свыше 20 тысяч (в его выступлении приведены точные данные, вплоть до человека, здесь статистика округлена). А в официальном экономическом правительственном издании «Pakistan Economic Survey 2010–11» целый раздел посвящен анализу вопроса о влиянии терроризма на национальное хозяйство Пакистана. В нем, в частности, отмечается, что на цели борьбы с терроризмом Пакистан израсходовал в 2001–2011 гг. 68 млрд. долл. (2,7 млрд. в 2001/02 финансовом году, 17,8 млрд. долл. в 2010/11 г.)¹⁷. Оставим на совести составителей этих статистических данных столь гигантские цифры, однако то, что на борьбу с терроризмом расходуются значительные суммы, – это факт.

Проблема здесь заключается еще и в другом – неоднократные встречи руководителей Афганистана и Пакистана (к которым нередко присоединялся и лидер Ирана), где едва ли не центральным вопросом было обеспечение безопасности в регионе и борьба с терроризмом, практически не привели к каким-либо реальным результатам. Взрывы в обеих странах, нападения талибов на правительственные учреждения в Кабуле, вооруженные столкновения с представителями силовых структур происходят почти каждый день: достаточно, например, упомянуть нападение банды боевиков на афганский парламент и диппредставительства стран НАТО в Кабуле в середине апреля 2012 г.¹⁸ О том, что вопросы безопасности как в столице Афганистана, так и по всей стране останутся ключевыми как минимум в среднесрочной перспективе, во время любых саммитов подчеркивают как российские, так и зарубежные эксперты¹⁹.

И в заключение хотелось бы отметить, что серьезной угрозы для поступательного развития экономики Пакистана и его

внешнеэкономических связей в связи с острой внутриполитической ситуацией в Афганистане нет. Могут быть лишь незначительные флуктуации. Двусторонние экономические отношения с Афганистаном будут только развиваться независимо от политического режима в Кабуле, равно как и будет наблюдаться поступательное движение вперед национального хозяйства самого Пакистана; здесь серьезное негативное воздействие на его экономику будут оказывать иные внешние и внутренние факторы.

¹ Финансовый год начинается в Пакистане 1 июля данного календарного года и заканчивается 30 июня следующего календарного года.

² Pakistan Economic Survey 2010–11. Government of Pakistan. Islamabad, 2011, c. 107.

³ Dawn. 17.01.2012.

⁴ Pakistan Times. 06.12.2010.

⁵ Жмуйда И.В. Новое Соглашение об афганской транзитной торговле (CATT) и перспективы пакистано-афганского сотрудничества // Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011, с. 223.

⁶ The Nation. 9.12.2010.

⁷ Business Recorder. 18.04.2012.

⁸ Окимбеков У.В. Афганистан и сопредельные страны: перспективы сотрудничества в области транспортных коммуникаций // Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011, с. 232–233.

⁹ Описывались случаи, когда, например, в Афганистан из Пакистана ввозились в огромных количествах безопасные бритвы и лезвия для них, современные бритвы “Gillette Mach3” и “Gillette Fusion Power”, хотя в Афганистан канонам ислама относительно ношения мужчинами бороды следуют даже строже, чем в Пакистане; вполне понятно, что этот товар предназначался для контрабандного вывоза из Афганистана за рубеж, возможно, обратно в тот же Пакистан.

¹⁰ Corruption Perception Index 2011. – www.transparency.org

¹¹ Мендкович Н. Афганско-пакистанский «грузовой конфликт». –

<http://www.journal-neo.com/?q=ru/node/5597>. 11.04.2011. Как отмечал в этой статье российский эксперт, тогда, по данным на конец марта 2011 г., на складах портового города Карачи скопилось около 10 тыс. контейнеров с грузами, предназначенными для Афганистана. При этом 40% грузов составляли продовольственные товары, от 13% до 30% из которых были испорчены из-за отсутствия должных условий хранения. Кроме того, афганская сторона указывала на большие издержки, связанные с оплатой

складских услуг: согласно заявлениям афганской ТПП, расходы составляли более 200 тыс. долл. в день.

¹² The Nation. 11.01.2011; Business Recorder. 4.02.2011; The Pakistan Times. 22.02.2011.

¹³ Dawn. 2.02.2012.

¹⁴ Мендкович Н. Азиатский транзит и новый «Шелковый путь». – <http://www.journal-neo.com/>. 19.04.2012.

¹⁵ Nusrat Khurshedi. Sharing water resources with Afghanistan // Economic & Business Review. 14.11.2011.

¹⁶ Dawn. 17.01.2012; Business Recorder. 18.04.2012.

¹⁷ Pakistan Economic Survey 2010–11. Government of Pakistan. Islamabad, 2011, с. 220.

¹⁸ См., например: Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Пакистано-афганские отношения // Сборник статей «Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011, с. 92–115. Замараева Н.А. Пакистан-Афганистан: процесс нормализации отношений – <http://www.journal-neo.com>. 5 февраля 2012 г.

¹⁹ PakTribune. 18.04.2012. Евгений Оженин, политический обозреватель Интернет-журнала «Новое Восточное Обозрение» приводит совершенно из ряда вон выходящий пример жесткого (если не сказать более того – жестокого) терроризма – во время проходившей 16–17 февраля в столице Пакистана встречи президентов трех стран – Пакистана, Ирана и Афганистана (там как раз обсуждались проблемы обеспечения безопасности в регионе, борьба с терроризмом, наркотрафиком и т.п.) пакистанские талибы-сунниты совершили крупный теракт против шиитов в городе Парачинар, взорвав бомбу на рынке рядом с шиитской мечетью, в результате чего погибли десятки людей – <http://www.journal-neo.com>. 25 февраля 2012 г.

Н.А. Замараева

ПАКИСТАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В последние годы пакистано-афганские отношения переживали взлеты и падения, периоды стагнации, высокой политической и деловой активности; они развивались как на двустороннем уровне, так и в рамках различных международных союзов, таких, например, как международная ассоциация «Друзья демократического Пакистана», трехсторонние диалоги Афганистан – Пакистан – Турция, Афганистан – Пакистан – Иран, трехсторонняя комиссия Афганистан – Пакистан – США, четырехсторонние встречи Таджикистан – Афганистан – Пакистан – Россия, Организация Объединенных Наций (ООН), региональная ассоциация СААРК, Организация экономического сотрудничества, Шанхайская организация сотрудничества, углеводородный проект Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия и многие другие международные форумы.

Пакистано-афганские отношения всегда характеризовались противоречивостью, что объяснялось объективными и субъективными причинами. В сентябре 1947 г. Афганистан голосовал против приема Исламской Республики Пакистан (ИРП) в ООН. В последующие годы страны переживали разрыв дипломатических отношений, открытую конфронтацию, взаимные претензии по ряду вопросов, а также совместное обсуждение региональных проектов, транзитный торговый коридор в Центральную Азию, совместную борьбу против терроризма и экстремизма в регионе и т.д. «Афгано-пакистанские отношения на протяжении длительного времени определялись пуштунской, а также связанный с ней белуджской проблемами»¹ (племена, проживающие по обе стороны пограничной линии Дюранда). Регион пакистано-афганского пограничья в XX и XXI веке был ареной действий основных мировых игроков. Ввод в 80-х годах XX в. и десятилетнее присутствие советских войск в Афганистане, в первой декаде XXI в. – коалиционных сил США/НАТО/МСБ

усугубили напряженность в отношениях двух стран². Именно южные провинции Афганистана, район пакистано-афганского пограничья в первое десятилетие XXI в. представлял собой зону борьбы с боевиками «Аль-Каиды», афганского Движения «Талибан» и Движения «Талибан» Пакистана, сети боевиков «Хаккани» и т.д. В то же время указанные процессы не блокировали, но значительно замедлили поступательное развитие политического и торгово-экономического диалога между двумя странами в последние годы.

Автор анализирует модель пакистано-афганских отношений с разных позиций: во-первых, исторически сложившихся межгосударственных отношений и, во-вторых, geopolитической обстановки современного дня. Единое географическое пространство, экономические связи, этническое единство, ислам, культурная идентичность и т.д. относятся к категории традиционных межгосударственных отношений³, которые оказывают действенное влияние на повседневную жизнь обоих государств. В то же время на протяжении долгих десятилетий остаются нерешенными многие проблемы, такие, например, как контрабанда наркотиков, нелегальный провоз оружия, афганские беженцы, трансграничные нападения боевиков, неразвитость транспортной инфраструктуры, что оказывает негативное влияние на развитие транзитной торговли, повышение тарифов на экспортную продукцию и т.д. Но имеется и много положительных примеров, о которых речь пойдет ниже.

К факторам geopolитики следует отнести присутствие с конца сентября 2001 г. на территории Афганистана американо-британских войск, а позднее, с 2003 г. коалиционных сил НАТО/МССБ в рамках кампании борьбы против терроризма и экстремизма. Западная Азия вновь стала объектом столкновений разных мировых игроков. Внешние акторы привнесли в модель пакистано-афганских отношений дополнительные сложности, усилили их противоречия, в частности по вопросам контроля и охраны пограничных районов, возвращения афганских беженцев и т.д. Военные кампании США/НАТО/МССБ в Афганистане, авиаудары по местам укрытий боевиков на территории Пакистана и т.д. обострили сложившуюся ситуацию в регионе, что привело к развитию негативных политических процессов: отсутствию эффективного взаимодействия между основными игроками, росту конфликтности в отношениях, высокой неста-

бильности и т.д. Вопрос о каких-либо интеграционных проектах серьезно не ставился до недавнего времени...

Отсутствие эффективного механизма (военного и социально-экономического) у США/НАТО/МССБ в антитеррористической кампании в Афганистане в первой декаде XXI в. вело к неурегулированности конфликта, к напряженности военно-политической обстановки в целом в Западной Азии и, как следствие, к обострению отношений между Исламабадом и Кабулом. Регион, который по праву можно назвать одним из остроконфликтных в мире, стал объектом столкновений разных геополитических проектов с участием основных мировых игроков. Присутствие в Афганистане иностранных военных коалиционных сил играло сдерживающую роль в нормализации пакистано-афганских отношений. Таким образом, противоречия в их отношениях следует рассматривать в двух измерениях: субъективном – собственно пакистано-афганские связи, и объективном – интересы ключевых глобальных игроков в регионе и их влияние на взаимоотношения Исламабада и Кабула.

Положение Пакистана как «прифронтового государства» обеспечило ему большой политический вес в мире. США предоставили ему статус основного союзника вне структуры Североатлантического альянса. Воздушный и сухопутные транспортные коридоры для грузов США/НАТО/МССБ от южного порта Карачи по всей территории до северной границы с Афганистаном были частью проекта антитеррористической кампании в регионе.

В конце 2001 – начале 2002 гг., несмотря на положительный отклик Исламабада (в первую очередь генерала-президента П. Мушаррафа) на утверждение одного из пуштунских лидеров – Хамида Карзая главой Временной афганской администрации в период формирования нового афганского правительства, в дальнейшем, 2003–2008 гг., отношения между двумя странами и президентами развивались неровно. Тому было несколько причин, во-первых, политические: Афганистан придерживался позиции непризнания государственной границы с Пакистаном по «линии Дюранда»; Исламабад продолжал оказывать помощь оппозиционным силам в Афганистане; во-вторых, степень взаимного недоверия президента Х. Карзая и генерала-президента П. Мушаррафа была велика, их позиции по проекту антитеррористической борьбы в Западной Азии часто расходились. Взаимное сотрудничество между ними не

складывалось, что, соответственно, оказывало влияние на развитие отношений между двумя странами.

Афганистан и США/НАТО/МССБ обвиняли Пакистан в недостаточных мерах по пресечению трансграничного терроризма, военных действиях, предпринимаемых против талибов на своей территории, в частности, в бездействии в вопросе уничтожения мест укрытий боевиков на Территориях племен федерального административного управления (ТПФУ). По мнению афганской стороны, это вело к переходам через афгано-пакистансскую границу и нападениям последних на афганскую национальную армию и международные коалиционные силы. Кабул также утверждал, что Исламабад предоставлял свою территорию, в частности пакистанскую провинцию Белуджистан и часть агентств в ТПФУ, для укрывательства бывших лидеров Исламского Эмирата Афганистан, например, муллы Омара, а также руководителей террористической «Аль-Каиды». Федеральная армия Пакистана провела в 2008–2012 гг. серию военных операций в зоне пуштунских племен в пакистано-афганском пограничье по уничтожению боевиков; тем не менее любой пограничный эпизод вновь поднимал критику в адрес Исламабада.

Но была и еще одна причина напряженности в пакистано-афганских отношениях – рост политического влияния, торгово-экономического сотрудничества между Индией и Афганистаном вызывал негативную реакцию в Пакистане, который считал, что Нью-Дели проводил антипакистанскую линию. Открытие ряда индийских официальных представительств в Афганистане усиливало подозрения Исламабада.

Кампания борьбы с терроризмом в Западной Азии была обречена на провал изначально, так как, во-первых, ставила целью защиту национальной безопасности нерегионального партнера – США после событий 9 сентября 2011 г., во-вторых, не учитывала реалии региональных игроков – Афганистана и Пакистана. Весь комплекс причин, несомненно, оказывал сильнейшее влияние на развитие пакистано-афганских отношений. Длительная нестабильность в соседней стране оказывала негативное воздействие на внутреннюю ситуацию в Пакистане, в первую очередь на Территориях племен федерального управления.

В феврале 2008 г. приход к власти в Пакистане гражданского коалиционного правительства во главе с Пакистанской

народной партией (ПНП) подвел черту многолетнему правлению военных в стране и, соответственно, внес корректизы в ее внешнеполитический курс, в частности, пакистано-афганские отношения. В августе 2008 г. президент П. Мушарраф ушел в отставку под угрозой импичмента. Приглашение Асифом Али Зардари 8 сентября 2008 г. на церемонию инаугурации на пост президента ИРП президент Афганистана Хамида Карзая свидетельствовало о принципиально новом подходе гражданских властей Исламабада к пакистано-афганским отношениям по сравнению с периодом 2001–2008 гг. В политических кругах Пакистана высказывались мнения, что ослабление роли военных во внутри- и внешнеполитической жизни страны будет способствовать ее нормализации. Позднее афганский вектор внешней политики Пакистана менялся в силу различных причин, в первую очередь под влиянием военно-политической обстановки в районе пакистано-афганского пограничья⁴.

Всеобщие парламентские и президентские выборы в Пакистане в 2008 г., демократические перемены в стране синхронизировались с избирательной кампанией в США, последующей победой Демократической партии и приходом в Белый дом президента Б. Обамы. Именно просчеты в афганской политике были одной из причин провала на выборах 2008 г. Республиканской партии.

Администрация демократов США предложила новый сценарий для борьбы с террористической угрозой – усиление военной кампании США/НАТО/МССБ против боевиков «Аль-Каиды», Движения «Талибан» в Афганистане и Движения «Талибан» Пакистана, сети боевиков «Хаккани» в Пакистане (увеличение численности военного контингента МССБ, в первую очередь за счет военнослужащих США, расширение зоны военных действий, включая усиление авиаударов американских беспилотных летательных аппаратов по Территориям племен федерального административного управления соседнего Пакистана в рамках проекта АфПак и т.д.). Это было характерно для 2009–2010 годов.

В дальнейшем, в 2010 г. президент Б. Обама заявил о программе вывода американских войск из Афганистана с одновременной передачей контроля за ситуацией безопасности афганским силам национальной безопасности. Этот этап характерен для периода 2010–2012 гг. Это оказало самое серьезное влияние на дальнейшее развитие пакистано-афганских отношений.

Результатом первой кампании США/НАТО/МССБ в Афганистане в 2009–2010 гг. стало проведение нескольких успешных военных операций против талибов в южных провинциях Афганистана, граничащих с Пакистаном.

Одним из острых вопросов между Кабулом и Исламабадом в тот период были массовые трансграничные переходы афганских боевиков на территории агентств пуштунских племен Пакистана. Афганские боевики и формировавшиеся под их влиянием пакистанские повстанцы несли с собой мощь отрицательного заряда во внутренние районы страны; объектами их нападений стали федеральная армия и религиозные меньшинства.

Ряд районов пакистано-афганского пограничья (протяженность границы порядка 2 500 км) стали очагами напряженности. Боевые операции коалиционных сил США/НАТО/МССБ весной – осенью 2011 г. «выдавливали» афганских боевиков на территорию Пакистана. В июле 2011 г. они совершили массовый переход из афганской провинции Кунар в агентства Баджаур, Моманд, а также в районы Дира провинции Хайбер-Пахтунхва Пакистана. Государственный секретарь по иностранных делам Пакистана Хина Раббани Хар выразила серьезную озабоченность главе дипмиссии Афганистана в связи с трансграничными нападениями с территории Афганистана группировок боевиков численностью 300–400 боевиков в районе Дира, которые уничтожили социальные объекты и сожгли местные деревни. МИД подчеркнул необходимость предпринять соответствующие меры афганской национальной армией, США, силами международной коалиции против боевиков в местах укрытий в Афганистане, а также против организованной поддержки боевиков⁵.

МИД Пакистана неоднократно заявлял афганской стороне и миссиям США/НАТО/МССБ в Афганистане протесты в связи с «недостаточными мерами по охране приграничных территорий»⁶. Инцидент стал предметом разбирательства на уровне военных руководителей Пакистана, Афганистана и МССБ с целью выработки стратегии по пресечению деятельности боевиков, дальнейшего повышения обмена информацией и координации действий⁷. В сентябре 2011 г. военное ведомство Пакистана заявило о недопустимости «многочисленных трансграничных переходов афганских боевиков и активизации их деятельности в агентствах пуштунских племен»⁸.

Но никакие меры не были предприняты. Более того, бездействие афганского руководства и НАТО/ МССБ в этом вопро-

се привело к новым атакам афганских боевиков из провинций Кунар и Нуристан. 27 августа 2011 г. были обстреляны семь контрольно-пропускных пунктов на территории в районе Читрала. В результате погибли 25 сотрудников сил безопасности Пакистана⁹. Трансграничные нападения были постоянным источником напряженности и взаимных обвинений, что каждая сторона использует территорию другой в качестве базы для организации подобных нападений¹⁰.

Стремясь противодействовать трансграничным переходам афганских боевиков, военное командование Пакистана приняло решение, во-первых, укрепить имеющиеся погранзаставы и увеличить число вдоль пакистано-афганской границы, доведя общее их количество до 900; во-вторых, Равалпинди, где расположена штаб-квартира сухопутных войск, дополнительно переслоцировал часть военных подразделений в район, суммарная численность которых на декабрь 2011 г. составляла 160 тысяч военнослужащих¹¹.

Была и еще одна важная составляющая в подходе Исламабада к вопросу пакистано-афганского пограничья – мирный переговорный процесс в районах ТПФУ, который должен был носить внутрипакистанский характер. Предполагалось, что федеральная армия начнет вести диалог параллельно, во-первых, с боевиками в зоне пуштунских племен Пакистана и, во-вторых, с местными племенами пуштунов с целью расширить социальную базу поддержки. Руководство страны неустанно на всех уровнях подчеркивало, что борьба с терроризмом стоила казне 68 млрд. долларов и унесла 35 тысяч жизней мирного населения.

Позиция президента Афганистана Х. Карзая в вопросе трансграничных переходов афганских боевиков и их действий на территории Пакистана была однозначной: «Это не наша земля, это не наша война». Афганистан неоднократно заявлял, что вести борьбу с террористами следует на земле Пакистана, а не Афганистана, что и доказал, по его мнению, рейд спецназа ВМС США по ликвидации Усамы бен Ладена в пакистанском городе Абботтабаде 2 мая 2011 г.¹²

Наступление США/НАТО на позиции талибов в Афганистане и уничтожение их в местах укрытий значительно расширило районы авиаударов с беспилотных летательных аппаратов в конце 2010–2011 гг.; они стали проводиться не только над территорией пакистанского агентства Северный Вазиристан, но

также в Южном Вазиристане, Курраме, Баджауре, Хайбере и т.д. После известного инцидента 26 ноября 2011 г., когда авиацией США был атакован блок-пост в Моманде и погибли 24 пакистанских военнослужащих, противостояние в пограничном вопросе между Пакистаном и Афганистаном вышло за рамки межгосударственных отношений и стало прецедентом пакистано-американского противостояния. Результатами этого явились: во-первых, блокирование Пакистаном наземных маршрутов поставки грузов для США/НАТО в Афганистан, во-вторых, пересмотр основных принципов внешней политики ИРП в отношении США¹³, в-третьих, Пакистан потребовал от США освободить авиабазу Шамси, где располагался парк американских беспилотников.

Нерешенными в пакистано-афганских отношениях оставались вопросы беженцев на территории Пакистана, трансграничный переход афганских боевиков, места их укрытий в пограничных агентствах, контрабанда наркотиков и т.д.

«Более трех миллионов афганских беженцев проживают в настоящее время в Пакистане...»¹⁴, который продолжает их принимать и содержать, «несмотря на сокращение международной помощи и собственные экономические трудности»¹⁵. Две миграционные волны за последние тридцать лет испытал Исламабад: первая – в начале 80-х годов XX века после ввода советских войск в Афганистан, вторая – в 2001–2003 гг., после десантирования на территорию Афганистана американо-британского военного подразделения и позднее – Международных сил содействия безопасности. Как в 80-е годы XX столетия, так и в первой декаде XXI века Исламабад получал от ООН значительные финансовые средства для иностранных перемещенных лиц. Местом их проживания стали в основном пригородные районы Кветты, столичного центра провинции Белуджистан и территории агентств пуштунских племен. Исламабад подчеркивал, что «...за тридцать лет проживания афганские переселенцы стали называть Пакистан своим домом. 37% беженцев, которые добровольно были депатриированы в Афганистан, вернулись в Пакистан»¹⁶. Взаимоотношения с афганскими беженцами Исламабад регулирует, основываясь на Двенадцатой поправке к Конституции, вступившей в силу еще в июле 1999 г.

Во внешнеполитических разногласиях с Кабулом Исламабад всегда напоминал ему об экономическом бремени, которое

несли федеральные власти на поддержание жизнедеятельности лагерей беженцев. В 2012 г. Пакистан обещал поднять вопрос в рамках ООН об их возвращении. «Мы твердо верим, что афганские беженцы должны вернуться на родину, но с достоинством и честью. Они были нашими гостями десятилетия. Это показывает, насколько тесны связи наших двух народов...», – говорилось в заявлении МИДа¹⁷.

В вопросе возвращения беженцев Пакистан сотрудничал как с правительством Афганистана, так и с международной организацией UNHCR при ООН, выступал за разработку «реального плана скорейшего возвращения беженцев...»¹⁸.

Вторым фактором, оказавшим влияние на пакистано-афганские отношения в рассматриваемый период, было заявление в 2010 г. президента США Б. Обамы о начале вывода американских войск к 2014 г. из Афганистана и окончании военной миссии США/НАТО/МССБ. Это привело в движение всех мировых и региональных игроков, участвующих в антитеррористической кампании, в воздухе повеяло региональной свободой, и началась разработка пост-2014 г. сценария развития региона. Это и дало толчок новому этапу пакистано-афганских отношений. 2010–2012 годы стали периодом подготовки и Пакистана, и Афганистана к новым взаимоотношениям на региональной площадке. Исламабад в лице президента А.А. Зардари однозначно заявил, что только «негосударственные субъекты стремятся дестабилизировать ситуацию в Афганистане...»¹⁹.

В 2010–2012 гг. дальнейшее развитие получило экономическое сотрудничество между Пакистаном и Афганистаном. В первую очередь стороны ослабили режим торгово-экономических санкций в рамках Совместной двусторонней экономической комиссии на уровне министров финансов. В октябре 2010 г. было подписано долгожданное Афгано-пакистанское соглашение о транзитной торговле (APTTA)²⁰; оно вступило в силу не сколько месяцев спустя, 12 июня 2011 г., сразу после визита в Исламабад министра иностранных дел Афганистана Д. Лудина. Как писало пешаварское издание «The Frontier Post», «...причиной невыполнения соглашения было стремление пакистанских чиновников получить гарантированные цены за единицу транзита»²¹.

Несмотря на то, что Пакистан предоставлял Афганистану возможности транзитной торговли десятилетиями, Соглашение стало мощным стимулом роста экономического сотрудничества

двух стран. В 2010–2012 гг. Афганистан был третьим по величине экспортным рынком для Пакистана, в то же время Исламабад был одним из крупнейших торговых партнеров Кабула. В 2010 г. товарооборот составлял около 1,5 млрд. долларов, а в 2012 г. – 2,5 млрд. долларов. Однако, несмотря на активную динамику, МИД Пакистана заявил, что это намного ниже потенциала двух стран, и наметил цифру в 5 млрд. долларов к 2015 году. С этой целью стороны приняли решение предпринять стимулирующие меры для дальнейшего укрепления двусторонних торговых связей. Одной из них стало упрощение визового режима. В 2010 г. пакистанские дипломатические миссии в Афганистане выдали четверть миллиона многократных въездных виз для граждан Афганистана; в 2012 г. до 60 000 афганцев ежедневно пересекали границу с Пакистаном для поездок на работу, на учебу, в больницы, в гости к родственникам. Большая часть поездок была связана с бизнесом. Пакистан выдал больше виз афганцам, чем остальные страны мира, вместе взятые, не взимая визовый сбор.

Интенсивно развиваются связи между странами в различных областях экономики: сельском хозяйстве (Пакистан предоставил мощности для переработки и хранения продуктов питания), электроэнергетике, в сфере телекоммуникаций, производстве минеральных удобрений и т.д.

Одной из приоритетных задач в 2011–2012 гг. в укреплении торгово-экономических связей с Афганистаном федеральные и провинциальные власти (в частности, Белуджистана) рассматривали использование порта Гвадар для целей афганской транзитной торговли²².

Исламабад и Кабул предпринимали шаги, направленные на предоставление более широкого доступа на рынки обеих стран и создание специальных экономических и индустриальных зон, свободных от налогообложения. В рамках межправительственного взаимодействия еще в 2010 г. стороны приняли решение мобилизовать дополнительные ресурсы и направить их на создание пакистано-афганского «Консорциума по реконструкции» и учреждение совместной рабочей структуры по координации транспортных и торгово-экономических отношений.

В международной программе восстановления разрушенных объектов гражданской инфраструктуры в Афганистане принимают участие многие страны. Пакистан также вносит свой вклад и гордится «скромными» достижениями по сравнению,

например, со странами Евросоюза, Китаем и т.д. в предоставлении гуманитарной помощи, реконструкции учебных заведений, госпиталей, шоссейных дорог и др. На многих международных форумах Исламабад всегда с гордостью подчеркивал, что именно государственный Национальный банк Пакистана (НБП) был первым иностранным банком, который начал работать в Афганистане после событий 11 сентября 2001 г.

Пакистан принимал участие еще с 2001 г. в реконструкции ряда объектов Афганистана (часть помещений Кабульского университета, учебных заведений в Джелалабаде, Мазари-Шарифе и т.д.). Строительство больничного комплекса им. Джинны в Кабуле в 2010–2012 гг. было в стадии завершения. Ввод его в эксплуатацию, по заявлению министра иностранных дел Пакистана Хины Раббани Хар, «предоставит населению современное медицинское обслуживание в стране»²³. Но это не единственный медицинский центр, возводимый Исламабадом в Афганистане. В области здравоохранения в его проектах также числятся больница в Джелалабаде, строительство госпиталя на 200 место-коек в провинции Логар, глазной больницы в Бадахшане и т.д.; причем пакистанская сторона взяла обязательства и на подготовку местного медицинского персонала. В целом Исламабад выделил свыше 330 млн. долларов на реконструкцию и проекты по оказанию помощи в Афганистане²⁴.

Нехватка местных квалифицированных технических специалистов для работы в сфере телекоммуникаций и ИТ-индустрии в Афганистане создала ситуацию, при которой, по словам министра иностранных дел Пакистана Х.Р. Хар, «многое зависит от пакистанской рабочей силы»²⁵.

Совместный пакистано-афганский «Консорциум по реконструкции» включает также проекты модернизации железнодорожной и шоссейной инфраструктуры, завершение строительства скоростного шоссе Торхам-Джелалабад и дальнейшее расширение этого проекта²⁶, т.е. строительство скоростной дороги до Герата²⁷. Стороны планируют и в дальнейшем разрабатывать «дорожную карту» с целью укрепления железнодорожного, автомобильного и воздушного соединения стран.

Обустройство существующих и строительство новых инфраструктурных объектов в Афганистан, и Пакистан связывают с планируемыми международными мега-проектами: поставками воды в регион из стран Центральной Азии; разведкой, добычей природного газа с месторождений в Туркменистане и дальнейшей

его прокачкой по территории Афганистана и Пакистана в рамках газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия, а также переброске линий электропередач из Таджикистана в рамках проекта CASA-1000 и т.д.

В то же время многие из заявленных еще в 2010 г. совместных проектов, таких, например, как создание совместного Продовольственного банка с целью укрепления продовольственной безопасности двух стран, остались не реализованными²⁸.

В новых политических условиях Исламабад стремился к установлению контактов по линии «гражданского общества и межпарламентских связей»; подтвердил курс на поддержание независимых двусторонних связей с Афганистаном, которые, по заявлению МИДа, «являлись частью внешней политики Пакистана в отношении соседних государств»²⁹.

Подтверждением сказанному были практические шаги, а именно: визиты президента Афганистана Х. Карзая в Исламабад (июнь 2011 г. – впервые с 2008 г.) и премьер-министра Пакистана Ю.Р. Гилани в Кабул (апрель 2011 г.), последний заявил, что «отношения между Пакистаном и Афганистаном претерпели радикальные изменения»³⁰. После долгих обсуждений в итоге стороны подписали знаменитую Исламабадскую декларацию о реализации общей концепции совместного развития, процветания и мира между Афганистаном и Пакистаном³¹.

Необходимость диалога диктовалась новыми политическими реалиями в Афганистане: 23 марта 2011 г. президент Хамид Карзай объявил о начале переходного процесса в стране, о планируемом выводе американских войск и будущем политическом устройстве Афганистана, что может отразиться на ситуации в регионе. Это и определило приоритеты пакистано-афганских переговоров, которые проходили по двум направлениям: во-первых, по политическому (активизация усилий по установлению мира с талибами после десятилетнего конфликта³²); во-вторых, по экономическому (пакистано-афганские торгово-экономические отношения, совместные пакистано-афгано-центральноазиатские инфраструктурные проекты, вопросы гуманитарного сотрудничества двух стран и т.д.).

По нашему мнению, Исламабад, крайне заинтересованный в укреплении влияния на Кабул, мог «создать угрозу региональной безопасности и планам вывода войск в случае, если отдельные круги в Пакистане подтолкнут афганских талибов к срыву планов вывода войск. Политического решения (т.е. договорен-

ности между различными группировками афганского и пакистанского движений «Талибан» с правительством Х. Карзая о будущем государственном устройстве Афганистана) невозможно достичь без участия Исламабада.

В июне 2011 г. во время визита в Исламабад президент Афганистана Х. Карзай получил от президента А.А. Зардари заверения в том, что Пакистан не будет препятствовать процессу переговоров с Движением «Талибан»³³.

Исламабад официально поддерживал дипломатические отношения с Исламским Эмиратом Афганистан до событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. В конце сентября того же года он полностью переформатировал свою политику в афганском вопросе и стал союзником США и Великобритании, а позднее – Международных сил содействия безопасности в борьбе против террористов в регионе. В то же время это не мешало Исламабаду «соглашаться» с пребыванием афганских боевиков на территории Пакистана, в частности, на севере Белуджистана, а также в ряде пограничных с Афганистаном агентств Территорий племен федерального административного управления (ТПФУ) и закрывать глаза на их действия против тех же МССБ в Афганистане на протяжении последних десяти лет.

Еще в апреле 2011 г. во время визита в Кабул премьер-министра Пакистана Юсуфа Рaza Гилани, проводились «консультации с президентом Карзаем о формах политического урегулирования и налаживании контактов с афганской общественностью и различными этническими и политическими группировками». Тогда же стороны достигли договоренности об учреждении двухуровневой Комиссии по примирению и установлению мира. Работа комиссии предусматривала два основных направления: политическое и военное сотрудничество. Премьер Ю.Р. Гилани заявил, что «поддерживает «афганскую» позицию, направленную на политическое урегулирование в Афганистане, и предупредил, что не будет работать «вне формулы»³⁴. В июне 2011 г. в рамках переговоров официально было объявлено о создании Совместной пакистано-афганской комиссии. Стороны подтвердили комплексный подход к решению вопросов установления мира, развития и процветания своих народов и региона в целом³⁵.

Собственно апрельский визит премьера Гилани в Кабул был продиктован крайней озабоченностью Исламабада заявлениями США об имевших место договоренностях с Х. Карзаем

о размещении в Афганистане американских военных баз после вывода основных войск, Исламабад выступил против. Именно этим обстоятельством продиктовано «Совместное заявление о первом Совещании афгано-пакистанской совместной комиссии по примирению и установлению мира» 11 июня 2011 г., где говорится, что «...пакистанская сторона подтверждает принципиальную поддержку суверенитета Афганистана, его территориальную целостность, независимость и единство, а также строгое соблюдение принципа невмешательства и не вторжения со стороны соседей Афганистана и международного сообщества»³⁶.

Отдельным пунктом в пакистано-афганских отношениях стояла тема внутриафганского урегулирования. Провал военного варианта решения продиктовал единственно верный путь – переговорный. Для Кабула – это длительный эволюционный процесс, который в результате привел и афганские власти, и основных мировых игроков к необходимости вести его с лидерами Движения «Талибан».

Заявленный администрацией президента США Б. Обамы вывод войск из Афганистана в 2014 г. инициировал широкий переговорный процесс, причем на разных уровнях: между отдельными представителями талибов и местной администрацией, талибами и западными странами; между Исламабадом и Кабулом, а также Исламабадом, Кабулом и Вашингтоном и т.д. «Существовали различные контакты, предпринимаемые Соединенными Штатами и Германией; процесс Трехсторонней Основной Группы (Афганистан – Пакистан – США) и т.д. Все это необходимо упорядочить в один общий процесс. Наши усилия направлены на создание единого процесса на пути к миру в Афганистане», – заявил заместитель министра иностранных дел Афганистана Джавед Лудин³⁷.

Пакистан стремится не только участвовать в процессе урегулирования основных игроков мировой политики в регионе, но и контролировать его. В частности, об этом свидетельствовал арест муллы Барадара в 2010 г. и руководителя военными операциями муллы Омара (эмир Исламского Эмирата Афганистан в изгнании).

Фактически в 2011–2012 гг. были заложены основы конструкции главных политических сил власти в Афганистане. Исламабад заинтересован в президентской унитарной форме правления в Кабуле, ясной и четкой для него, с возможностью

оказания влияния и одновременно отсечением таких региональных игроков, как Индия.

Ставка США/НАТО в 2009–2010 гг. на умеренных талибов (прекращение поддержки «Аль-Каиды», отказ от вооруженной борьбы, признание Конституции ИРА) была провальной в силу ряда причин, и Исламабад это понимал. Современный этап переговоров в Афганистане, прямой или косвенный, но с лидерами Движения «Талибан», этот формат кажется Исламабаду более серьезным. И то, что Движение «Талибан» не пошло на прямые переговоры с правительством Х. Карзая, – в интересах Исламабада.

Здесь следует вновь обратиться к внутриполитическому фактору. В 2008–2012 гг. вектор пакистано-афганских отношений менялся в силу ряда факторов: во-первых, укрепления демократических институтов в пакистанском обществе. В соответствии с конституционными поправками (в частности, 18-й поправкой, апрель 2010 г.) в Пакистане был осуществлен переход от президентской к парламентской форме правления, соответственно были расширены полномочия премьер-министра, представителей обеих палат парламента – Национальной ассамблеи и Сената и т.д. Позднее Исламабад взял курс на коллегиальность при выработке важнейших внешнеполитических решений, включая пакистано-афганские отношения.

Во-вторых, при всей легитимности демократических преобразований в Пакистане роль армии во внутриполитических процессах не только не нивелировалась, но и возросла в силу ряда причин. Военные кампании федеральной армии в 2009–2012 гг. против афганских и пакистанских боевиков в агентствах пуштунских племен в пакистано-афганском пограничье и провинции Хайбер-Пахтунхва привели к востребованности армии в современном пакистанском обществе, повышению ее статуса среди государственных институтов и, соответственно, усилению роли военного истеблишмента при выработке внешнеполитического курса Пакистана. Именно Комитет по обороне при пакистанском парламенте призвал и НА и Сенат к пересмотру пакистано-американских и пакистано-афганских отношений после инцидента с обстрелом авиацией США блок-поста в пакистанском агентстве Моманд в ноябре 2011 г.

Поэтому, когда мы говорим о пакистано-афганских отношениях в 2011–2012 гг., то Исламабад (гражданские власти и военный истеблишмент) выстраивал процесс их нормализации,

исходя из принципа национальной безопасности, т.е. военной обстановки в конфликтной зоне – агентствах, пограничных с Афганистаном (это прерогатива федеральной армии), переговоров с Движением «Талибан» (также прерогатива федеральной армии) и только торгово-экономическое и политическое сотрудничество – это область действий гражданских властей Пакистана³⁸.

Процесс мирного урегулирования в Афганистане набирал обороты и формировался в рамках Рабочей группы афгано-пакистанской совместной комиссии по примирению. Третье заседание состоялось 16 сентября 2011 г.³⁹ Роль механизма примирения был призван играть Высший совет мира Афганистана под председательством Б. Раббани, экс-президента этой страны. Пакистанская пресса отмечала, что «ситуация была на грани основного прорыва в мирных переговорах с «Талибан»»⁴⁰.

Динамика переговорного процесса была вновь нарушена событиями 20 сентября 2011 г., когда в результате теракта был убит глава Высшего совета мира, бывший президент Афганистана Барханддин Раббани. В те же дни члены Движения «Талибан» совершили вооруженное нападение на американское посольство в Кабуле. США, а также Афганистан оказали беспрецедентное давление на Пакистан. Они утверждали, что именно Межведомственное разведывательное управление поддерживало тесные связи с группировкой Хаккани, базирующейся в агентстве Северный Вазиристан в пакистано-афганском пограничье и что именно эта группировка причастна к убийству Б. Раббани. Афганистан и США/НАТО/МССБ возлагали на Пакистан вину за провалы антитеррористической кампании Международных сил содействия безопасности в регионе, но Исламабад отвергал все обвинения. События в Кабуле ранней осени 2011 г. стали причиной отказа премьер-министра Пакистана Ю.Р. Гилани от визита в Афганистан.

Пакистан столкнулся с серьезными угрозами атак афганских террористов-смертников после убийства председателя Высшего совета мира Афганистана Б. Раббани. Во многом в связи с этим глава МИДа Пакистана заявила о пересмотре визовой политики с Афганистаном. Граждане Афганистана получали многократные визы для въезда в Пакистан без каких-либо жестких требований и ограничений, тогда как Кабул выдавал пакистанцам однократные визы для посещения Афганистана⁴¹.

Осень 2011 г. была отмечена серией взаимных обвинений. Пакистан выражал протесты правительству Афганистана в связи с недостаточными мерами по охране границы, «обстрелом с вертолетов и самолетов НАТО/МССБ с афганской стороны территории Пакистана, что привело к гибели людей и нанесло ущерб имуществу»⁴². Инцидент с обстрелом 26 ноября 2011 г. пакистанского блок-поста в агентстве Моманд авиацией США послужил причиной официального отказа Исламабада в начале декабря 2011 г. от участия в Боннской конференции по урегулированию ситуации в Афганистане.

Только в январе 2012 г., спустя шесть месяцев после убийства Б. Раббани, взаимных обвинений сторон в разжигании терроризма в регионе, Исламабад и Кабул в лице глав внешнеполитических ведомств вновь «проводили консультации, направленные на подготовку программы расширения взаимодействия с целью продвижения двустороннего сотрудничества в различных областях. Пакистанская сторона вновь подтвердила свою полную поддержку афганскому народу в определении своего будущего...»⁴³.

В вопросе переговоров с Движением «Талибан» Исламабад предполагал, что в 2011–2012 гг. наступил период возврата доверия, которое было предоставлено лидерам Исламского Эмирата Афганистан, бежавшим из страны в конце 2001 г. на территорию Пакистана и находившимся более десяти лет в стране. Премьер-министр Юсуф Рaza Гилани в конце февраля 2012 г. обратился ко всем афганским талибам с официальным заявлением, в котором призвал все стороны внутриафганского процесса примирения в ответ на обращение к Пакистану 21 февраля 2012 года президента Афганистана Хамида Карзая поддержать мирный процесс в соседней стране. «Стабильность, мир и национальное примирение в Афганистане действительно важны для регионального мира... Следуя этим целям, Пакистан оказывает поддержку всем усилиям, направленным на укрепление мира, национальное примирение и развитие...»⁴⁴.

В то же время Ю.Р. Гилани подчеркнул, что особенности и основные составляющие «процесса национального примирения состоят в том, что он должен осуществляться только афганским народом, ... и военного решения проблем Афганистана не существует. При этом он отметил важность создания благоприятных условий для внутриафганского урегулирования..., объединения усилий афганского народа на ос-

нове истинной религии ислама и в соответствии с традициями афганцев...»⁴⁵.

В то же время глава пакистанского правительства обратился к двум адресатам, во-первых, к «руководству талибов, а также лидерам всех других афганских военизированных группировок, в том числе «Хизб-и-Ислами», присоединиться к прямым переговорам в рамках внутриафганского процесса национального примирения и мира..., во-вторых, к международному сообществу оказать в полной мере поддержку национальному примирению и миру в Афганистане...»⁴⁶.

«Афганский вектор» внешнеполитического курса Пакистана, включая и вопросы военных операций федеральной армии, и Исламабадскую составляющую переговорного процесса с Движением «Талибан» Афганистана, строился на уставных принципах национальной безопасности, что не по всем статьям совпадало с курсом Белого дома.

Пакистан – Афганистан подтвердили в очередной раз поддержку проекту CASA-1000. Хотя его реализация даже в среднесрочной перспективе (т.е. ориентировано к 2015 г.) едва ли могла покрыть потребности страны в электроэнергии. Даже в случае передачи постоянного тока на 750 км пропускной способностью 2 000 MW и повышении мощности конвекторных подстанций в Пешаваре до 1 000 MW, Исламабад может получить 1 000 MW из требуемых 5 000–7 000 MW⁴⁷.

Экономическая необходимость и политическая воля стран региона наметили тенденцию к усилению центростремительных сил в Западной Азии. Имелись в виду два углеводородных проекта: Ирано-афгано-пакистанский газопровод и газовый проект Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ).

Учитывая, что большую роль в формировании векторов интересов в Западной Азии играли различные энерготранспортные проекты и связанные с ними интеграционные структуры, внeregиональные игроки, в первую очередь США, стремились реализовать собственные интересы в энергетической игре, проталкивая проект ТАПИ. «Интересы Запада здесь обусловлены в первую очередь стремлением диверсифицировать источники энергоресурсов и, таким образом, ослабить свою зависимость от нефтегазовых месторождений Ближнего Востока за счет разработки обширных нефтегазовых ресурсов Центральной Азии и прокладки трубопроводов для транспортировки этих ресурсов на мировые рынки»⁴⁸.

Политическое выравнивание пакистано-афганских отношений займет длительный период. Собственно он в этом и состоит. Афганистан де-юре не признал Пакистан, в свою очередь Пакистан ведет себя как полноправный субъект международного права.

Учитывая весь комплекс проблем в регионе Западной Азии, можно сделать следующие выводы: отсутствие реального успеха в урегулировании конфликта придало ему затяжной характер; возросло значение военной силы в пакистано-афганских межгосударственных отношениях; влияние внешних акторов на Пакистан/ Афганистан и, соответственно, на пакистано-афганские отношения будет возрастать в связи усиливающимися политическими и экономическими рисками в регионе и т.д.

¹ Энциклопедия Пакистана. М.: Фундамент-пресс, 1998, с. 297.

² Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Пакистано-афганские отношения // Современный Афганистан и сопредельные страны: Сборник статей. М., 2011, с. 100–127.

³ Белокреницкий В.Я. Афгано-пакистанский пуштунский пояс – ареал небезопасности в зоне конфликта. 26.02.2012. http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=3f0178&url=http%3A%2F%2Fwww.iimes.ru%2Frus%2Fframe_stat.html&msgid=13377600390000000192;0,1

⁴ Арунова М.Р. Политика США в Афганистане на нынешнем этапе, www.iimes.ru, 01.11.2010, Афгано-пакистанские отношения и США, www.iimes.ru, 06.11. 2010.

⁵ http://www.mofa.gov.pk/Press_Release/2011/June/PK_193.htm

⁶ http://www.mofa.gov.pk/Press_Releases/2011/July/PR_223.htm

⁷ Там же

⁸ http://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=1834#pr_link1834, 13.09.2011

⁹ <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=ad7661&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D896%26type%3D1&msgid=13377600390000000192;0,1>

¹⁰ <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-17581715>

¹¹ <http://www.mofa.gov.pk/mfa/pages/article.aspx?id=1029&type=2>, 15.12.2011

¹² <http://www.dawn.com/2011/06/10/hamid-karzai-arrives-in-pakistan.html>

¹³ <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=a415e8&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D1030%26type%3D3&msgid=13377600390000000192;0,1>

¹⁴ <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=2ff2f5&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D1157%26type%3D3&msgid=1337760039000000192;0,1> 22.03.2012

¹⁵ http://www.mofa.gov.pk/Press_Releases/2011/June/PR/June/PR_OICstate.htm

¹⁶ <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=2ff2f5&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D1157%26type%3D3&msgid=1337760039000000192;0,1> 22.03.2012

¹⁷ <http://www.mofa.gov.pk/mfa/pages/article.aspx?id=1063&type=2>, 26.01.2012

¹⁸ <http://www.mofa.gov.pk/mfa/pages/article.aspx?id=1063&type=2> 26.01.2012

¹⁹ <http://www.dawn.com/2012/03/26/economic-anti-terror-cooperation-stressed.html>

²⁰ См. Замараева Н.А.: Визит премьер-министра Пакистана Ю.Р. Гилани в Афганистан. – www.iimes.ru. 08.12.2010; Жмуйда И.В. Новое соглашение об афганской транзитной торговле (CATT) и перспективы пакистано-афганского сотрудничества // Современный Афганистан и сопредельные страны: Сборник статей. М., 2011, с. 248–258.

²¹ <http://www.thefrontierpost.com/?p=21436>

²² <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=d2c8af&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2012%2F04%2F05%2Fcentre-not-aware-of-seriousness-of-balochistan-issue-cm.html&msgid=133776003900>; <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=2ff2f5&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D1157%26type%3D3&msgid=1337760039000000192;0,1>

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Окимбеков У.В. Афганистан и сопредельные страны: перспективы сотрудничества в области транспортных коммуникаций // Современный Афганистан и сопредельные страны: Сборник статей. М., 2011, с. 258–274.

²⁷ http://www.mofa.gov.pk/Press_Releases/2011/June/PR_200.htm, Dawn 11.06.11, <http://www.dawn.com/2011/06/11/zardari-karzai-vow-joint-fight-against-terrorism.html>

²⁸ The Frontier Post, 17.03.10.

²⁹ <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=894c7c&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D1041%26type%3D1&msgid=1337760039000000192;0,1> 03.01.2012

³⁰ Dawn 17.04.11, <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=b766fe&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2012%2F04%2F17%2Fkarzai-zardari-vow-joint-fight-against-terrorism.html>

11%2F04%2F17%2Fp&msgid=13377600390000000192;0,1akistan-afghanistan-set-up-joint-commission-to-pursue-peace.html

³¹ Islamabad Declaration on realizing the common vision of shared development, prosperity and peace between Afghanistan and Pakistan.

[http://e.mail.ru/cgi-](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=705090&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2FPress_Releases%2F2011%2FJune%2FPR_200.htm&msgid=1337760039000000192;0,1)

[bin/link?check=1&cnf=d3b8e6&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F06%2F10%2Fhamid-karzai-arrives-in-pakistan.html&msgid=13377600390000000192;0,1](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=d3b8e6&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F06%2F10%2Fhamid-karzai-arrives-in-pakistan.html&msgid=13377600390000000192;0,1)

³² Dawn 10.06.11 [http://e.mail.ru/cgi-](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=d3b8e6&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F06%2F10%2Fhamid-karzai-arrives-in-pakistan.html&msgid=13377600390000000192;0,1)

[bin/link?check=1&cnf=705090&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2FPress_Releases%2F2011%2FJune%2FPR_200.htm&msgid=1337760039000000192;0,1](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=705090&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2FPress_Releases%2F2011%2FJune%2FPR_200.htm&msgid=1337760039000000192;0,1)

³³ [http://e.mail.ru/cgi-](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=705090&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2FPress_Releases%2F2011%2FJune%2FPR_200.htm&msgid=13377600390000000192;0,1)

[bin/link?check=1&cnf=705090&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2FPress_Releases%2F2011%2FJune%2FPR_200.htm&msgid=13377600390000000192;0,1](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=705090&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2FPress_Releases%2F2011%2FJune%2FPR_200.htm&msgid=13377600390000000192;0,1) 11.06.11, <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=2e8ace&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F06%2F11%2F&msgid=13377600390000000192;0,1zardari-karzai-vow-joint-fight-against-terrorism.html>, <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=b766fe&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F04%2F17%2Fp&msgid=13377600390000000192;0,1akistan-afghanistan-set-up-joint-commission-to-pursue-peace.html>

³⁴ [http://e.mail.ru/cgi-](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=b766fe&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F04%2F17%2Fp&msgid=13377600390000000192;0,1akistan-afghanistan-set-up-joint-commission-to-pursue-peace.html)

[bin/link?check=1&cnf=b766fe&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F04%2F17%2Fp&msgid=13377600390000000192;0,1akistan-afghanistan-set-up-joint-commission-to-pursue-peace.html](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=b766fe&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F04%2F17%2Fp&msgid=13377600390000000192;0,1akistan-afghanistan-set-up-joint-commission-to-pursue-peace.html), Dawn, 10.06.11.

³⁵ [http://e.mail.ru/cgi-](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=d3b8e6&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F06%2F10%2Fhamid-karzai-arrives-in-pakistan.html&msgid=13377600390000000192;0,1)

[bin/link?check=1&cnf=d3b8e6&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F06%2F10%2Fhamid-karzai-arrives-in-pakistan.html&msgid=13377600390000000192;0,1](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=d3b8e6&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F06%2F10%2Fhamid-karzai-arrives-in-pakistan.html&msgid=13377600390000000192;0,1), Dawn, 10.06.11.

³⁶ http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=fca5f0&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2FPress_Releases%2F2011%2FJune%2FPR_201.htm&msgid=13377600390000000192;0,1

³⁷ [http://e.mail.ru/cgi-](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=a10d88&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D923%26type%3D2&msgid=13377600390000000192;0,1)

[bin/link?check=1&cnf=a10d88&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D923%26type%3D2&msgid=13377600390000000192;0,1](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=a10d88&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D923%26type%3D2&msgid=13377600390000000192;0,1) 16.09.2011

³⁸ [http://e.mail.ru/cgi-](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=901201&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D923%26type%3D2&msgid=13377600390000000192;0,1)

[bin/link?check=1&cnf=901201&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D923%26type%3D2&msgid=13377600390000000192;0,1](http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=901201&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D923%26type%3D2&msgid=13377600390000000192;0,1)

FPress_Releases%2F2011%2FJuly%2FPR_224.htm&msgid=1337760039000
0000192;0,1 PR. NO.224/2011, 05.07.2011

³⁹ <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=c34eea&url=http%3A%2F%2Fnation.pk%2Fpakistan-news-newspaper-daily-english%2FPolitics%2F07-Aug-2011%2F&msgid=1337760039000000192;0,1> Mullen-cries-foul-over-havens-in-Pakistan.html The Nation 07.08.11, <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=faab22&url=http%3A%2F%2Fwww.dawn.com%2F2011%2F08%2F01%2F&msgid=1337760039000000192;0,1> us-military-chief-cites-progress-against-haqqanis.html, The Frontier Post, 03.08.11,

<http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=644af6&url=http%3A%2F%2Fwww.thefrontierpost.com%2F%3Fp%3D39400&msgid=1337760039000000192;0,1>

⁴⁰ BBC 24.09.11 <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=2b8df7&url=http%3A%2F%2Fwww.bbc.co.uk%2Fnews%2Fworld-south-asia-15031157&msgid=1337760039000000192;0,1>

⁴¹ <http://nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online/Politics/14-Dec-2011/Hina-fears-suicide-attacks-from-Afghan-side>

⁴² <http://www.mofa.gov.pk/mfa/pages/article.aspx?id=1008&type=1>, 27.11.11.

⁴³ <http://e.mail.ru/cgi-bin/link?check=1&cnf=901357&url=http%3A%2F%2Fwww.mofa.gov.pk%2Fmfa%2Fpages%2Farticle.aspx%3Fid%3D1067%26type%3D1&msgid=133760039000000192;0,1>, 01.02.2012.

⁴⁴ <http://www.mofa.gov.pk/mfa/pages/article.aspx?id=1088&type=1>,
24.02.2012.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ <http://www.mofa.gov.pk/mfa/pages/article.aspx?id=1088&type=1>,
24.02.2012.

⁴⁷ <http://www.mofa.gov.pk/mfa/pages/article.aspx?id=1053&type=1>,
18.01.2012.

⁴⁸ Костюхин А.А. Взаимоотношения стран НАТО с государствами Центральной Азии и их влияние на военную безопасность России (1991–2010): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

О. Нессар

АФГАНСКИЙ ВОПРОС И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

5 декабря 2011 г. в германском городе Бонн открылась международная конференция по Афганистану (Бонн-2). В работе мероприятия приняли участие представители не менее 90 государств и около 20 международных и региональных организаций¹. Столь значительное присутствие представителей международного сообщества министр иностранных дел Афганистана Залмай Расул охарактеризовал как большое достижение. Главным итогом форума стало обещание Запада продолжить оказание помощи Афганистану и после 2014 года, объявленного годом завершения вывода Международных сил по содействию безопасности в Афганистане (МССБ) из страны. Председательствующий на конференции президент Афганистана Хамид Карзай пообещал международному сообществу усилить борьбу с коррупцией.

Ровно 10 лет назад в этом же городе состоялась первая боннская конференция, посвященная политическому урегулированию афганского конфликта. Конференция 2001 года была названа судьбоносной для Афганистана. Она утвердила дорожную карту развития постталибского Афганистана. Сегодня, спустя 10 лет, можно сказать, что все пункты этой дорожной карты выполнены: была утверждена новая Конституция Афганистана, избран президент, в стране появился избранный парламент и т.д.

Но, к сожалению, реализация дорожной карты первой боннской конференции не дала ожидаемых результатов. Отсутствие безопасности, высокий уровень коррупции, рост наркоугрозы, отсутствие нормальной судебной системы, обеспечивающей социальную справедливость, – это только часть существующих проблем. Выборы главы государства и парламента Афганистана сопровождались сообщениями о массовых фальсификациях. Эти события привели к дестабилизации политической

ситуации в стране. В итоге сегодня афганский народ и международное сообщество беспокоят не только вопросы обеспечения безопасности, но и масса других проблем.

На наш взгляд, причина такого состояния заключается в том, что в столицах западных государств думали стандартно и были уверены, что выполнение дорожной карты (появление Конституции, избрание президента и парламента, формирование других институтов государства) автоматически снимет все проблемы. Но этот подход оказался не совсем верным. Не была учтена местная и региональная специфика.

Первая боннская конференция состоялась после начала операции «Несокрушимая свобода» на территории Афганистана, целью которой была объявлена борьба с международным терроризмом. В 2001 году эксперты называли и другие цели и задачи этой войны. В частности, указывалось на попытку установления американского контроля над стратегически важным регионом Среднего Востока², заинтересованность в реализации крупных экономических проектов, в том числе, проекта строительства газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия)³. Однако за десять лет проведения западной операции в Афганистане не был реализован ни один крупный инфраструктурный проект.

Основное препятствие на пути реализации таких проектов в Афганистане – это отсутствие безопасности. Изменения в динамике активности вооруженной оппозиции за десять лет можно разделить на три этапа.

Первый этап: 2001–2004 гг. В конце 2001 года талибы потерпели военное поражение и были отстранены от власти. Время с начала операции в Афганистане в 2001 году до начала иракской кампании в 2003 году можно назвать «пассивным периодом» в деятельности афганской вооруженной оппозиции. Первые сообщения об обострении ситуации в Афганистане появились вскоре после военного вторжения американских сил в Ирак в марте 2003 года. Уже в августе того же года официально командование коалиционных сил МССБ перешло к НАТО⁴. С сентября 2003 года начались случаи нападений отрядов талибов численностью в 100–200 человек. Им удавалось устанавливать контроль над сельскими районами в ряде провинций (прежде всего в восточной и южной частях Афганистана).

Второй этап: 2004–2009 гг. 2004 год стал переломным для коалиции западных войск в Афганистане. Считается, что одной

из причин ухудшения ситуации в Афганистане в этот период стало начало активной фазы иракской кампании и последовавшее за ней переключение внимания США на Ирак. Это привело к сокращению военного давления на боевиков «Талибана». В Афганистане этот период отмечен как время «арабизации» афганской войны, когда впервые боевики движения «Талибан» и сети «Аль-Каида» в массовом масштабе стали прибегать к нетрадиционному для афганского общества использованию террористов-смертников.

Третий этап: с 2009 г. по настоящее время. После переброски дополнительных сил США, открытия Северного пути через Россию и страны Центральной Азии и последовавшего за этим проведения крупномасштабных операций против талибов на юге Исламской Республики Афганистан (ИРА), усиления давления на Пакистан, талибы в военном плане стали заметно слабее. Именно это привело к смене тактики повстанцев: вооруженная оппозиция почти полностью отказалась от вооруженных столкновений лицом к лицу с подразделениями афганской армии и коалиционных сил, полностью переключившись на проведение хорошо организованных масштабных террористических актов. Именно в этот период спецслужбы Афганистана и ряда других государств заговорили о появлении на территории страны региональных неафганских террористических организаций, обвиняемых в причастности к ряду террористических акций. Чаще всего ответственность за террористические нападения в крупных городах Афганистана, особенно в последнее время, берет на себя группировка Хаккани, предположительно имеющая тесные связи с пакистанской Межведомственной разведкой (ISI)⁵. Сообщалось также об активизации борющейся против роста влияния Индии террористической организации «Лашкар-и-Тайба».

К сожалению, ослабление талибов в военном плане не привело к уменьшению угроз. В частности, в 2009–2010 гг. талибы и другие террористические организации начали активизироваться на севере страны. Всплеск активности талибов на севере Афганистана до сих пор вызывает серьезную озабоченность стран Центральной Азии, которые считают религиозный экстремизм своим «главным врагом»⁶.

Таким образом, Афганистан сегодня, спустя 10 лет с момента начала возглавляемой США операции «Несокрушимая свобода», воспринимается странами региона как источник угроз.

Национальные интересы региональных государств формируются с учетом афганских угроз: 1) угроза экстремизма; 2) наркотическая угроза; 3) угроза доминирования США и НАТО в регионе. В свою очередь, отношение каждого государства региона к этим угрозам базируется на нюансах собственной внутриполитической ситуации.

Россия-НАТО

Проблемы на Северном Кавказе и безопасность союзных России государств Центральной Азии сделали для Москвы приоритетной угрозу экстремизма. Афганская политика России с самого начала операции «Несокрушимая свобода» базировалась на проблеме «номер один» для Москвы – угрозе экстремизма. Именно поэтому Россия начала сотрудничать с членами международной коалиции во главе с США: коалиция получила одобрение на использование военных баз в странах Центральной Азии. Пожалуй, пиком этого сотрудничества стало соглашение по транзиту.

Проблема обеспечения безопасности инфраструктуры снабжения западного контингента под Гиндукушем превратилась в один из критериев при определении стратегических партнеров западной коалиции, борющейся с «Талибаном». Ключевую роль в организации сети поставок для войск НАТО в ИРА играло пакистанское посредничество: через территорию Пакистана долгое время осуществлялось абсолютное большинство перевозок военных и гражданских грузов. Обеспечение транзита грузов западной коалиции стало не только крупным источником доходов для Исламабада, но и политическим рычагом, с помощью которого пакистанская сторона оказывала давление на Кабул, Вашингтон и Брюссель.

Подписанное в июле 2009 года президентами России и США Дмитрием Медведевым и Бараком Обамой соглашение о военном транзите и открытие «Северного транзитного коридора» освободило США и НАТО от транзитной монополии Исламабада. При этом «Северный транзитный коридор» заработал не сразу после подписания соглашения. Согласно последним данным, в настоящее время свыше 60% всех поставок для сил коалиции осуществляется по воздушному и наземному коридорам, пролегающим через территорию России и стран Центральной Азии.

Некоторые эксперты считают, что сотрудничество России и НАТО по афганскому транзиту позволило Москве добиться уступок от Североатлантического альянса по вопросу расширения блока в Восточной Европе⁷. После осложнения отношений между Пакистаном и НАТО⁸ из-за гибели 24 пакистанских военнослужащих в результате авиаудара сил коалиции в декабре 2011 года значимость роли российского транзита для западной группировки в ИРА возросла⁹.

Наркотическая угроза

В 2009 году директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктор Иванов заявил, что Россия стала крупнейшим в мире потребителем героина¹⁰. Главным поставщиком героина в Россию является Афганистан, где за годы пребывания западной коалиции объем производства этого наркотика значительно возрос.

Наркотические вещества в основном попадают в РФ через страны Центральной Азии, преодолев несколько государственных границ. Анализ антинаркотической активности России на международном и региональном уровнях позволяет говорить, что тесно связанные с деятельностью действующих на территории Афганистана экстремистских организаций производство и трафик наркотиков для РФ являются одной из главных угроз.

Доминирование США и НАТО в регионе

В 2009 году одним из главных событий стало заявление президента США Барака Обамы о начале вывода американских войск из Афганистана. К этому моменту угроза прихода к власти в этой стране радикальных сил в случае прекращения поддержки Западом режима Хамида Карзая сохраняется. Это понимают и в Кабуле. Поэтому решение Барака Обамы о начале вывода войск поставило афганскую элиту и некоторые государства региона в сложное положение. В Кабуле существует вполне обоснованная озабоченность, что вывод американских войск приведет к общему уходу Запада из сильно зависимого от западной помощи Афганистана в целом, как это произошло в 1989 году, после вывода советских войск. Также афганцы

еще не забыли события, последовавшие после падения последнего промосковского режима Наджибуллы в 1992 году, когда после ухода СССР Афганистан превратился в арену соперничества между соседними странами.

В результате решение США о выводе войск спровоцировало обсуждение вопроса о появлении на территории Афганистана американских военных баз на долгосрочной основе. Серия громких убийств афганских политиков – противников талибов, в том числе Дауда Дауда, Бурхануддина Раббани и др., послужила дополнительным аргументом в пользу продления военного присутствия США в Афганистане. В итоге в конце ноября 2011 года в Кабуле по инициативе президента Хамида Карзая состоялась Лойя Джирига – собрание старейшин. Главным результатом четырехдневной работы свыше двух тысяч делегатов съезда стала итоговая декларация Лойя Джириги, состоящая из 76 пунктов¹¹. Делегаты собрания старейшин высказались за подписание соглашения о стратегическом сотрудничестве Афганистана с США, выдвинув при этом жесткие условия.

1 мая 2012 года в ходе не анонсированного заранее визита в Кабул президент США Барак Обама и президент ИРА Хамид Карзай подписали соглашение о стратегическом партнерстве между двумя странами. Одним из главных тезисов этого соглашения является намерение Соединенных Штатов сохранить свое военное присутствие на территории Афганистана и после 2014 года. Соглашение закрепило за Афганистаном статус «важного союзника США вне НАТО».

Ождалось, что одним из главных пунктов американо-афганского соглашения станет вопрос о статусе военных баз США на территории ИРА. Однако участники соглашения приняли решение отказаться пока от формализации американского военного присутствия в ИРА и не включили в текст документа положение о «постоянных (долговременных) военных базах США».

Подписанием соглашения предшествовало 20 месяцев сложных переговоров. Все это время в прессе и политических кругах Афганистана и соседних стран обсуждалась перспектива появления американских военных баз на территории Афганистана.

Идея создания постоянных баз, которая обсуждалась в ходе работы Лойя-Джириги в 2011 году, показала глубину разногласий по афганскому вопросу на региональном уровне.

Два соседа Афганистана – Пакистан и Иран – еще до проведения Лояя Джирги выступили резко против идеи военных баз, тем самым показав, что угроза доминирования США и НАТО в регионе для них находится на первом месте.

Очевидно, одно из главных мест среди внешних факторов, влияющих на афганский кризис, занимают противоречия между странами региона. Если западной коалиции к середине 2009 года удалось преодолеть имевшиеся до этого в ней некоторые противоречия по афганскому вопросу, то различные подходы к урегулированию афганской проблематики на региональном уровне не дают странам региона сформулировать консолидированную позицию, что ставит под вопрос эффективность деятельности таких организаций, как ШОС и ОДКБ. Реакция ряда стран региона на итоги Лояя Джирги, в частности Индии и республик Центральной Азии, опасающихся роста радикализма в регионе в случае вывода американских войск из Афганистана, не совпала с реакцией Пакистана и Ирана. Реакция Москвы тоже была отличной от реакции Исламабада и Тегерана. Хотя Россия одной из первых отреагировала на итоги кабульской Лояя Джирги, но ее реакция была более сдержанной и мягкой, что позволяет говорить, что военное присутствие США в Афганистане, во всяком случае на данный момент, в России не воспринимают как реальную угрозу. Впрочем, в ходе боннской конференции 5 ноября 2011 года Москва предложила свой рецепт выхода из тупикового положения. «Одним из ключевых факторов создания в регионе атмосферы добрососедства и сотрудничества стало бы установление нейтрального статуса Афганистана после завершения международных стабилизационных усилий», – заявил глава МИД РФ Сергей Лавров, выступая перед участниками международного форума¹².

От того, каким будет отношение Москвы к афганским угрозам, зависит не только сотрудничество России и НАТО, но и возможность образования региональных коалиций вокруг Афганистана. Несмотря на продолжающееся сотрудничество по линии Россия-НАТО по афганскому вопросу, оно не носит стратегический характер, и его перспектива зависит не только от степени готовности Альянса найти компромисс с Москвой по другим волнующим ее вопросам международной политики, но и от степени призрачности борьбы США с талибами и «Аль-Кайдой» в Афганистане.

Пакистанская проблема

Одним из главных вызовов для второй боннской конференции стал ее бойкот Пакистаном. Такое решение было принято Исламабадом после нанесения натовскими вертолетами авиаудара по двум пакистанским военным блокпостам, расположенным в районе афгано-пакистанского приграничья, в результате чего 24 пакистанских военнослужащих погибли. Военные представители США сразу же заявили о начале расследования инцидента. Однако о результатах этого расследования до сих пор нет никаких данных, и неясно, была ли натовская атака на пакистанских военных в преддверии боннской конференции случайностью.

Отказ от участия в работе боннской конференции стал одной из политических мер, предпринятых Исламабадом в ответ на уничтожение блокпоста. Пакистанские власти также перекрыли транзит через свою территорию грузов, предназначенных для сил НАТО в Афганистане, и потребовали от США освободить пакистанскую авиабазу Шамси, используемую для осуществления полетов американских беспилотников в зоне приграничья.

Обладающая ядерным арсеналом Исламская Республика Пакистан (ИРП) по степени влияния на ситуацию в соседнем Афганистане, пожалуй, уступает только США. Исламабад последние 30 лет является ключевым игроком на афганском направлении. В 90-е годы XX века Пакистан был одним из немногих государств, официально установивших дипломатические отношения с режимом талибов. После событий 11 сентября 2001 года и последовавшей за ними операции «Сокрушительная свобода» Пакистан оказался на стороне противников движения «Талибан» и «Аль-Каиды», получив при этом статус «стратегического партнера» в возглавляемой США антитеррористической коалиции. Впрочем, в Кабуле все последние 10 лет не доверяли Исламабаду, обвиняя его в поддержке боевиков.

Первые признаки изменения отношения Запада к Исламабаду появились еще до открытия «Северного транзитного коридора». Тогда эксперты заговорили о возможном вторжении американских сил в зону афгано-пакистанского пограничья (речь идет о так называемой «Вазиристанской операции»¹³).

Переломным моментом в отношениях Вашингтона и Исламабада стало уничтожение лидера террористической сети «Аль-Кайда», который, как выяснилось, жил в полувоенном городке Абботтабад недалеко от пакистанской столицы. Американская операция по ликвидации Усамы бен Ладена поставила Пакистан в сложное положение: подтвердились обвинения Кабула – нахождение «террориста номер один» в дальнем пригороде пакистанской столицы послужило лишним аргументом для тех, кто говорил о неискренности Исламабада в борьбе с терроризмом.

Сложно поверить в то, что Запад все эти десять лет верил в искренность заявлений Исламабада о его непримиримой борьбе с терроризмом. Понятно и то, что оказание жесткого давления на Исламабад или проведение каких-то спецопераций на территории Пакистана в первые годы после ввода западных сил в Афганистан могло создать для Запада целый ряд проблем, потому что в этом случае приход США в регион мог восприниматься как попытка вмешательства в устоявшуюся систему.

В самом Пакистане в конце 2011 года сложилась непростая ситуация. Все чаще эксперты говорят о растущем противостоянии между гражданским и военным правительством Пакистана. О существовании напряженности между администрацией президента Асифа Али Зардари и военной верхушкой Пакистана стали рассуждать открыто после того, когда американской прессе стало известно о содержании письма, написанного президентом Пакистана в адрес президента США. Как сообщили американские СМИ, в письме, оказавшемся в итоге у генерала Майкла Муллена, Зардари просил президента США Барака Обаму предотвратить готовящийся переворот военных. В обмен на это Зардари обещал провести реформу разведки (ISI). Одним из результатов этого скандала стало увольнение посла ИРП в США Хусейна Хаккани, ближайшего соратника президента Пакистана, который и должен был «доставить» скандальное письмо Бараку Обаме. Впрочем, пока сложно сказать, чем закончится этот скандал для самого Зардари. По данным пакистанской прессы, он в начале декабря отбыл в ОАЭ для лечения. Наблюдатели расценили госпитализацию Зардари как «политический побег».

Недавно афганские СМИ со ссылкой на аналитический доклад западных экспертов сообщили о нахождении на терри-

тории соседнего Пакистана штаб-квартир около 12 экстремистских организаций, причастных к громким терактам в регионе. Это сообщение позже подтвердилось. 7 декабря 2011 года, в день Ашура, в Кабуле, Мазари-Шарифе и Кандагаре прогремела серия взрывов, виновниками которой были террористы-смертники. Ответственность за взрывы взяла на себя экстремистская группировка «Лашкар-и-Джангви», предположительно действующая с территории Пакистана. В результате атаки террористов на афганских мусульман-шиитов погибли не менее 63 человек, ранения получили еще около 150 человек.

9 декабря США призвали пакистанские власти принять более активные меры против «Лашкар-и-Джангви». Этот демарш американской стороны дал основания говорить о том, что вряд ли в ближайшие месяцы можно ожидать снижения напряженности между Вашингтоном и Исламабадом.

«Холодная война» между Соединенными Штатами и Пакистаном, разгоревшаяся в конце 2011 года, сделала еще менее предсказуемым развитие ситуации в Афганистане и в регионе в целом. Очевидно, что без перезагрузки отношений между Вашингтоном и Исламабадом говорить о серьезных позитивных изменениях в нормализации афганского кризиса не приходится.

¹ Хашти-и-Собх. Кабул, 06.12.2011.

² Леонид Ивашов // <http://www.afghanistan.ru/doc/16307.html>

³ Известия, 23.05.2012.

⁴ http://www.nato.int/docu/briefing/afghanistan2/html_ru/afghanistan02.html

⁵ http://nvo.ng.ru/wars/2011-10-07/1_pakistan.html

⁶ http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15580239,00.html?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml

⁷ Коммерсантъ, 08.09.2009 // <http://www.kommersant.ru/Doc/1234150>

⁸ Власти Пакистана после трагических событий объявили о закрытии транзита грузов для НАТО по своей территории.

⁹ <http://www.afghanistan.ru/doc/21524.html>

¹⁰ <http://lenta.ru/news/2009/03/06/leader/>

¹¹ <http://www.afghanistan.ru/doc/21392.html>

¹² <http://www.afghanistan.ru/doc/21504.html>

¹³ <http://www.afghanistan.ru/doc/10578.html>

И.В. Жмуйда

АФГАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ПАКИСТАНЕ

Ежегодно, начиная с 2001 года, 20 июня отмечается в мире как Всемирный день беженцев. В 2011 году этот день был отмечен еще и 60-й годовщиной создания под эгидой ООН Верховного Комиссариата по делам беженцев (ВКДБ). Известно, что проблема беженцев является крайне острой и актуальной в мире, ибо почти 44 млн. людей были вынуждены по различным причинам покинуть свои постоянные места проживания.

В послании по случаю Всемирного дня беженцев в июне 2011 года генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что «беженцы рисуют своими жизнями и в большинстве случаев не хотят ничего, кроме как вернуться домой и начать жизнь заново. Как правило, главной причиной перемещения людей являются войны, продолжительные конфликты или нестабильность в таких районах, как Сомали, Ирак или Афганистан»¹. Ныне помимо указанных причин люди покидают насиженные места из-за исключительной бедности, ухудшения окружающей среды, изменения климата и комплекса сложных международных отношений и конфликтов.

Указанные Пан Ги Муном причины прямо относятся к Афганистану и стране, принимающей беженцев, – Пакистану, который проявляет гуманность и на территории которого находится самое большое число беженцев в мире. По обусловленному мнению главы Верховного Комиссара по делам беженцев Кайсара Африди, количество зарегистрированных членов афганских семей продолжает увеличиваться за счет новорожденных детей: с 1,7 млн. афганских беженцев в 2010 г. до 1,9 млн. – в 2011 году. Согласно данным Министерства провинций и Пограничных районов, еще более одного миллиона незарегистрированных афганских беженцев проживает незаконно вне лагерей размещения афганцев².

Каково же сейчас положение беженцев в Пакистане? По заявлению правительства Пакистана и Агентства по делам беженцев

ООН, 82% зарегистрированных в Пакистане беженцев не собираются возвращаться на родину в ближайшее время. По последним подсчетам, в стране проживает 2 млн. 150 тыс. афганцев. Их регистрацией занимаются государственные органы и, в частности, Министерство провинций и Пограничных районов. На регистрацию и пособия беженцам выделено 6 млн. долларов Пакистаном, Европейской комиссией, США и Великобританией, и все зарегистрированные афганцы старше 5 лет получают карточку Доказательства регистрации (Proof of Registration) сроком на 3 года, которая относит их к категории «афганских граждан, временно проживающих в Пакистане»³.

На волне совместных инициатив по репатриации беженцев правительство Пакистана и Верховный комиссар по делам беженцев ООН (ВКБД) договорились о возвращении беженцев в Афганистан. Подтверждая традиционно апатичное отношение к столь долгосрочному пребыванию беженцев, пакистанское правительство наконец-то вместе с ВКБД осознало серьезность решения проблемы, поскольку их пребывание все более пагубно сказывается на безопасности и экономике Пакистана.

Выступая в национальной ассамблее, премьер-министр Юсуф Гилани заявил в феврале 2011 г., что «военный террор и беженцы обходятся Пакистану огромными экономическими потерями и быстро ухудшают законность и порядок»⁴. В связи с этим правительство Пакистана обновило документ, называемый Стратегией по репатриации и управлению потоками беженцев, куда вошли специальные разделы о роли ВКБД.

Согласно данным официальных источников, основное внимание в Стратегии обращено на массовое возвращение беженцев в Афганистан, однако остающиеся в Пакистане должны включиться в экономическое развитие страны. За 7 месяцев действия программы по репатриации беженцев (с марта по октябрь 2011 г.) 109 тысяч зарегистрированных беженцев вернулись в Афганистан в 2010 г. и 100 тысяч, возможно, выедут в 2011 г.

В то же время, согласно докладу Международной кризисной группы под названием «Афганистан: что ныне с беженцами?», оказывается, что беженцы практически забыты мировым сообществом, а афганские власти показывают свою неспособность обеспечить безопасность и необходимые условия жизни для возвращающихся. Не меньшим равнодушием отличаются и действия пакистанских властей. Достаточным подтверждением является тот факт, что впервые за время пребывания беженцев

в Пакистане в мае 2011 г. федеральный министр Провинций и Пограничных районов посетил один из лагерей, «где проживают «несчастные» афганские беженцы, которые испытывают лишения и трудности и за решение которых необходимо бороться», – отмечала пакистанская газета «Нейшн»⁵.

В 1979 г. начался массовый исход афганцев из страны. Если в конце ноября 1979 г. (по официальным пакистанским данным) на территорию Пакистана переселилось 314,6 тыс. жителей Афганистана, то к началу 1983 г. их число уже перевалило за 3 млн. человек, а в «пиковое» время (1992 г.) число переселенцев достигало 3,5 млн. – это феноменальное явление в современной мировой истории⁶.

Большая часть беженцев, особенно в первые годы после начала массовой миграции, проживала в Северо-Западной пограничной провинции (ныне это Хайбер – Пахтунхва), Полосе племен, отчасти в провинции Белуджистан и северных пакистанских территориях. Позднее, уже начиная с 1982 г., беженцы стали расселяться по стране, достигнув Панджаба и Синда и превратив Карачи в самый «пуштунский» город мира. Лагеря, в которых расселялись беженцы, располагались в СЗПП в округах Читрал, Дир, Мардан, Пешавер, Кохат, Банну и Дера Исмаилхан, а также в политических агентствах. Из Пакистана часть беженцев уехала в Индию, на Ближний Восток, в Европу и США.

Установление в Афганистане время от времени стабильной обстановки позволяло де-юре начинать репатриацию беженцев домой, как это было еще в 1989 г., однако в реальной жизни этому препятствовали разруха, уничтожение многолетними военными действиями социальной и технической инфраструктуры, огромные территории минных полей, многолетняя засуха. В результате программа Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев по репатриации к 1998 г. по-просту провалилась. В то же время усилился самостоятельный отъезд афганцев. Уже к 1999 г. около 2 млн. из них вернулись на родину. В 2001 г. после событий 10 сентября в США и начала бомбардировок Афганистана число беженцев снова стало возрастать. К середине 2002 г. на территории главным образом СЗПП и Полосы племен оставалось около 1,4 млн. афганских беженцев. Вместе с тем при содействии Управления Верховного Комиссара по делам беженцев и правительства Афганистана, разработавших в марте 2002 г. совместную программу, Па-

кистан к началу июня 2002 г. покинуло 840 тыс. беженцев, к этому стоит добавить 146 тыс. выехавших самостоятельно⁷.

Что касается социального состава беженцев, то его можно разделить на 4 группы: это – кочевники-скотоводы, которые до войны в Афганистане перекочевывали на территорию Пакистана в поисках корма животным в зимнее время, а позднее из-за войны просто остались в СЗПП у родственников и соплеменников. Вторая значительная группа – это крестьяне – бедная, неимущая часть населения, основу которой составляют малоквалифицированные рабочие, лишившиеся земли и работы в результате войны. Третья группа состояла из средних слоев – учителей, врачей, чиновников, мелких торговцев и предпринимателей. Наиболее влиятельная группа – землевладельцы и предприниматели, ханы, сардары, богословы, высшие военные чины.

Пребывание на территории Пакистана такого огромного числа беженцев не могло не оказать влияния на его экономическую и социальную стабильность, особенно в районах, граничащих с Афганистаном (СЗПП и Белуджистан). Резко возрос разбойничий захват земель, незаконное использование пастбищ, вырубка лесов, обострение криминальной обстановки, в том числе и вооруженные столкновения местного населения и беженцев, убийство неугодных политиков и чиновников, взрывы и т.д. С приходом беженцев в Пакистане, особенно в бывшей СЗПП, «расцвели» такие негативные явления, как наркомания, контрабанда, проституция и т.д.

Нахождение беженцев, особенно богатых, а также представителей среднего класса имело и другие последствия. Так, они стали владельцами значительной части недвижимости и бизнеса. Достаточно привести такие данные: более 30% лавок в «золотых» рядах и 50% пунктов обмена валюты на крупном рынке Ядгар принадлежат афганцам или находятся в совместном владении с пакистанцами. Афганцы платят до 80 тысяч рупий в месяц за маленький прилавок, арендаемый у пакистанского владельца. Практически каждый второй обменный валютный пункт принадлежит беженцам, причем теперь подлежит обмену любая валюта. Все это вызывает недовольство местных жителей⁸.

Безусловно, Пакистан не мог содержать на своей территории и за свой счет такое число беженцев. На призыв оказать им помощь откликнулись многие страны мира, преследуя при

этом часто свои цели. Общий размер всех видов помощи, поступивших в Пакистан на поддержку афганских беженцев (по оценке западных специалистов), оценивался до начала нынешнего века в один миллиард долларов в год. Первое место среди доноров занимают Саудовская Аравия и другие мусульманские страны (примерно 400 млн. долл.), второе – США (200 млн.), важное место занимает Япония. Китай также оказывает материальную помощь. Ее предоставляют и многие другие страны мира⁹.

При этом наблюдается дальнейшее массированное разбазаривание финансовых средств, продовольственной помощи и товаров первой необходимости. В связи с этим в СЗПП даже возник термин – «экономика, выросшая на войне в Афганистане». Анализ данных развития Хайбер-Пахтунхва (Северо-Западной пограничной провинции Пакистана) за последние десятилетия показывает, что условно такой термин можно принять, если взять за основу рост отдельных секторов экономики этой провинции и прежде всего ее инфраструктуру, торговлю и бизнес.

Конечно, часть денег, «утаенных» сумм из помощи афганским беженцам, оседала в «кубышках» отдельных лиц и на счетах банков, а часть направлялась в бизнес и торговлю. Как отмечал журнал «Геральд», СЗПП преобразилась, а Пешавар переживает второе рождение: растут дворцы и банки, старые ветхие дома заменяются новыми. Признаком подъема является быстрый рост частных банков. «Дух денег, прибыли и процветания витает над Пограничной провинцией»¹⁰. Достаточно заметные перемены объяснялись не только ростом богатства пакистанцев, но расселением здесь и в других крупных городах Пакистана (Карачи, Исламабаде, Лахоре) богатых афганцев, имевших большие капиталы и инвестировавших средства в недвижимость (земли, дома), проводивших крупные контрабандные торговые сделки, в том числе в наркобизнесе и торговле оружием. Они сосредоточили в своих руках транспортные средства и перевозки не только в СЗПП, но и в Пакистане в целом. Если сначала дуканы появились в большом количестве в Пешаваре и Карачи, где проживает более миллиона людей, говорящих на одном с афганцами языке пушту, то позднее оборотистые беженцы стали открывать свое «дело» и в других районах страны. Торговля и транспорт – наиболее заметные виды их легальной предпринимательской деятельности.

Менее богатые афганцы, в основном мелкие торговцы и ремесленники, проживают около Пешавара и в окрестностях Карачи. Они своим трудом, производством кустарных изделий, особенно ковров и кожевенных товаров, способствовали оживлению местного и общепакистанского рынка, одновременно вызывая неприязнь местного населения, видевшего в них своих конкурентов, соглашавшихся на любую работу за мизерную плату.

Наибольшая часть мигрантов – крестьяне, они селились в 48 палаточных лагерях (по 5 тыс. человек в каждом) в СЗПП, Полосе племен, Белуджистане и небольшая часть в других районах Пакистана, в частности в Панджабе. Как правило, они живут на пособие и довольствуются случайными заработками. Их доля в экономической трансформации провинции была наименьшей. Более того, пребывание этой части беженцев создавало много проблем, в том числе криминального характера, вызывало эпидемии и т.д.

Пакистанские экономисты считают, что в провинции в 80-е и 90-е годы теперь уже прошлого века циркулировали деньги и товары со всего мира, получаемые в связи с миграцией беженцев. Местные предприниматели и торговцы, пользуясь неожиданно быстрым ростом населения, за их счет получали большие прибыли, вкладывали их в бизнес.

Определенному развитию инфраструктуры провинции способствовало длительное пребывание пакистанской армии, для передислокации которой были построены дороги, особенно в малоосвоенных районах. На их строительство привлекались рабочие, в том числе и из числа беженцев, а местные строительные фирмы получали значительные прибыли. Вдоль дорог сооружались гостиницы, рестораны как пакистанскими, так и афганскими предпринимателями. В результате этого произошло изменение потребительского спроса: возрос интерес к товарам длительного пользования и предметам роскоши. Увеличилось также отчасти за счет богатых беженцев число транспортных средств. Согласно данным Отдела регистрации автотранспорта Пешавара, число машин в городе ежегодно увеличивается более чем на 5,5 тысяч единиц, в целом насчитывая более 20 тысяч автотранспортных единиц¹¹.

В первые годы войны в Афганистане беженцы в основном (на 80%) были из сельских районов и, поселившись в лагерях, редко выбирались в город. После падения режима Наджибуллы

в Пакистан переселялись в основном горожане из числа таджиков, узбеков или персоговорящие беженцы. Западные окраины Пешавара превратились в персоговорящий анклав, где была создана своя инфраструктура: школы, культурные центры, профессиональные училища для девочек, открыты курсы английского языка, магазины.

Скученность, плохое питание, антисанитария в среде обитания большинства беженцев вызывают многочисленные заболевания и создают огромную нагрузку на лечебные учреждения Хайбер-Пахтунхва. Несмотря на то, что в местах расселения афганских беженцев было открыто 477 начальных школ и число учащихся в них в середине 80-х годов составило 720 тысяч, этих заведений явно недостаточно, в результате чего пакистанские школы оказались переполнены. Вместе с тем присутствие беженцев оказало влияние на образ жизни жителей СЗПП: были созданы магазины по «кабульскому» образцу, перенята манера одеваться, убранство отелей, еда, брачные церемонии и т.д. Трассу от центрального автобусного вокзала Пешавара до пригорода Хайатабад обслуживают 500 частных Мерседесов-такси, которые были ввезены беженцами в 80-е годы и обслуживаются афганскими водителями. Афганские рестораны с их пловами, кебабами и другой вкусной едой создали существенную конкуренцию пакистанским, а гонимые талибами музыканты и музыкальные студии перебрались в Пешавар и пользуются у местного населения успехом.

На рынках Хайбер-Пахтунхва можно встретить многочисленные кустарные изделия, изготовленные афганскими ремесленниками: качественные кожаные жакеты и куртки, кошельки, сумки, обувь. Выходцы из Афганистана издают на языке пушту газеты и журналы¹².

Афганские беженцы-пуштуны, не имеющие языкового барьера с местным населением, активно включились в контрабандную торговлю, которая играет заметную роль в экспортно-импортных пакистано-афганских нелегальных операциях. Она связана, с одной стороны, с отсутствием выхода к морю, а, с другой – с наличием между Афганистаном и Пакистаном суходуптной границы длиной порядка 2,5 тыс. километров, через которую осуществляется значительная часть экспортно-импортных легальных и нелегальных операций.

В контрабандную торговлю вне рамок Соглашения об Афганской транзитной торговле (САТТ), впервые заключенного

в 1965 г., пересмотренного в 1995 г. и заключенного в нынешнем виде в 2009 г., оказываются втянутыми различные слои населения Пакистана: от мелких торговцев и чиновников высокого ранга до мелких и крупных афганских бизнесменов, в т.ч. и беженцев. Большинство из них получают «неплохие» прибыли, поскольку не платят налоги. Кроме того, контрабандные товары находят на местных рынках большой спрос, их покупают и продают по более низким, чем местные, ценам. Те же пакистанские торговцы, которым приходится все-таки платить налоги, недовольны афганскими беженцами-предпринимателями, ставшими для них серьезными конкурентами, например, в торговле и производстве сигарет, ковров, синтетических тканей, электроламп, кожевенных изделий, бытовой техники и т.д.¹³

Существенную роль играли на протяжении последних десятилетий афганские беженцы в контрабандной торговле через так называемые рынки «бара», которые появились сначала в СЗПП и Полосе племен, на территории, примыкающей к Афганистану. Ныне они создаются и в других районах Пакистана. На рынках «бара» афганскими бизнесменами заключаются крупные сделки и циркулируют значительные капиталы.

И все-таки все указанные операции не идут ни в какое сравнение с оборотом наркотиков и оружия, осуществляемым афганскими наркодельцами через их соплеменников, проживающих в СЗПП и Полосе племен в качестве беженцев. И если, по заявлению официальных пакистанских властей, в самом Пакистане производство наркотиков сведено к нулю (что весьма сомнительно!), а также ликвидированы все лаборатории по производству героина, то в соседнем с ним Афганистане находится до сотни таких лабораторий и производится (по разным оценкам) порядка 38–75% опиума, поступающего на мировой рынок.¹⁴

Производство наркотиков в Афганистане не было стабильным, в середине 90-х годов, по данным ООН, площади под маком варьировались от 32 до 42 тыс. га. К 2000 году эти площади возросли до 50 тыс. га. Талибы первоначально всячески поощряли производство и продажу наркотиков, т.к. вырученные средства шли, как правило, на покупку оружия. Для страны с крайне бедной экономикой, высокой безработицей, малообразованным населением и непрекращающейся более чем три десятилетия войной выращивание мака и получение опиума было единственным средством существования, в производство и торговлю наркотиками втягивались как простые крестьяне, так и

наркодельцы, помещики, крупные чиновники, политики и многие афганские беженцы, проживавшие на территории Пакистана.

В пору нахождения талибов у власти под давлением ООН и других общественных организаций они первоначально пошли на сокращение, а затем и запрет выращивания мака, заменив его на посевы пшеницы, в которой остро нуждается население. По данным ООН, в 2001 г. талибы получили доходы от торговли наркотиками в 2 раза меньше, чем год назад, благодаря мерам по блокированию контрабандных путей, а также отчасти из-за засухи.¹⁵

С приходом иностранных войск посевы мака увеличились. Они появились сразу в 21 округе, где раньше мак не выращивался. Под давлением ООНовской Программы по контролю за наркотиками правительство Х. Карзая приняло два указа, запрещающих выращивание мака в стране. Афганским фермерам предлагается денежная компенсация, если они прекратят выращивать мак. Многие афганские крестьяне вообще не знали о принятых мерах, а потому продолжали культивировать опийный мак.

Согласно заявлению главы Программы ООН по контролю за наркотиками, порядка 70–90% героина афганского происхождения оседает на европейских рынках. Практически 100% опиатов (опиум, морфин и героин), потребляемых в соседних с Афганистаном странах – Пакистане, Иране и государствах Центральной Азии, поступают из Пакистана, в том числе и при содействии беженцев. Число лиц, потребляющих наркотики, в этом регионе превысило 3,5 миллиона¹⁶.

Борьба с контрабандой наркотиков крайне затруднена. Тем не менее только за один день в июне 2002 г. было захвачено 300 кг гашиша высокого качества. Причем первая партия в 80 кг была захвачена близ деревни Хаджи Аклар, но никто не был арестован. Вторая партия – в 124 кг с боем была арестована вблизи лагеря беженцев в местечке Рогани. Груз перевезли через афганскую границу на трех ослах. Третью партию весом в 96 кг обнаружили в районе Мурда Карез вблизи Чамана (Белуджистан). Контрабандисты использовали и используют ныне специально натренированных на перевозку наркотиков ослов¹⁷.

По некоторым данным, доходы от продажи наркотиков в мире превысили доходы от нефти. Откупиться от ареста для наркобаронов – дело несложное. Деятельность беженцев, втянутых в наркобизнес, создает криминогенную обстановку в масштабах страны.

Еще одним важным источником обогащения населения провинции Хайбер-Пахтунхва и афганских беженцев является торговля оружием. Пакистанские власти требуют получения лицензии на покупку вооружения, особенно в Пешаваре. Однако, отъехав несколько километров от города, можно легко купить легкое стрелковое оружие. Здесь уже никто не требует лицензии. Особенно знаменит рынок «Дера адам кхель», где свободно покупаются и продаются пистолеты, весьма популярный автомат Калашникова, гранатометы и противотанковые мины. Расположен базар недалеко от Пешавара в зоне племен, куда не распространяется федеральное законодательство и где население живет по своим обычаям и законам, поэтому регулировать куплю-продажу и наказание торговцев невозможно. В печати сообщалось, что зачастую партии оружия продавались прямо из арсеналов, а покупателями были высокопоставленные военные и гражданские чины. И если прежде возникали проблемы с переправкой оружия в другие регионы, то затем «была создана целая инфраструктура, при которой дельцы доставляют оружие в любые концы страны». Помимо импортного оружия, часто покупаемого у беженцев, налажено также производство автоматов типа автомата Калашникова, который пользуется особым спросом. Вполне естественно, что, пытаясь «отмыть деньги», полученные от торговли оружием, его владельцы стремятся вложить средства в торговлю и недвижимость. Этим отчасти и объясняется «бум» в упомянутых сферах хозяйства провинции.

Концентрация больших партий оружия в лагерях афганских беженцев побудила пакистанские власти с 1 марта 2000 г. ввести запрет на владение оружием, а также проводить проверку лагерей на предмет его наличия у мигрантов. И хотя ношение оружия традиционно для жителей СЗПП и Полосы племен, согласно предписанию, владение им оказалось под запретом. Полиции вменялось в обязанность арестовывать тех, кто не подчиняется властям. Это решение вызвало большое недовольство у 400 тысяч производителей оружия, владеющих 500 магазинами в районе Пешавара, поскольку они лишились покупателей и особенно главных заказчиков из Панджаба¹⁸.

Очевидно, что афганские мигранты оказались втянутыми в различные легальные и нелегальные сферы деятельности в Пакистане. За долгие годы пребывания в этой стране они пустили глубокие корни, особенно в провинции Хайбер-Пахтунхва.

Ныне, когда в Афганистане установлен режим Х. Карзая и начался массовый отъезд беженцев из Пакистана, стало легче определить, в каких областях экономической жизни они играли определенную роль. Во-первых, сократилось производство и экспорт ручных ковров высокого качества, т.к. ткачи-беженцы перевели их производство в Афганистан, а богатые афганцы перестали инвестировать в ковровый бизнес провинции. Из 60 тыс. ткацких станков, находившихся в провинции, 52 тыс. были перевезены в Афганистан и 75% квалифицированных ткачей последовали за ними. Всего же ткачеством и в ковровом бизнесе в СЗПП занимались 500 тыс. афганцев. В то время как власти Пакистана настаивали на репатриации беженцев, в т.ч. ткачей, иранское правительство приняло 8 тыс. квалифицированных ремесленников, чтобы улучшить качество ковров в стране.

Во-вторых, после отъезда мигрантов целые районы вблизи Пешавара опустели. Ослаб и строительный бизнес, подешевела арендная плата за снимаемые дома, а также стоимость земли. Отъезд беженцев-строителей привел к увеличению ежедневной оплаты труда с 75 до 85 рупий строителям-пакистанцам.

В-третьих, отъезд беженцев сказался и на частном бизнесе в сфере образования. Значительная часть из 100 тысяч афганских детей и студентов покинула школы и колледжи Пешавара.

Отношение пакистанских властей к отъезду афганских беженцев высказал министр промышленности Хайбер-Пахтунхва Мохсин Азиз, отметивший, что пребывание беженцев – временное явление, и их отъезд не окажет серьезного воздействия на экономику провинции. Более того, местное население сможет легче найти работу и займется бизнесом, поскольку беженцы доминировали в нем. «Местное население уже насытилось пребыванием беженцев», – заявил он¹⁹.

Столь разноречивое влияние афганских беженцев на социальный и экономический сектора экономики Пакистана заставило правительство под эгидой Стратегии по Афганскому управлению и репатриации (The Afgan Management and Repatriation AMR) признать всех незарегистрированных афганских беженцев нелегальными иммигрантами, подлежащими репатриации до конца 2012 г. В свою очередь Министерство провинций и приграничных районов совместно с Верховным комиссаром по делам беженцев (ВКБД) уверены, что все афганские беженцы либо будут депортированы, либо легализованы в рамках действующих законов до декабря 2012 г. Предполагается, что

стратегия, которая находится в стадии разработки, будет обращать внимание на пограничные силы (Frontier Corps, Frontier Constabulary, Levies and Border Forces) для эффективного контроля за ситуацией на границе и проверки потоков миграции. Афганское правительство также будет принимать в этом участие.

Предусматривалось, что комиссар по афганским беженцам и местная полиция проведут опись всех промышленных объектов, принадлежащих афганским беженцам или эксплуатирующих их. Помещики, использующие труд беженцев в городских или сельских районах, а также все беженцы, живущие вне лагерей, должны зарегистрироваться в полицейских участках.

Предусматривалось также, что все объекты, принадлежащие афганцам, такие как рестораны, магазины и т.д., будут в первую очередь зарегистрированы в Комиссариате по делам беженцев и Федеральном бюро по налогам. Те же афганцы, которые сделали невыгодные инвестиции в дома и землю, получат визы на проживание на определенный срок, пока не продадут свое имущество. Полагалось, что стратегия окажет стабилизирующий эффект для афганских беженцев на рынке труда.

Афганская Стратегия по управлению и стабилизации предполагает также возобновить визы 150 тысячам квалифицированных и неквалифицированных трудовых мигрантов. Особые льготы получат те беженцы, которые вложили более 5 млн. рублей в производственный бизнес. Им будут даны разрешения на работу на время проживания в Пакистане²⁰.

Конечно, вероятность выезда такой массы беженцев до конца 2012 г. вызывает определенные сомнения, однако время покажет, будет ли осуществлен столь грандиозный план...

¹ The Nation, 20.06.2011.

² Pakistan Observer, 26.06.2011.

³ Pakistan Observer, 31.05.2011.

⁴ The Nation, 26.02.2011.

⁵ The Nation, 03.05.2011.

⁶ Березов Н.Н. Пакистан: проблема беженцев. М., 1999, с. 3.

⁷ Dawn, 19.07.1996; Dawn, 13.06.2002.

⁸ The News, 20.06.2001; 10.09.2009.

⁹ Березов Н.Н. Указ. соч., с. 15.

¹⁰ The Herald, June 1992; January 1990.

¹¹ Dawn, 03.01.1999; Nation, 26.02.2011.

¹² The News, 11.11.2001.

¹³ The Economist, 28.10.2000; См. подробнее: Жмуйда И.В. Новое соглашение об афганской транзитной торговле // Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011.

¹⁴ The News, 23.01.2001; См. подробнее: Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Афганская наркоэкспансия: северное и южное направление // Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011.

¹⁵ The News, 23.01.2001.

¹⁶ Dawn, 15.06.2002.

¹⁷ Dawn, 15.06.2002.

¹⁸ The News, 15.02.2000; Nation, 06.05.2005.

¹⁹ Dawn, 14.06.2011; Nation, 06.05.2005.

²⁰ The News, 20.06.2011; The Nation, 20.06.2011.

И.Н. Серенко

ТРАНСФОРМАЦИЯ АФГАНО-ПАКИСТАНСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТАЛИБСКОЙ УГРОЗЕ

Афгано-пакистанское пространство, расположенное на стыке Южной, Центральной и Западной Азии и ставшее в начале XXI века эпицентром международной борьбы с терроризмом, представляет собой тесно взаимосвязанный ареал нестабильности и угрозы безопасности не только для данного региона, но и мира в целом.

При обсуждении вопросов терроризма, текущей обстановки в афгано-пакистанском приграничье, возможности дальнейшего усиления талибской угрозы после вывода войск США и НАТО из Афганистана (2014 г.) основное внимание экспертами и аналитиками уделяется анализу широкого спектра военно-стратегической, политической, экономической составляющих проблемы региональной безопасности. Вместе с тем нельзя недооценивать и образовательный аспект распространения талибской угрозы в регионе. Афганские и пакистанские талибы, уже однажды преждевременно похороненные американцами и их союзниками (2001 г.), по-прежнему, спустя более чем десятилетие, остаются главной силой сопротивления «иностранный агрессии» на афгано-пакистанском направлении, несмотря на все усилия международной коалиции. Живучесть талибского феномена обусловлена целым рядом факторов, включая и образовательный. Именно он не в последнюю очередь способствовал созданию «самовоспроизводящейся системы организации джихада» в регионе¹.

Афгано-пакистанское образовательное пространство представляет собой зону массовой неграмотности населения двух государств. Уровень грамотности среди пакистанцев в возрастной категории старше 10 лет составляет лишь 57,7% (мужчины – 69,5%, женщины – 45,2%). Данный показатель в городской местности (73,2%) значительно превышает сельский (49,2%). Наблюдаются различия в уровне грамотности по провинциям: Панджаб (59,6%), Синд (58,2%), Хайбер-Пахтунхва (50,9%) и Белуджистан (51,5%)².

Право пакистанцев на получение образования с учетом национально-религиозной компоненты предусматривается Конституцией страны 1973 г. (ст. 20, 22, 28, 31, 33, 37, 38, 40). Ответственность государства за обеспечение всеобщего бесплатного обязательного образования для детей в возрасте от 5 до 16 лет закрепляется 18-й поправкой к Конституции, внесенной 19 апреля 2010 г. (ст. 25 А)³. Уровень грамотности среди пакистанцев планируется увеличить до 86% к 2015 году⁴.

Конституция Исламской Республики Афганистан 2004 г. (ст. 43, 44, 45, 46) также гарантирует каждому гражданину право на получение обязательного бесплатного среднего образования, выстроенного с опорой на культурно-религиозную педагогическую традицию в организации и содержании учебного процесса⁵. Уровень грамотности среди афганцев в возрастной категории старше 15 лет составляет лишь 26% (мужчины – 39%, женщины – 12%). В соответствии с Национальным планом стратегического развития образования (2010–2014 гг.) предусматривается значительное увеличение уровня грамотности среди афганцев – до 48% (54% – среди мужского населения страны, 43% – среди женщин)⁶.

Афганскому народу в наследство от талибского режима (1996–2001 гг.), выступавшего против женского образования и использования в обучении широких слоев населения современной педагогической теории и практики, досталась фактически полностью разрушенная национальная система образования, которую пришлось восстанавливать практически заново. Усилия государства по предоставлению образовательных услуг населению способствовали значительному росту числа учащихся в средней общеобразовательной школе (1–12 классы): с 1 млн. учеников в 2001 г. до 7,1 млн. учащихся (из них 38% – ученицы) в 2010 году. Они обучались в 12 421 общеобразовательной средней школе страны. Кроме того, более 171,5 тыс. учащихся (13% – девочки) проходили обучение в 626 традиционных религиозных учебных заведениях, функционировавших в различных афганских провинциях⁷.

Характерными чертами для афгано-пакистанского образовательного пространства являются постоянное недофинансирование просветительского сектора (1,7% ВНП – в Афганистане и 2,7% ВНП – в Пакистане), ограниченный доступ к образованию женской части населения, нехватка педагогических кадров, политизация и исламизация образовательных систем обоих государств, а также слабое развитие образовательной инфраструктуры⁸.

По данным Министерства образования Исламской Республики Афганистан (2011), только 8,2 млн. мальчиков и девочек посещают общеобразовательные школы. Остальные 4 млн. детей не имеют доступа к образованию из-за отсутствия необходимой образовательной инфраструктуры, практически разрушенной в ходе непрекращающегося вот уже более 30 лет военного конфликта в Афганистане. Большинство афганских школ не имеют даже своих зданий и функционируют под открытым небом (60%). Власти пытаются постепенно восстанавливать учебные заведения при финансовой поддержке международных доноров. В последние годы в стране наблюдается количественный рост учебных заведений. Так, число начальных и средних школ увеличилось с 3400 в 2002 г. до 14 000 учебных заведений в 2011 году. В соответствии с государственной стратегией в области образования предполагается открыть еще 3 000 новых школ в 2014 г. и довести их количество до 23 000 к 2020 г. с целью обеспечения базовым образованием всех детей школьного возраста, в том числе и с помощью сохраняющейся в стране традиционной мусульманской системы обучения. Количество учащихся в религиозных учебных заведениях планируется увеличить с 171,5 тыс. учеников в 2010 г. до 500 тыс. человек к 2020 г. (40% из них – девочки)⁹.

Для реализации данных стратегических планов Афганистану необходима не только внутренняя стабильность и безопасность, но и достижение мира в регионе в целом. Их отсутствие приводит к частичной парализации афганской системы просвещения, вынужденному закрытию уже имеющихся в стране школ. Так, в южных и восточных районах страны, охваченных антиправительственными выступлениями мятежников, не функционирует около 500 общеобразовательных школ. За последние 2 года при поддержке старейшин племен министерству образования Афганистана все же удалось открыть здесь около 200 учебных заведений. Однако только в одной южной провинции Забуль, граничащей с Пакистаном, по-прежнему не действуют 160 школ. В целом по стране в связи с временными закрытиями школ, а также отсутствием элементарных условий безопасности для обучения школьников более 400 тыс. детей не имеют возможности реализовать свое право на овладение знаниями¹⁰.

Не лучшим образом обстоит ситуация в образовательном секторе соседнего с Афганистаном Пакистана. По последним данным, из 40 млн. детей школьного возраста (от 5 до 14 лет) только

18 млн. посещают школы. Остальные 22 млн. детей либо вообще не имеют доступа к образованию из-за отсутствия учебных заведений, либо вынуждены не посещать школу из-за тяжелого материального положения в семье и необходимости с детства зарабатывать себе на жизнь¹¹. Официальная статистика сообщает о 3,8 млн. работающих детей в возрасте от 5 до 14 лет. Не охваченными школой остаются также и 1,7 млн. пакистанских сирот и беспризорников, вообще лишенных элементарных прав ребенка¹².

Как и в соседнем Афганистане, развитие современной системы образования сдерживается отсутствием стабильности и безопасности. Так, пакистанские территории зоны племен, где нашли прибежище пакистанские и афганские талибы, по всеобщему признанию, являются самым опасным местом в мире не только для проживания, но и для получения современного образования¹³.

В результате объявленной исламистами кампании по борьбе против национальной системы образования пакистанского государства, начиная с 2004 года, здесь было уничтожено 637 общеобразовательных школ. Усилия исламистов привели к снижению уровня грамотности среди местного населения: с 29% в 2009 г. до 17,42% в 2010 году¹⁴. Взрывая и уничтожая учебные заведения, талибы не только разрушают современную систему образования, но и лишают целые поколения детей будущего.

Учреждения пакистанской системы образования подвергаются постоянным атакам со стороны террористов не случайно. В стране, оказавшейся на передовой борьбы с международным терроризмом, происходят заметные трансформационные изменения в соответствии с новой Национальной политикой государства в области образования (2009 г.). Объявленная реформа предусматривает воспитание подрастающего поколения в духе терпимости и ненасилия и нацелена на выработку у молодежи антитеррористического иммунитета.

Образовательная политика сбалансированного реформаторства вызывает отчаянное противодействие со стороны исламистов, выступающих за создание теократического государства. Они усматривают в современной системе образования основную угрозу своей джихадистской идеологии, лежащей в основе достижения поставленной ими цели. Исламистам удалось провалить реформу религиозного образования в стране (2001–2009), которая предусматривала обновление его содержания и постепенную интеграцию в общий поток школ. Она была направлена на ликвидацию идеологической базы и мате-

риальной инфраструктуры исламистов. Неуспех государства в реализации реформы способствовал укреплению позиций исламистов и их идеологии.

Политизация большинства религиозных семинарий способствовала фактическому превращению их в центры по идеологической индоктринации молодежи, распространению в ее среде идей религиозной нетерпимости и насилия, радикализации пакистанского общества в целом. По последним данным, более 2,7 млн. детей обучаются в 20 тыс. религиозных учебных заведениях страны.¹⁵ На их вербовку в свои ряды и рассчитывают исламисты, проводя таким образом своеобразную политику преемственности поколений в деле джихада против неверных с целью построения Талибского Эмирата.

Радикализации массового сознания пакистанцев способствовали не только политизированные традиционные мусульманские институты, но и отчасти современные учебные заведения начальной, средней и высшей ступеней образования формального типа, также подвергшиеся исламизации за счет жесткой ортодоксальной интерпретации мусульманской религии в содержании обучения и воспитания подрастающего поколения.

Можно согласиться с мнением видного пакистанского аналитика, журналиста и писателя Ахмеда Рашида, что «Пакистан, охватила не ползучая, а галопирующая талибанизация»¹⁶. Она то и представляет основную угрозу стабильности и безопасности не только для самого Пакистана, но и для соседнего с ним Афганистана. Волна «исламистского цунами» может снести на своем пути все прогрессивные, реформаторские завоевания обоих государств. Без принятия комплекса политических, социально-экономических мер, включающих сбалансированное реформирование национальных систем образования, возникает опасность распространения процесса «талибанизации» и на граничащие с Афганистаном и Пакистаном страны.

Таким образом, одним из главных направлений в политике региональной безопасности должно стать развитие современной системы образования. Руководству Пакистана и Афганистана необходимо предпринимать конкретные меры по укреплению общеобразовательной и профессионально-технической базы, деполитизации и модернизации традиционной мусульманской системы просвещения через обновление содержания обучения с целью недопущения дальнейшего распространения экстремистских взглядов среди молодежи, вовлечения ее в со-

зидательную социально и экономически ориентированную деятельность, адаптированную к реалиям современной жизни.

Представляется, что наметившийся процесс трансформации афгано-пакистанского образовательного пространства будет способствовать постепенному снижению исламистской активности и талибской угрозы в регионе. Отказ от образовательной трансформации в Афганистане и Пакистане может спровоцировать распространение «талибанизации» на соседние государства, что приведет в конечном итоге к сохранению «самовоспроизводящейся системы организации джихада». Ее волна будет нарастать, усугубляя тем самым проблему безопасности и стабильности не только в регионе, но и в мире в целом.

¹ Сатановский Е. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. – М.: Эксмо, 2012, с. 300.

² Pakistan Economic Survey 2010–2011. Ministry of Finance, Government of Pakistan. – Islamabad, 2011 [Electronic version].

³ Constitution (Eighteenth) Amendment Act, 2010 [Electronic version].

⁴ National Education Policy 2009, Ministry of Education, Islamabad, 2009 [Electronic version].

⁵ Constitution of Afghanistan 2004 [Electronic version].

⁶ The National Strategic Education Plan (1389–1393/2010–2014). Ministry of Education, Government of the Islamic Republic of Afghanistan. – Kabul, 2010 [Electronic version].

⁷ Progress Report 1389/2010. Ministry of Education, Government of the Islamic Republic of Afghanistan.[Electronic version].

⁸ UNESCO Institute for Statistics [Electronic version].

⁹ Afghanistan Millennium Development Goals for 1399 (2020) [Electronic version].

¹⁰ Dawn, 12.09.2011.

¹¹ Dawn, 22.03.2011.

¹² Dawn, 21.12.2011.

¹³ FATA – A Most Dangerous Place. Meeting the Challenge of Militancy and Terror in the Federally Administered Tribal Areas of Pakistan. Wash.: Center for Strategic and International Studies, January 2009 [Electronic version].

¹⁴ Tushar Ranjan Mohanty. Blind Spot in FATA/ South Asia Intelligence Review // Weekly Assessments & Briefings. 2012. Volume 10, No. 27, January 9 [Electronic version].

¹⁵ Dawn, 14.07.2010.

¹⁶ Dawn, 04.05.2009.

М.Ю. Морозова

БЕЛУДЖСКИЙ ФАКТОР В ПАКИСТАНО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Белуджистан – самая бедная из четырех пакистанских провинций, занимающая, тем не менее, важное геостратегическое положение. Она граничит с Афганистаном и Ираном, имеет выход к Индийскому океану, по которому проходят основные маршруты нефтеперевозок из арабских стран в Юго-Восточную Азию. Именно через нее могли бы быть проложены кратчайшие транспортные коридоры, включая трубопроводы, из Центральной Азии (ЦА) к Аравийскому морю. Отсюда – повышенное внимание к Белуджистану со стороны не только непосредственных соседей, но и мировых держав.

Что касается непосредственных соседей, то с 1979 г. политика как в самом Белуджистане, так и по отношению к нему в основном определялась ситуацией в Афганистане. Естественно, что всплески борьбы белуджей за независимость карались всеми центральными правительствами Пакистана. При этом положение как вдоль пакистано-афганской границы, так и во всех приграничных областях во многом зависело от внешних факторов – это подпитка определенных политических партий, пропаганда и агитация, вооружение. Если цели и задачи для всех внешних сил в отношении Белуджистана остаются неизменными (закрепление своего влияния в этом регионе), то формы и методы проводимой ими политики постоянно меняются – в зависимости от положения на мировой арене.

В 1970–80-е гг. интерес к Белуджистану проявили США, что объяснялось советским военным присутствием в Афганистане. Поскольку Белуджистан отличается бедной экономикой, то основными направлениями политики как США, так и международных финансовых организаций стали донорская подпитка и спонсорские вливания. В Специальном плане развития Белуджистана, разработанном Всемирным Банком (ВБ) в 1980 г.,

особое внимание уделялось транспортной инфраструктуре этого стратегически важного региона.

После вывода советских войск из Афганистана политика в отношении Белуджистана со стороны ВБ и США изменилась. На смену основным потокам инвестиций в транспортную сеть пришли целевые программы по линии ООН, направленные на поддержку социального развития наиболее отсталых районов планеты (помощь беженцам, борьба с засухами и наводнениями). Первыми, кто проявил повышенный интерес к транспортным коридорам, которые в перспективе пересекли бы Белуджистан, оказались молодые суверенные государства ЦА. Объединившись под лозунгом исламской солидарности с Пакистаном, Афганистаном, Ираном, Азербайджаном и Турцией в Организацию экономического сотрудничества (*Economic Co-operation Organization*, ЭКО), они рассчитывали на большую финансовую поддержку со стороны западных инвесторов при строительстве новых трубопроводов для вывода своих энергоресурсов на мировой рынок. Однако поскольку место лидера в рамках ЭКО заняла Турция, а Афганистан оказался под властью движения «Талибан», основные потоки нефти и газа потекли из ЦА не на юг, а на запад.

Когда после 11 сентября 2001 г. развернулась широкая антитеррористическая борьба с «Аль-Каидой», а на территорию Афганистана были введены коалиционные силы НАТО, США вновь активизировали стратегические планы по оказанию финансовой помощи Пакистану, нацеленные в основном на развитие отсталых районов вдоль пакистано-афганской границы, в том числе и в Белуджистане. Однако поскольку Исламабад поддерживал на своей территории талибов, а коалиционные силы позволяли себе бомбардировки этих территорий с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), особого взаимопонимания между США и Пакистаном достигнуто не было. Вследствие охлаждения пакистано-американских отношений инвестиции в Белуджистан свернулись.

30 ноября 2011 г. власти Пакистана обратились к США с требованием освободить расположенную в Белуджистане авиабазу «Шамси», где базировались БПЛА. Заявление было сделано после того, как боевые вертолеты НАТО вторглись в воздушное пространство Пакистана с территории Афганистана и нанесли удар по блокпосту в области Мохманд на северо-западе страны. Погибли 24 пакистанских военных. Премьер-

министр Пакистана Юсуф Реза Гиллани заявил, что авиаудар НАТО можно рассматривать как «покушение на суверенитет» страны.¹ Ранее власти Пакистана закрыли дорогу, по которой велось снабжение коалиционных сил НАТО в Афганистане.

Однако сохранив право выбора зон приоритетного внимания (в форме оказания экономической помощи), США уже не имели возможности резервировать для себя отдельные районы на отдаленную перспективу и закрывать их от проникновения других внешних спонсоров. После того, как между США и Пакистаном возникли серьезные разногласия, а экономическая помощь была свернута, свободная экономическая зона Белуджистана оказалась открытой для Китая.

Политическая линия Китая, направленная на укрепление стратегического присутствия вдоль главных путей транспортировки грузов (прежде всего нефти) из Восточной Африки и Ближнего Востока в Юго-Восточную и Восточную Азию, вплоть до острова Хайнань в Южно-Китайском море, уже получила название «Нить жемчуга». Термин был впервые использован в докладе «Будущее энергетики в Азии», подготовленном по заданию Министерства обороны США в 2005 г.²

Главными опорными пунктами «Нити жемчуга» в Индийском океане являются строящиеся либо модернизируемые порты Хамбантота в Шри-Ланке, Читтагонг в Бангладеш, Къяукпью в Мьянме, а также станции слежения на принадлежащих Мьянме Кокосовых островах в Андаманском море. К этой же категории стратегических объектов относится и расположенный на Макранском побережье Белуджистана порт Гвадар, который дает Китаю возможность консолидировать передвижения всех гражданских и военных судов между Персидским заливом и Аравийским морем.³

По утверждению китайских официальных лиц, стратегия, направленная на усиление китайского присутствия в Индийском океане, преследует чисто экономические цели, позволяя получить более короткие, дешевые и безопасные пути транспортировки энергоносителей. Однако индийские и американские политологи небезосновательно усматривают в ней политическую и военную составляющие.

В настоящее время именно Китай является главным инвестором в транспортную инфраструктуру пакистанского Белуджистана. Основным звеном в стратегической политике Китая, нацеленной на выход к Индийскому океану в обход Индии,

стал Гвадар. Китай уже выделил Пакистану 200 млн. долл. на строительство порта, в то время как пакистанское правительство планирует связать его новыми магистралями с Карачи, Кветтой и Лахором с последующим выходом на Каракорумское шоссе.⁴

Показательно, что предлагая Пакистану помочь в реконструкции всей транспортной системы, Китай по-прежнему уделяет особое внимание Каракорумскому шоссе, ставшему в 1980-е гг. символом пакистано-китайской дружбы, но явно нуждающемуся в реконструкции за четверть века своего существования. Так, в 2004 г. Китай предложил Пакистану помочь по реконструкции шоссе на пакистанском участке. Одновременно между двумя странами был подписан меморандум, согласно которому Китай согласился построить 90-километровую дорогу, которая в перспективе связывает китайскую часть Каракорумского шоссе с автодорожной сетью Центральной Азии, что позволит Пакистану и Китаю соединиться прямым маршрутом сухопутной торговли. «Каракорумское шоссе соединит новый торговый порт Гвадар с Западным Китаем и Центральной Азией. Это отменит необходимость для Пакистана прокладывать дорогу через разоренный войной Афганистан», – писала исlamабадская газета «Ньюс» в августе 2004⁵.

В октябре 2006 г. в Пакистане открылось автогрузовое сообщение по т.н. Каракорумскому маршруту: Исламабад – Кашгар – Бишкек – Алматы, протяженность которого составила около 2200 км⁶. Сообщение по нему осуществляется пакистанской транспортной компанией *Pak Caspian Trade Link*. Первый автотранспорт с 40-тонным контейнером отправился 8 октября 2006 г. из пакистанской столицы в Алматы.

Пакистанское правительство ведет также разработки проекта строительства железной дороги (стоимостью 139 млн. долл.) от Далбадина до Гвадара. Планируется, что в 2020 г. Гвадар будет принимать до 100 грузовых железнодорожных составов в сутки. Параллельно ведутся работы по завершению строительства прибрежной автотрассы, которая связывает Гвадар через порт Пасни с Карачи (протяженность шоссе 650 км), причем Китай уже инвестировал в строительство 200 млн. долл.⁷

Официальная церемония открытия первой очереди строительства Гвадара состоялась летом 2005 г. и, как считает Министерство коммуникаций Пакистана, в течение 10 лет со дня пуска порта в эксплуатацию объем грузоперевозок составит

не менее 24,5 тыс. тонн в год. Вторая очередь стоимостью 524 млн. долл. предполагает строительство частных терминалов для приема грузовых контейнеров, а также нефтетерминала, способного обрабатывать супертанкеры. В целом комплексный план развития Гвадара предусматривает создание свободных экономических зон, строительство предприятий нефтегазовой и нефтехимической промышленности, развитие транспортной инфраструктуры (в частности, открытие международного аэропорта). Предполагается, что к 2020 г. грузооборот Гвадара возрастет уже до 90 млн. тонн в год.⁸ Порт Гвадар мог бы стать прекрасным перевалочным пунктом на пути поставок энергоресурсов из Ирана в Китай.

Тегеран, со своей стороны, проводит в Белуджистане политику, направленную на развитие приграничной торговли и расширение транспортной инфраструктуры. Иран является единственным государством, не заинтересованным в распространении этнического и религиозного сепаратизма непосредственно в пакистанском Белуджистане. Основными направлениями его внешней политики являются развитие приграничной торговли и поддержка бедных районов вдоль границы с иранской провинцией Систан и Белуджистан⁹. Главная цель подобной политики Тегерана – сохранение социальной и политической стабильности как вдоль ирано-пакистанской границы, так и непосредственно в пакистанской провинции, иными словами, – не допустить развития движения за Великий Белуджистан.

Основную роль в обеспечении Пакистана необходимыми энергоресурсами был призван сыграть магистральный газопровод Иран – Пакистан – Индия (ИПИ) общей протяженностью 2700 км (1100 км по территории Ирана, 1000 км – Пакистана и 600 км – Индии), первая очередь которого должна пройти по территории Белуджистана через Гвадар в Навабшах. Прокладку планировалось начать в 2010 г., но поскольку Дели не подтвердил свое участие в ИПИ, 17 марта 2011 г. Исламабад и Тегеран заключили двустороннее соглашение о строительстве газопровода протяженностью 900 км и стоимостью 7,6 млрд. долларов (2,5 млрд. был намерен инвестировать Китай).

22 марта 2012 г. Министерство нефти и природных ресурсов Пакистана официально заявило, что пакистанская сторона приняла решение попытаться привлечь компании и банки России и Китая к реализации проекта газопровода Иран – Пакистан. Представитель Министерства иностранных дел Абдул

Басит особо подчеркнул, что Пакистан не изменял и не собирается менять свою позицию относительно участия в проекте газопровода Иран – Пакистан: «Мы намерены завершить его строительство к 2014-му г.». ¹⁰ Наконец, 27 апреля 2012 г. государственное агентство «Межгосударственные газовые системы» (*ISGS*) выпустило тендер, приглашая заинтересованных подрядчиков к участию в реализации проекта. «Мы ожидаем, что строительство начнется через 50–60 дней с последнего дня подачи, это также будет зависеть от количества заявителей. Мы надеемся начать строительство по проекту до конца этого года», – заявил представитель *ISGS*.¹¹

Рассчитывать на прокладку газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ), который должен по плану пересечь пакистано-афганскую границу, пока не приходится. Сооружение трубопровода стоимостью 7,6 млрд. долл. планировалось завершить в 2014 г. Вместе с тем высказывается мнение, что из-за нестабильной обстановки в транзитных странах эти сроки могут сдвинуться.

Так, представитель Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) Нил Джон Мелвин полагает, что «проект ТАПИ – это достаточно рискованное предприятие, ведь Афганистан все еще остается зоной военных действий, не утихает и конфликт в Кашмире, на территории между Индией и Пакистаном». «Возникает вполне резонный вопрос: Кто будет ответственен за безопасность транспортировки газа по территории этих государств? Своими силами Афганистан и Пакистан этого обеспечить не смогут, Индия хочет иметь конечный продукт, выступать только в роли покупателя газа. Значит, ответственность за транспортировку энергоресурсов Туркменистану придется взять на себя. Как это реализовать на практике, пока не понятно».¹²

Топливно-энергетическая политика Туркменистана строится на создании «многовариантной системы вывода туркменских энергоносителей на мировые рынки на стабильной и долгосрочной основе». По словам президента Г. Бердымухамедова, его государство «исходит из принципа не замещения, а дополнения существующих маршрутов по всем четырем географическим направлениям»¹³.

Что касается Индии, то ей нужны и туркменские, и иранские энергоресурсы, т.е. стабильный Белуджистан. Индийский политолог М.К. Бхадракумар не исключает, что ТАПИ может

придать официальный характер долговременному военному присутствию Запада в Афганистане. По его словам, главной проблемой регионального масштаба станет безопасность трубопровода, а ответственность за его охрану ляжет на плечи стран-транзитеров. По его мнению, проект приведет к общему усилению влияния США в Южной Азии¹⁴.

С другой стороны, сохраняется напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном. Если традиционно основными сферами повышенного внимания со стороны органа внешней разведки Индии – Отдела исследований и анализа (*Research and Analysis Wing, RAW*) секретариата кабинета министров были районы Панджаба и Синда вдоль индийско-пакистанской границы, то в последние годы оно распространилось и на Белуджистан.

Согласно данным, опубликованным в пакистанской печати в октябре 2010 г., более 100 диссидентов-белуджей были направлены для шестимесячного обучения под руководством индийских специалистов в тренировочный лагерь на территории Афганистана (под Кандагаром)¹⁵. Как отмечала газета «Нейшн», «в течение достаточно длительного времени RAW проводит активную подрывную деятельность в Белуджистане, поддерживая белуджских националистов и сепаратистов в целях дестабилизации внутриполитической обстановки на территории всей страны»¹⁶. Однако при этом нельзя забывать, что свои позиции в этой провинции уже закрепил Китай, который окружает Индию по всему побережью Индийского океана «Нитью жемчуга».

Видимо, многое будет зависеть от мнения Индии с ее pragматичной политикой: она не любит Китай, но ей нужны нефть и газ по трубопроводам, которые должны быть проложены через Белуджистан. Однако внутриполитическая нестабильность в самом Белуджистане не может не являться одним из главных препятствий на пути ведущих в Индию трубопроводов (как, впрочем, и на пути «китайских» дорожных маршрутов).

Открыв свой рынок для китайских инвестиций и будучи согласным с любым из газопроводных проектов, Пакистан берет на себя обязательство обеспечить безопасность всех важных транспортных коридоров. Но при любом раскладе сил на мировом уровне нельзя не учитывать мнения племенных вождей, которые владеют собственной землей и на практике способны, если сочтут нужным, обеспечивать безопасность стратегически

важных объектов, будь то авиабазы, портовые комплексы, трубопроводы или дорожные магистрали.

В последнее время появился новый прогноз: сепаратизм белуджей возрастет при поддержке США – по аналогии с революциями на Ближнем Востоке. Главная цель – нейтрализовать Пакистан с талибами для восстановления в этой стране своего влияния. Поддержка идеи белуджской государственности косвенным образом означает раздувание сепаратистских тенденций в Иране, что также играет на руку США в нынешней ситуации, когда американо-иранские отношения находятся на грани открытого военного конфликта. И наконец, в стратегическом отношении поддержка белуджских сепаратистов означает шаг, направленный на сдерживание китайской экспансии в районе Аравийского моря.

Если идея независимого Белуджистана осуществится, это помогло бы США получить доступ к обширному региону Центральной Азии в обход Пакистана и России. Первые симптомы подобной стратегической программы уже появились. Отвечая 13 января 2012 г. на вопрос в Твиттере, официальный представитель Госдепа Виктория Нуланд отметила, что «Соединенные Штаты глубоко обеспокоены продолжающимся насилием в Белуджистане, в особенности – убийствами, исчезновениями людей и другими нарушениями прав человека»¹⁷.

По мнению профессора Е.А. Вертиби (Европейский стратегический центр, Бавария), «борьба за энергоресурсы, обострившаяся с «концом эры дешевой энергии» (начало 1970-х гг.), стала компасом мировой политики. В Евразии сложились такие geopolитические узлы противостояния: Балканы – Косово (США – ЕС), Восточная Европа – Крым (США – Россия), Средний Восток – Белуджистан (США – Китай). Из этих «горячих точек» наиболее удобно запускать и контролировать «управляемые конфликты». Белуджистан – на взрывном стыке: Пакистан, Иран и Афганистан, с этносами белуджей и пуштунов. Именно там возможно жесткое противостояние Китая и США. С целью сдерживания Китая уже объявлено США о стратегической переориентации своей внешней политики с Ближнего Востока на Азиатско-Тихоокеанский регион»¹⁸.

Можно соглашаться или нет с мнением о том, что в ближайшие годы вокруг Белуджистана развернется вооруженный конфликт глобального масштаба, однако, по данным доклада СИПРИ о поставках военной техники, обнародованного в марте 2012 г.,

именно Китай, Индия и Пакистан являются самыми крупными в мире импортерами оружия. Индия возглавила список крупнейших в мире импортеров оружия за период с 2007 по 2011 гг. – ее доля в общем объеме составила 10%. Следом за ней следуют Южная Корея (6%), Пакистан и Китай (по 5%), Сингапур (4%). Если в 2002–2006 гг. Китай в списке СИПРИ назывался крупнейшим получателем оружия, то в списке за 2007–2011 гг. стране было отдано четвертое место среди экспортёров¹⁹.

¹ <http://www.vz.ru/news/2011/12/4/543894.html>

² От Гвадара до Къякулью // Ъ-Власть, № 7 (961), 20.02.2012, с. 35.

³ Подробнее см.: Лебедева Н.Б. Большой Индийский океан и китайская «Нить жемчуга» // Азия и Африка сегодня, 2011, № 9.

⁴ The News, 25.08.2004.

⁵ The News, 25.08.2004.

⁶ <http://centrasia.ru/news/2006/10/10>

⁷ Business & Finance Review, 24.01.2005.

⁸ Там же.

⁹ Подробнее см.: Арунова М.Р. Ирано-пакистанские отношения на современном этапе. – <http://iimes.ru/rus/stat/2008/09-04>

¹⁰ Газопровод Иран-Пакистан будет достроен любой ценой? –

<http://novostenergetiki/wp-contnt/uploads/2012/03/iran-pak.jpg>

¹¹ Пакистан объявил тедер на газопровод в Иран. –

<http://world.lb/ua/news/2012/04/27>

¹² Газопровод ТАПИ еще менее реалистичен, чем Nabucco // Deutsche Welle – World, 17.12.2010. –

<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6351212,00.html>

¹³ Газовые приоритеты Бердымухamedова Китай, Иран, Индия, Пакистан, Афганистан, Россия, ЕС // ИА REGNUM Новости, 01.10.2010. –

<http://www.regnum.ru/news/1331447.html>

¹⁴ Эксперт: газопровод ТАПИ придаст официальный характер военному присутствию Запада в Афганистане. –

<http://www.regnum.ru/news/1357870.html>, 17.12.2010.

¹⁵ Pakisan Observer, 09.10.2010.

¹⁶ The Nation, 1.10.2010.

¹⁷ Цит. по: Волхонский Б. Госдеп США нашел новых друзей в Пакистане. – <http://rus.ruvr.ru/world/2012-16-01>

¹⁸ Вертлиб Е. Геостратегия Китая и Россия. –

<http://www.regnum.ru/news/1509859html>, 15.03.2012.

¹⁹ <http://lenta.ru/news/2012/03/19/sipri>

У.В. Окимбеков

ПРОБЛЕМЫ ТРАНЗИТА И СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ В АФГАНО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Некоторые исследователи еще в начале XX в., изучая пути сообщения Афганистана, в большинстве случаев подходили к рассматриваемому вопросу именно с позиции значения этих путей для выхода на рынки других стран. Так, анализируя возможные варианты использования афганских и трансафганских путей сообщения, А.Е. Снесарев, в частности, отмечал, что «здесь, в изложении возможны два угла зрения: или рассматривать эти пути через Афганистан только как часть путей для дальнейшего продвижения к Индии, или рассматривать их по отношению только к самому Афганистану. У исследователей вы чаще найдете первый угол зрения»¹.

Такой подход к анализу вопроса говорит о значимости стратегического и географического положения Афганистана как «сердца Азии» в системе geopolитики и геоэкономики регионов Центральной и Южной Азии, а не экономики самой страны, как источника ресурсов и капитала для развития торгово-экономических отношений.

Современные афганские исследователи в нынешних условиях, когда у государства появилась надежда на экономическое процветание, при анализе перспектив развития национальной автотранспортной системы также делают акцент на стратегическом значении своей страны в качестве потенциального международного транспортного коридора, способного при прочих равных условиях не только значительно облегчить грузопоток между странами, регионами и континентами, но и принести самому Афганистану наряду с очевидной экономической выгодой определенные политические дивиденды.

В последние годы афганские авторы (исследователи и официальные лица) часто пишут и говорят о реальных возможностях превращения страны в транзитный транспортный

коридор между странами Центральной и Южной Азии, предлагаая различные проекты строительства трансафганских авто- и железных дорог.

В силу своего географического положения, а также экономической отсталости Афганистан находился в экономической зависимости от соседних стран, особенно Пакистана, через территорию которого традиционно проходила подавляющая часть транзитной торговли и больше половины внешнеторгового оборота. Товарооборот между соседними странами даже в самые трудные для них годы был высок, особенно в последнее десятилетие XX века, когда Афганистан был охвачен гражданской войной. У этих двух стран есть огромный потенциал для взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, однако нестабильная военная обстановка и непостоянство политических отношений часто становятся преградой на пути развития двусторонних хозяйственных связей. Пакистан традиционно играл не последнюю роль во внешней торговле Афганистана, так как основная масса афганских экспортно-импортных операций приходилась на долю этой соседней страны. Так, в 2002 г. доля Пакистана в совокупном объеме афганского экспорта составила 38%, а импорта – 9,3%². К 2007 г. эти цифры выросли соответственно до 66,3% и 14%³.

Говоря о товарообороте между этими странами, отметим, что официальные данные пакистанской статистики сильно отличаются от афганской. Это затрудняет попытки оценить тенденции развития торговых отношений между ними. Так, согласно данным пакистанской стороны, начиная с 2001 г. объемы товарооборота с Афганистаном ежегодно росли высокими темпами и к 2008 г. составили 1491 млн. долл., что в 7,7 раза больше, чем в 2001 г. Из этого объема, в частности 1305 млн., или 87% составлял пакистанский экспорт. В последующие два года, по тем же данным, товарооборот достиг 1711 и 2508,7 млн. долл. соответственно, а доля пакистанского экспорта осталась столь же высокой⁴.

Данные афганской статистики говорят об обратном, точнее о снижении как доли пакистанского импорта в общем товарообороте, так и замедлении темпов роста самого афгано-пакистанского внешнеторгового оборота (см. табл. 1). Согласно этим данным, события, произошедшие в последние годы в Афганистане, привели к определенным изменениям в торгово-экономических отношениях с Пакистаном, которые и в даль-

нейшем будут напрямую зависеть от складывающейся политической обстановки. Здесь речь идет о товарообороте между двумя странами. Одним из главных положительных моментов для Афганистана можно считать то, что Пакистан за последние годы начал терять свои позиции во внешней торговле страны, точнее, он уступил свое доминирующее положение другим соседним странам. Если в статистике афганского экспорта Пакистан все еще находится на первом месте, то среди импортеров теряет свои позиции⁵. Афганистану подобные тенденции приносят определенные политические и экономические выгоды, так как Пакистан не только в прошлом, но и сейчас порой продолжает создавать торговые барьеры афганским бизнесменам, занимающимся внешнеторговыми операциями.

Таблица

**Динамика объема импорта по странам
(включая реэкспорт)**

	2008		2009		2010	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Узбекистан	501	16,6	876	26,2	1088	21,1
Китай	430	14,2	360	10,8	704	13,6
Пакистан	489	16,1	307	9,2	598	11,6
Япония	368	12,2	337	10,1	494	9,6
Германия	65	2,1	145	4,3	422	8,2
Иран	200	6,6	177	5,3	386	7,5
Казахстан	165	5,5	291	8,7	208	4,0
Россия	98	3,2	198	5,9	181	3,5
Таджикистан	40	1,3	69	2,0	98	1,9
Всего	3020	100	3336	100	5154	100

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2010–11. С. 212.

Кроме того, официальные афганские статистические данные показывают, что товарооборот Афганистана с государствами ЦА также находится в фазе своего активного развития. Эти страны занимают доминирующее положение в системе афганского импорта. Так, по состоянию на 2008 г. совокупный объем зарегистрированного импорта из республик ЦА и РФ со-

ставил 885 млн. долл., или 29% от общего объема. К 2010 г. этот показатель вырос в два раза и достиг 1692 млн. долл., что составляет 33% от общего⁶. Так или иначе, открытие транспортного сообщения со странами ЦА позволило Афганистану увеличить объем товарооборота с другими странами, одновременно снизив в определенной степени зависимость от пакистанского транзита.

О важности узбекской транзитной зоны для афганской стороны говорит то, что спрос Афганистана на нефтепродукты измеряется в 10 тыс. т. в день, или 3,4 млн. т. в год, и из этого объема порядка 80–85% поставляется через узбекский порт Хайратон. При этом дизельное топливо составляет около 80% афганского импорта⁷.

Соседние страны, включая Пакистан, для достижения собственных экономических интересов продолжают оказывать давление на Афганистан. Известно, что эти страны в отличие от Афганистана обладают промышленным потенциалом и производят товары, рассчитанные на экспорт в страны региона, в частности на афганский рынок. Обострение борьбы за новые рынки сбыта, за усиление своего экономического влияния на региональных рынках, в данном случае – на афганском, заставляет эти страны использовать все ресурсы, чтобы принудить афганскую сторону покупать именно их товары. Об этом свидетельствует заявление афганских официальных лиц, сделанное в марте 2011 г. В нем звучит обвинение в адрес своих соседей, в частности Ирана, Пакистана и Узбекистана, которые «осложняют условия транзита афганских товаров через свои территории... и не позволяют афганским предпринимателям ввозить через их территорию относительно недорогую, но качественную продукцию третьих стран». По данным афганской Торгово-промышленной палаты, только в порту Карачи в начале 2011 г. намеренно были заблокированы около 6 тыс. контейнеров с товарами афганских бизнесменов⁸. Пакистанское руководство подобными мерами, по мнению афганской стороны, пытается заставить закупать товары пакистанского производства, а не других стран. Для урегулирования вопросов транзита афганских товаров через Пакистан в 2011 г. между странами было подписано новое соглашение⁹.

Вторым моментом в афгано-пакистанских отношениях является развитие торгово-экономических связей Пакистана со странами ЦА транзитом через Афганистан. Усилия мирового

сообщества в деле восстановления и развития афганской национальной экономики в постталибский период, особенно реконструкция инфраструктурных отраслей, внесли некоторые корректизы в социально-экономическую жизнь Афганистана, а также в его отношения с другими странами. С одной стороны, Афганистан в определенной степени восстановил главные автомобильные дороги, примыкающие к границам соседних стран, приспособил их к движению для грузового автотранспорта. С другой, сами соседи, заинтересованные в экспорте (реэкспорте) товаров на афганский рынок или в третьи страны, развивали свои национальные авто- и железные дороги. В результате у Афганистана появилась возможность диверсифицировать транзитные маршруты.

Пакистан, используя афганские автодороги, поставляет небольшой объем товаров на рынки стран ЦА. Пакистанская сторона весьма заинтересована в многократном увеличении объема товарооборота в данном направлении, а кратчайший путь к этим странам лежит через Афганистан. Именно с таким расчетом был сооружен пакистанский порт Гвадар. Об этом свидетельствуют слова бывшего премьер-министра Пакистана Шауката Азиза, который во время своего визита в Казахстан в 2007 г. при обсуждении потенциала и перспектив пакистано-казахстанских торгово-экономических отношений назвал Пакистан «коридором торговли и коммерции для центральноазиатских государств к Аравийскому морю и всему миру», а его основными воротами – порт Гвадар¹⁰.

Для наглядности отметим, что объем внешнеторгового оборота между Пакистаном и странами региона ежегодно растет, но все же он остается незначительным. Если взять внешнюю торговлю того же Казахстана, то в 2000 г. товарооборот с Пакистаном составил всего нескольких млн. долларов (3,5 млн. долл.)¹¹. С 2007 по 2008 гг. он вырос на 34% (с 25,5 млн. долл. до 34,17 млн.)¹². С 2009 г. наблюдался дальнейший рост – 37,97 млн. (22,59 млн. – экспорт, 15,38 млн. – импорт), в 2010 г. – 32,4 млн. (16 млн. и 16,4 млн. соответственно), а за шесть месяцев 2011 г. товарооборот вырос на 30% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г., составив 19,9 млн. долл.¹³.

Между Таджикистаном и Пакистаном данный показатель ниже, хотя тоже ежегодно растет. Так, в 2010 г. он составил 21,6 млн. долл., что в три раза больше предыдущего года¹⁴. С Узбекистаном за последние два года товарооборот сократился

почти в два раза: с 40,1 млн. в 2010 г. до 23,1 млн. долл. – в 2011 г.¹⁵ Данные цифры свидетельствуют о том, что Пакистан для максимализации объемов внешнеторгового оборота со странами Центральной Азии нуждается в стабильном и экономически развитом Афганистане с достаточно развитой транспортной инфраструктурой.

Транзитная торговля через Афганистан в случае благоприятного развития политической обстановки в стране и усовершенствования магистральных автодорог в будущем действительно может принести выгоду всем участникам. Еще в 1969 г., когда СССР начал поставлять свои товары из республик ЦА в Пакистан и Индию, подсчеты советских специалистов показали, что «доставка одной тонны текстильного оборудования из Ташкента до Карачи морем через Одессу» обходилась на 23,5% дороже (82,1 руб.), чем перевозка через территорию Афганистана (62,8 руб.).¹⁶ Объем внешней торговли Афганистана со странами региона ежегодно растет.

Тогдашний пакистанский премьер-министр Юсуф Реза Гилани в марте 2011 г. по поводу развития торгово-экономических отношений посредством афганского транзитного коридора заявил, что «Узбекистан, являющийся шестым крупнейшим производителем и вторым по величине экспортером хлопка, делясь своими знаниями и технологиями, может поставлять качественный хлопок для текстильного сектора Пакистана. Наша страна готова покупать избыточное электричество у стран Центральной Азии, а также рассмотреть возможности сотрудничества в сфере нефтегазового сектора. В целях развития торговых связей стран Центральной Азии со странами Ближнего Востока и Африки, мы предлагаем заключить трехстороннее соглашение между Афганистаном, Узбекистаном и Пакистаном по использованию возможностей морских портов Гвадар и Карачи»¹⁷.

Глава узбекского правительства со своей стороны подчеркнул, что «Узбекистан построил железную дорогу в Афганистан, которая может быть продолжена до порта Гвадар в Пакистане»¹⁸. (Сальдо платежного баланса Пакистана со странами ЦА в большинстве случаев остается отрицательным).

Третий вопрос, который является самым обсуждаемым в регионе и непосредственно касается Афганистана и Пакистана, – это подача дешевой гидроэлектроэнергии из Центральной Азии в Пакистан путем строительства высоковольтных ЛЭП через Афганистан. Многие эксперты, изучив вопросы поставки

гидроэлектроэнергии в Афганистан и Пакистан из Центральной Азии и сопоставив стоимость импорта с ценой электричества местного производства, определили, что этим странам выгоднее импортировать гидроэлектроэнергию. Одно из подобных исследований было проведено Всемирным Банком, согласно которому строительство крупных гидроэнергетических объектов в Таджикистане и Кыргызстане дает возможность поставлять электроэнергию в Афганистан и Пакистан по цене, ниже средней стоимости генерируемой в этих странах¹⁹.

Афганистан уже подписал ряд соглашений о поставках со всеми странами-экспортерами электроэнергии в регионе и сотрудничает в рамках реализации перспективных трансафганских энергетических проектов по строительству ЛЭП из стран ЦА в Пакистан и другие государства Южной Азии.

Страны, считающиеся потенциальными экспортерами дешевой электроэнергии, со своей стороны, стараются ориентировать свое производство на внешний рынок. Например, Таджикистан в области развития национальной гидроэнергетики рассчитывает не только на один афганский рынок. Планы республики уходят далеко за рамки этой страны. У нее есть намерения в будущем экспортствовать электричество в Пакистан, Индию, Китай и другие страны²⁰. При этом, конечно, Афганистан будет играть одну из ключевых ролей и судьба этих проектов будет зависеть от дальнейшего развития политической обстановки в этой стране. Пакистан больше всех заинтересован в строительстве трансафганских ЛЭП для получения доступа к энергетическим источникам Таджикистана и Кыргызстана. Сам пакистанский лидер президент А. Зардари во время визита Э. Рахмона в Пакистан в марте 2011 г. среди прочих приоритетных направлений двухстороннего экономического сотрудничества назвал область гидроэнергетики, а именно строительство гидроэлектростанций в Таджикистане и импорт электроэнергии²¹.

Таджикистан, Афганистан и Пакистан при всесторонней поддержке извне, включая различные международные финансовые институты, рассматривают разные проекты трехстороннего энергетического сотрудничества, самым крупным среди которых считается проект подачи электроэнергии из ЦА в ЮА или проект под названием «Региональный электроэнергетический рынок Центральной и Южной Азии». Потенциальными спонсорами проекта намериваются выступить Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития, Международная

финансовая корпорация, Исламский банк развития и Всемирный банк²². Самым важным компонентом этого проекта является энергетический проект CASA-1000 (Central Asia-South Asia).

Цель CASA-1000 – экспорт электроэнергии в летний период из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и Пакистан, мощностью в 1300 МВт и с последующим увеличением объемов поставок до 5000 МВт. Из указанного объема Афганистан получит 300, Пакистан 1000 МВт. Технико-экономическое обоснование проекта было осуществлено при поддержке ВБ с привлечением канадской компании «SNC-Lavalin» в качестве консультанта. В общих чертах проект выглядит так:

- Строительство 500кВ-й линии переменного тока из Датки в Худжанд (477 км) для передачи излишка электроэнергии из Кыргызской Республики в Таджикистан, для дальнейшей передачи этой электроэнергии до Сангтуды по внутренним сетям Таджикистана;
- Строительство 220кВ-й одноцепной линии переменного тока (протяженностью около 80 км) в Таджикистане от подстанции Нурек до подстанции Сангтуда;
- Строительство 1300МВт-й конверторной станции на Сангтуде, преобразующей переменный ток в постоянный;
- Строительство высоковольтной линии постоянного тока протяженностью 750 км из Сангтуды в Пешавар через перевал Саланг и Кабул;
- Строительство 300МВт-й конверторной станции в Кабуле для преобразования постоянного тока в переменный;
- Строительство 1300МВт-й конверторной станции в Пешаваре для преобразования постоянного тока в переменный.

Протяженность высоковольтной линии постоянного тока составляет 117 км по территории Таджикистана, 562 км по территории Афганистана и 71 км – по территории Пакистана²³.

Среди самих стран ЦА противником этого проекта выступает Узбекистан, который в качестве доказательства его бесперспективности указал на нестабильную обстановку в Афганистане и непредсказуемость развития дальнейших политических событий. Однако когда в марте 2010 г. сам официальный Ташкент предложил Пакистану проект поставки узбекской электроэнергии через Афганистан, об афганской проблеме безопасности почему-то не вспомнили. Узбекистан для реализации проекта планирует при помощи АБР проложить линии электропередачи из Кабула в Пешавар²⁴.

Пакистан, естественно, готов работать со всеми странами ЦА, ведь объем дефицита электроэнергии в этой стране, по некоторым данным, составляет 6000 МВт, сжиженного природного газа – 17–28 млн. кубометров (600–1000 млн. кубических футов)²⁵. Во время визита премьер-министра Пакистана в Узбекистан в марте 2011 г. стороны обсудили вопрос экспорта 800 МВт узбекской электроэнергии по доступным ценам в Пакистан. После строительства ЛЭП-500 объемы планируют увеличить до 1000 МВт. Пакистан изучает технические стороны реализации проекта²⁶. Этот проект, как и всякий другой, не лишен определенных недостатков. Главным препятствием является нестабильность обстановки в Афганистане. Хотя авторы проекта и страны-участницы настроены оптимистично, все же до тех пор, пока политическая ситуация в этой стране не нормализуется, будет трудно говорить о его реализации, стабильной и эффективной работе.

Другим трансафганским энергетическим проектом с участием Пакистана и Афганистана является газопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ). Основным и единственным препятствием на пути реализации проекта также можно назвать военно-политическую обстановку в Афганистане, не позволяющую инвесторам приступить к началу строительных работ. Поскольку маршрут газопровода проходит по территории Афганистана, особенно по неспокойной южной части страны, то трудно дать гарантию на его стабильную работу. События последних лет показывают, что присутствие иностранного воинского контингента не может должным образом оказывать влияние на политическую ситуацию в стране. Если при строительстве мелких транспортных или ирригационных объектов в таких относительно спокойных провинциях, как Балх, Герат, Нимруд, Фарах, не говоря уж о Гильменде и Кандагаре, подрядные компании сталкиваются с проблемами, связанными с безопасностью, то как можно в подобных условиях говорить о реализации такого проекта регионального масштаба, как газопровод ТАПИ?

Последней и более сложной проблемой, которая в будущем может стать все более актуальной в афгано-пакистанских отношениях, является вопрос совместного использования водных ресурсов бассейна р. Кабул. Афганистан и Пакистан имеют несколько рек, воды которых протекают через границу, но самой крупной среди них считается Кабул, воды которой достаточно эффективно используются обеими странами.

Относительно бассейна р. Кабул необходимо отметить то, что сама река проходит на территориях более 10 афганских провинций, а по имеющимся данным, площадь бассейна охватывает примерно 12% территории страны и на ее долю приходится «около 26% общего годового стока Афганистана. Речной бассейн питает свыше 300 тыс. га интенсивно орошаемых площадей и высоко ценных сельхозкультур, включая свыше 50 тыс. га в Пакистане, до слияния с рекой Инд»²⁷.

Соседний Пакистан в последние десятилетия, в годы внутреннего конфликта в Афганистане, заметно увеличил объем забора воды из реки на нужды сельского хозяйства и других секторов национальной экономики. И поскольку сток реки со стороны Афганистана не контролировался, Пакистан имел возможность по своему усмотрению удовлетворять нужды экономики своих регионов за счет количества воды, поступавшей из Афганистана. Пакистан так же, как Иран и Туркменистан, «не обеспечивает никакой финансовой поддержки для сооружений, регулирующих стоки воды, или управления рекой на территории Афганистана», а ведь на афганской территории бассейну «нужны дополнительные дамбы и сооружения, регулирующие сток воды, для улучшения притока воды, водоснабжения и управления водой»²⁸.

Афганистан в долгосрочном плане может разработать много гидроэнергетических проектов на реке Кабул, способных оказать существенное влияние на расход стока и, следовательно, привести к сокращению его количества на пакистанской территории. Пакистан в связи с этим внимательно наблюдает за действиями афганских властей, особенно в области разработки и реализации планов по сооружению оросительных объектов в районе бассейна реки Кабул.

Пакистан, в частности, негативно отреагировал на информацию о том, что афганское правительство при финансовой помощи Всемирного банка и участии строительных компаний Индии собирается построить 12 многофункциональных гидроэнергетических объектов в бассейне р. Кабул. Опасения Пакистана вызваны тем, что вследствие этого, по подсчетам пакистанских экспертов, страна может потерять 16–17% стока р. Кабул. Исламабад сразу поставил вопрос о необходимости проведения переговоров и заключения нового договора с Афганистаном о совместном использовании водных ресурсов. Однако каждый раз он получал отказ от афганской стороны,

поскольку в стране готовится проект национальной водной политики и до ее принятия Кабул не готов вести переговоры. Озабоченность Пакистана имеет под собой реальное основание. Подтверждением этого является тот факт, что за последние более пятидесяти лет количество воды на душу населения в стране сократилось на 78,4%, а в связи с новыми афганскими проектами в области ирригации обстановка может еще больше обостриться²⁹.

По данным пакистанских источников, ежегодно из р. Кабул в страну поступает 20969 млн. куб. м (17 млн. акр-футов) воды. Вдоль бассейна реки, повторим, расположено 300 тыс. га орошаемых земель, в частности 50 тыс. га на территории Пакистана, которые интенсивно обрабатываются. Это значит, что пакистанские районы сильно зависят от поступления воды из р. Кабул, и Исламабад опасается, что строительство этих объектов создаст новые проблемы. О степени озабоченности пакистанской стороны говорит и то, что Исламабад специально создал новое ведомство – Трансграничную водную организацию Пакистана (Pakistan Transborder Water Organization), в функции которой входит решение вопросов, связанных со строительством ирригационных сооружений на территории стран, расположенных в верхней части бассейна³⁰.

С другой стороны, несмотря на то, что Афганистан на самом деле нуждается в сооружении указанных объектов в целях развития сельского хозяйства, производства электроэнергии, а также управления стоком вод рек бассейна, пакистанские источники рассматривают участие Индии в проектах в качестве подрядчика, как один из способов ее борьбы и говорят об индийской «водной войне» против Пакистана³¹. О давлении со стороны Дели в афганском направлении Пакистан говорит по той причине, что Индия на своих внутренних реках намерена построить около 155 гидроэнергетических объектов³².

Пакистан – одно из тех государств, с которым у Афганистана по многим вопросам сложились напряженные отношения. Сами афганцы затяжной двусторонний конфликт связывают с деятельностью пакистанских спецслужб и уверены, что положительные изменения в этом направлении могут способствовать становлению мирной жизни на афганской земле. Местные афганские силовые структуры уверены, что соседние страны, в частности Пакистан, при помощи боевиков Движения «Талибан», проводят диверсионные акты на строящихся ирригационных объектах даже за пределами бассейна р. Кабул.

По мнению полевого командира, охраняющего строительную площадку плотины Сальма в провинции Герат, группировки талибов, заключившие сделку с силовыми службами соседних стран, а именно Ирана и Пакистана, совершают нападения на данный объект. Позиция Ирана относительно данной плотины известна, а что касается подозрений по поводу пакистанского следа, то причиной слухов считают факт присутствия индийской компании в качестве подрядной организации³³. Таким образом, обострение разногласий вокруг водного вопроса в будущем может отрицательно сказаться на развитии отношений между этими странами и по другим направлениям. Пакистан, хотя и понимает необходимость и важность восстановления и развития афганской национальной экономики, но собственная экономическая и экологическая безопасность для него намного важнее. Поэтому каждая из этих стран будет преследовать свои собственные цели и вряд ли пойдет на уступки друг другу.

Изложенный выше материал дает основание полагать, что относительная стабилизация политической обстановки в Афганистане позволила стране расширить географию и структуру внешней торговли. Развитие транспортных коммуникаций с соседними странами, во-первых, открыло новые внешние рынки, а во-вторых, дало возможность самой стране в какой-то мере превратиться в транзитную зону, участвовать в региональной торговле товарами и услугами. Все это, по данным афганской официальной статистики, в определенной степени ослабило позицию Пакистана как главного транзитного коридора. В то же время это повысило значимость самого Афганистана как транзитной зоны для транспортировки товаров и энергоресурсов. Несмотря на это, Афганистан по-прежнему будет весьма нуждаться в использовании пакистанских морских портов, а Пакистан в перспективе будет стремиться в разы увеличить объем трансафганской транзитной торговли. Такое положение дел, то есть взаимная экономическая заинтересованность, может побудить две страны смягчить свои позиции. Что касается проблемы совместного использования вод бассейна р. Кабул, то рост подушевого потребления воды в обеих странах вряд ли позволит в ближайшее время быстро прийти к единому мнению в решении данного вопроса. В целом у обеих стран имеется большой потенциал для взаимовыгодного сотрудничества, и скорее всего, в будущем экономические интересы будут преобладать над политическими амбициями.

-
- ¹ Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002. С. 184.
- ² Islamic State of Afghanistan: Rebuilding a Macroeconomic Framework for Reconstruction and Growth. IMF Country Report No. 03/299. International Monetary Fund Washington, D.C. September 2003. С. 28.
- ³ Afghanistan Statistical Yearbook 2009–10. С. 197.
- ⁴ Pak-Afghan Trade.
<http://www.pildat.org/publications%5Cpublication%5CFP%5CPak-AfghanTrade-DiscussionPaperDec2011.pdf>
- ⁵ Afghanistan Statistical Yearbook 2010–11. С. 211.
- ⁶ Afghanistan Statistical Yearbook 2010–11. Р. 212.
- ⁷ سکتور خصوصی افغانستان متعهد در راستای قیمت مناسب مواد اولیه در کشور است, 08.06.2010 (جزء 16 1389). www.acci.org.af
- ⁸ ТПП Афганистана обвиняет Пакистан, Иран и Узбекистан в экономической блокаде. 11.03.2011. <http://afghanistan.ru>
- ⁹ Жмуйда И.В. Новое соглашение об афганской транзитной торговле (CATT) и перспективы пакистано-афганского сотрудничества // Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011. С. 222–230.
- ¹⁰ Капитал (Казахстанский деловой еженедельник). № 45 (132), 22.11.2007 г. – www.kapital.kz
- ¹¹ Астана и Исламабад отложили подписание соглашения о взаимном поощрении инвестиций. – <http://panoramakz.com/archiv/2001/28.htm>
- ¹² Товарооборот Казахстана с Пакистаном за 2007–2008 гг. – www.kaznex.kz/napr/analytics/export/cr/pakistan_09.pdf
- ¹³ Торгово-промышленные палаты Казахстана и Пакистана заключили соглашение о сотрудничестве. 07.09.2011. <http://www.zakon.kz>
- ¹⁴ Таджикистан и Пакистан подтвердили приверженность в реализации проекта «CASA-1000», 28.02.2011. <http://tjknews.ru>
- ¹⁵ Президент направил поздравление главе Пакистана. 22.03.2012. <http://www.uzdaily.uz>
- ¹⁶ Развитие транзитных внешнеторговых перевозок в Афганистане // Вопросы экономического развития стран современного Востока. М., 1976. С. 117–118.
- ¹⁷ Премьер-министр Пакистана прибывает с официальным визитом в Узбекистан, 23.03.2011. www.regnum.ru
- ¹⁸ Узбекистан и Пакистан намерены в разы увеличить объемы двустороннего товарооборота, 8.03.2011. <http://www.12.uz>
- ¹⁹ Potential and Prospects for Regional Energy Trade in the South Asia Region. Energy Sector Management Assistance Program and the South Asia Regional Cooperation Program Formal Report 334/08. Washington, March 2008. Р. xxii.

-
- ²⁰ Таджикистан начал экспорт электроэнергии в Афганистан. 28.10.2011. www.chaspik.spb.ru
- ²¹ Эмомали Раҳмон посетил Пакистан с государственным визитом. 08.03.2011. <http://mir24.tv>
- ²² Подробно о проекте можно читать на сайте <http://casa-1000.com>
- ²³ Проект CASA-1000. Список часто задаваемых вопросов и ответов. Июнь 2011. www.energo.gov.kg
- ²⁴ Uzbekistan offering cheaper electricity, says Mandviwala. 20.03.2010. www.thenews.com.pk
- ²⁵ Pakistan seeks LNG from Uzbekistan. 26.04.2011. www.thenews.com.pk
- ²⁶ Афганистан будет строить АЭС: Талибы теперь будут угрожать Фукусимой. 25.05.2011. www.caocompro.com
- ²⁷ Афганистан и региональная интеграция. Межгосударственная координационная... С. 9–10.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Proposed dams on Kabul River: Pakistan to suffer drop in water supply. 02.11.2011. www.dawn.com
- ³⁰ Sharing water resources with Afghanistan. 14.11.2011 www.dawn.com
- ³¹ India to help Afghanistan build 12 dams on Kabul River. 12.05.2011. www.thenews.com.pk
- ³² Water wars: India planning 155 hydel projects on Pakistan's rivers. 15.11.2011. <http://tribune.com.pk>
- ³³ ۱۳۹۰ پندرہ تکمیل خواهد شد؟، سلماتا اواخر ۱۳۹۱ <http://tkg.af>

В.В. Шикин

ПОЛИТИКА ИНДИИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В последние годы отношения между Республикой Индия и Исламской Республикой Афганистан развиваются весьма динамично, причем инициатива в развитии двусторонних связей принадлежит Индии. Исторически сложилось так, что Афганистан на протяжении веков являлся частью единого цивилизационного пространства с Индией и поныне рассматривается в Дели как часть Южной Азии. Активизация внешней политики Индии на афганском направлении вызвана в первую очередь необходимостью обеспечения собственной безопасности и нейтрализации угроз, исходящих с территории Афганистана: международного терроризма, исламского экстремизма, торговли оружием и наркотиками.

В свете предстоящего вывода войск США/НАТО из Афганистана в конце 2014 г. вновь возросла опасность дестабилизации ситуации в стране, что непосредственно угрожает безопасности Индии, учитывая связи движения «Талибан» с террористическими организациями, действующими на территории Кашмира. Еще одной задачей, которую преследует индийское руководство в Афганистане, является стремление к укреплению регионального лидерства в Южной Азии. Касаясь этого, нельзя рассматривать индийско-афганские двусторонние отношения, не принимая во внимание военно-политическое противостояние с Пакистаном. Сближение с Афганистаном следует рассматривать как попытку ослабить позиции Исламабада в Южной Азии, обзавестись союзником в тылу Пакистана и не позволить ему концентрировать свои вооруженные силы исключительно на индийской границе. Более того, возросло значение экономических и гуманитарных факторов, что не было столь характерно для предыдущих лет. В последние годы более пристальное внимание уделяется технико-экономическому сотрудничеству, в том числе крупным инфраструктурным проектам на территории Афганистана.

Военно-политическая сфера

В 2011 г. политическое сотрудничество между Индией и Афганистаном вышло на качественно новый уровень. Стоит отметить, что Индия во многом обязана укреплению своих внешнеполитических позиций в Афганистане благоприятно сложившимся для нее внешнеполитическим обстоятельствам. Во-первых, вслед за ликвидацией Усамы бен Ладена в мае 2011 г. был подтвержден план вывода американских войск из Афганистана в 2014 г. Это обстоятельство, безусловно, повысило роль Индии в урегулировании афганского конфликта как сильнейшей региональной державы. Во-вторых, в очередной раз осложнились отношения Афганистана с Пакистаном после убийства Барханддина Рабанни в сентябре 2011 г., в организации которого Кабул обвинил Исламабад. Таким образом, афганское руководство в очередной раз утвердились в том, что пакистанские власти ведут двойную игру – официально поддерживают отношения с правительством Карзая, но в то же время не отказываются и от давних связей с талибами, а следовательно, Пакистан не подходит на роль надежного союзника после вывода американских войск из Афганистана и реальной поддержкой можно заручиться только от Дели. И, в-третьих, Пакистан не мог воспрепятствовать сближению Индии с Афганистаном, как он делал в предыдущие годы, потому что был ослаблен внутриполитическим кризисом и дипломатическим скандалом с США, последовавшим после убийства бен Ладена. Более того, Исламабад на время изолировал себя, отказавшись участвовать в важнейшей конференции по проблемам Афганистана в Бонне, и тем самым в какой-то мере уступил Индии место одной из ключевых региональных держав, с точки зрения значимости для урегулирования конфликта в Афганистане.

Наиболее важным событием для развития двусторонних отношений стал обмен визитами на высшем уровне: в мае 2011 г. М. Сингх посетил Кабул, а в октябре Х. Карзай прибыл в Дели с ответным визитом. Итогом этих двух встреч стало подписанное в Дели 5 октября Соглашение о стратегическом партнерстве между двумя странами. Согласно этому документу, был создан Совет по партнерству под руководством мини-

стров иностранных дел обеих стран. Совет состоит из нескольких совместных рабочих групп по различным отраслевым вопросам. Соглашение предусматривает проведение регулярных встреч на высшем уровне, отраслевых диалогов на различных уровнях, регулярных консультаций по вопросам мира и безопасности, а также более тесное сотрудничество и взаимодействие в рамках ООН и других международных и региональных форумов. Более того, в Соглашение вошло конкретное обязательство Индии предоставить помочь в «обучении, вооружении сил национальной безопасности Афганистана и составлении обучающих программ для их нужд»¹. Эта статья открыла возможности для развития тесного сотрудничества двух стран в военной сфере. Соглашение о стратегическом партнерстве стало в тот период первым международным договором такого уровня, заключенным Афганистаном с иностранным государством, на чем неоднократно акцентировали внимание официальные лица, подчеркивая возросшую значимость индийско-афганских отношений.

Соглашение о стратегическом партнерстве закрешило за Индией статус главного регионального партнера Афганистана. Такое развитие событий позволило ей участвовать в новом качестве в обсуждении проблем Афганистана на международных форумах. Индийская делегация во главе с министром иностранных дел С.М. Кришной приняла участие в открывшейся 2 ноября 2011 г. в Стамбуле международной конференции «Безопасность и сотрудничество в сердце Азии», посвященной урегулированию ситуации вокруг Афганистана. В Стамбульской конференции приняли участие делегации из США и 14 региональных держав, среди которых были представители Пакистана, Ирана, Индии, Китая, России, ОАЭ, Саудовской Аравии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Целью переговоров в Стамбуле было увеличение участия региональных игроков в послевоенном восстановлении Афганистана и укрепление мер доверия в регионе. Примечательно, что конференция «Сердце Азии» стала первой после объявления о плане вывода иностранных войск из Афганистана к 2014 г., где были представлены все основные игроки региона. Участие Индии в конференции стало успехом для дипломатии Дели, так как на первую встречу, посвященную тем же вопросам и также организованную при посредничестве Турции в 2010 г., представители Индии не были приглашены из-за возражений Пакистана,

которому явно отдавалось предпочтение как ключевому региональному партнеру Кабула в Южной Азии.

Повышенное внимание к себе индийская делегация привлекла и на конференции по вопросам Афганистана в Бонне в декабре 2011 г. В своей речи перед иностранными делегациями министр иностранных дел Индии С.М. Кришна заявил, что 10 лет – это слишком короткий срок для того, чтобы восстановить разоренный тридцатилетней войной Афганистан. Отметив, что слишкомспешный вывод иностранных воинских контингентов из Афганистана может негативно сказаться на внутриполитической ситуации в стране, так как Афганистан продолжает «сталкиваться с возможной угрозой безопасности со стороны террористических организаций, поддерживаемых из-за границы»², явно намекая на связи движения «Талибан» с Пакистаном, представители которого бойкотировали конференцию в Бонне. С.М. Кришна предостерег участников конференции от повторения ошибок прошлого, когда после вывода советских войск Афганистан был фактически брошен на произвол судьбы и превратился в оплот международного терроризма, и заявил, что уход иностранных войск не должен повлечь за собой снижение финансовых вложений в Афганистан, в которых после 2014 г. правительство этой страны будет нуждаться еще сильнее. Он призвал увеличить иностранную помощь Афганистану: «Необходимо нечто наподобие Плана Маршалла для Афганистана, в котором бы приняли участие все основные заинтересованные государства»³.

Таким образом, по итогам 2011 г. индо-афганские политические отношения вышли на качественно новый уровень. В настоящий момент Индия формально является единственным стратегическим партнером Афганистана. Новый повышенный статус отношений между двумя странами сделал голос Индии более весомым на крупных международных форумах, поставив ее в один ряд с ключевыми державами, определяющими процесс мирного урегулирования в Афганистане.

Экономическая сфера

Экономическое сотрудничество между Индией и Афганистаном можно разделить на три составляющие. Во-первых, это официальная помощь экономическому развитию, предоставляемая

Индией Афганистану как на двухсторонней основе, так и по международным каналам. Во-вторых, это торговля. И, в-третьих, наиболее динамичная и перспективная составляющая – это инвестиции государственных и частных индийских фирм в крупные инвестиционные проекты на территории Афганистана.

Финансовая помощь. С 2001 г. Индия является крупнейшим донором Афганистана в регионе. Последний пакет финансовой помощи в размере 500 млн. долл. был предоставлен Кабулу в мае 2011 г. Таким образом, к началу 2012 г. общий объем помощи, предоставленной индийской стороной, составил 2 млрд. долл. В настоящее время Индия является четвертым по величине спонсором Афганистана, уступая лишь таким развитым странам, как США, Германия и Япония. Индия предоставляет Афганистану помочь и по международным каналам. Так, она выделяет средства на проекты Программы развития ООН (UNDP) в Афганистане, которые направлены на строительство демократических институтов, системы местного самоуправления, повышение уровня жизни и борьбу с последствиями природных катастроф. Помимо сотрудничества в рамках ООН, Индия ежегодно выделяет финансовые средства Международному Банку, который руководит работой комитета по управлению Целевого фонда восстановления Афганистана (Afghan Reconstruction Trust Fund). Этот фонд был учрежден в 2002 г., средства на его функционирование выделяют около 30 стран, а его управление осуществляется Международным Банком, Исламским банком развития, Азиатским банком развития и ООН. В период с 2002 по 2009 гг. из данного фонда Афганистану было выделено около 3 млрд. долл., что поставило фонд в один ряд с крупнейшими государствами-донорами. Средства, выделяемые фондом, направляются на покрытие бюджетных расходов афганского правительства (выплата зарплат чиновникам и другим «бюджетникам») и на различные проекты развития. Тем не менее средства, выделяемые Индией Афганистану по международным каналам, незначительны и не идут ни в какое сравнение с объемами финансовой помощи, предоставляемой Кабулу на двухсторонней основе. Это объясняется тем, что в отличие от европейских стран, которые вносят наибольший вклад в предоставление помощи по международным каналам, Индия находится в непосредственной близости от Афганистана и в первую очередь преследует свои полити-

ческие и экономические интересы в регионе. Индийское руководство, напрямую оказывающее финансовую поддержку Кабулу, не упускает возможности извлекать при этом политические дивиденды. По этой причине такой формат оказания помощи, видимо, и в будущем останется предпочтительным для Индии.

Финансовые средства, выделяемые Индией Афганистану, преимущественно идут на инфраструктурные проекты, строительство дорог и телекоммуникаций, ирригационные проекты, развитие электроэнергетики и системы водоснабжения. Проекты, финансированием которых занимается индийская сторона, рассредоточены по территории всего Афганистана и охватывают большинство секторов экономики этой страны. В данной статье рассматриваются лишь наиболее крупные из них.

В 2009 г. была сдана в эксплуатацию построенная на индийские средства и индийскими специалистами дорога Зарандж-Деларам стоимостью в 150 млн. долл., ее протяженность составила 218 км. Дорога имеет стратегическое значение для Афганистана: она соединила г. Зарандж с шоссе Кандагар – Герат, обеспечив тем самым связь юго-западной части Афганистана с Ираном и возможность транзита афганских товаров через иранский морской порт Чабахар. В дальнейшем это может снизить зависимость Афганистана от Пакистана и создать стимулы для экономического развития юго-западных провинций Афганистана.

В области электроэнергетики крупнейшим индийским проектом стало строительство линии электропередачи Пули-Хумри – Кабул протяженностью 202 км. Линия была полностью введена в эксплуатацию в апреле 2009 г. В настоящее время именно по этой линии в Кабул поставляется электроэнергия из Узбекистана и Таджикистана, что помогает смягчить энергетический голод в афганской столице. Строительство ЛЭП Пули-Хумри – Кабул осуществлялось под руководством индийских инженеров. С инженерной точки зрения, проект представлялся довольно сложным для реализации, так как один из участков ЛЭП пересекает перевал Саланг на высоте около 4000 м.

Другим крупным проектом стало строительство индийцами электростанции Салма Дал и 143-километровой ЛЭП, соединяющей Чишти-Шариф и Герат. Кроме того, индийские специалисты занимаются ремонтом и возведением многочисленных электроподстанций местного значения, а также изучением пер-

спектр развития гидроэлектроэнергетики и солнечной энергетики в Афганистане.

В области телекоммуникаций к 2007 г. Индия завершила ремонт и модернизацию систем связи в 11 афганских провинциях и создала многофункциональные общественные телекоммуникационные центры в столицах 12 афганских провинций. Благодаря индийской помощи удалось расширить покрытие теле- и радиовещания в Афганистане. Теперь теле- и радиосигналы передаются через индийский спутник INSAT 3A.

Однако большая часть индийского финансирования в Афганистане идет на малые проекты развития (Small Development Projects) в области сельского хозяйства, образования, здравоохранения, профессиональной подготовки. Бюджет подобных проектов редко превышает 1 млн. долл. Как правило, подобные проекты реализуются местными подрядчиками на индийские деньги меньше чем за год. Официально задачи этих проектов формулируются следующим образом: «создать чувство партнерства и участия среди местных жителей, особенно в наиболее незащищенных приграничных районах южных и восточных провинций Афганистана, с целью содействия их развитию и создания ощущимых выгод для местных жителей»⁴. Действительно, подобный вид помощи является одним из самых эффективных, так как непосредственно отражается на уровне жизни простых людей. Зачастую подобные проекты подразумевают под собой строительство сельских больниц, школ, центров профессионально-технической подготовки, ветеринарных клиник, ирригационных каналов, пунктов водоснабжения и т.д. Иными словами, всего того, в чем нуждаются простые жители сельских районов. К началу 2010 г. в 19 афганских провинциях насчитывалось до 84 малых проектов развития на разных стадиях реализации⁵.

Торговля. Другой важной сферой экономического взаимодействия между Индией и Афганистаном является торговля. Традиционно в качестве главных торговых партнеров Афганистана выступали Пакистан, Китай и Иран. Индии удалось постеснить последних лишь недавно. Двусторонняя торговля между Индией и Афганистаном регулируется на основе Преференциального торгового соглашения 2003 г. Подписав это соглашение, стороны пошли на обоюдные уступки в области снижения импортных пошлин. Афганистан полностью отменил пошлины

на ввозимые из Индии чай, сахар, медикаменты и цемент. Индия в свою очередь сняла пошлины с афганских обработанных и необработанных изумрудов и рубинов, а также с орехов и снизила пошлины на 50% с некоторых видов ягод, свежих и сушеных фруктов, которые составляют значительную долю афганского экспорта в Индию. Активизации торговли между двумя странами также способствовало принятие Афганистана в СААРК в 2005 г., предложенное Индией, и ратификация афганским правительством в 2009 г. САФТА. Благодаря этому уровень тарифных ограничений в Афганистане заметно снизился, что увеличило приток индийских товаров на афганский рынок.

Несмотря на успешную динамику роста товарооборота между двумя государствами, на пути дальнейшего развития торговых отношений существует ряд препятствий. Де-факто Индия и Афганистан не имеют общей границы, а на транзит индийских товаров через территорию Пакистана оказывают негативное влияние напряженные отношения между двумя странами. В 2010 г. при заключении нового договора о транзитной торговле между Афганистаном и Пакистаном «было достигнуто соглашение о том, что Индии не будет позволяться экспорттировать свои товары через Вагах. Однако у Афганистана остается возможность ввозить свои товары в Индию»⁶. Таким образом, сухопутные маршруты транзита через Пакистан остаются закрытыми для Индии. Хотя Афганистан и обладает правом транзита своих товаров в Индию через пакистанскую территорию, условия транзита ужесточились: после заключения руководством Афганистана торговых соглашений с Индией и Ираном «пакистанские железные дороги вдвое подняли транспортные тарифы для перевозки афганских товаров»⁷. Поэтому значительная доля транзитных перевозок из Индии в Афганистан проходит через территорию Ирана и иранский морской порт Чабахар. Кроме того, развивая транспортную инфраструктуру между Ираном и Афганистаном, Индия сыграла немалую роль в снижении зависимости не имеющего выхода к морю Афганистана от пакистанского морского порта Карачи, через который на внешние рынки поступала львиная доля афганского экспорта.

Инвестиции. Отличительной чертой экономического сотрудничества между двумя странами в последние годы стала возросшая заинтересованность не только государственных, но

и частных компаний Индии в инвестировании в Афганистан. В первую очередь индийские инвесторы заинтересованы в разработке богатых месторождений минеральных ресурсов в Афганистане. Крупнейшей сделкой в этой области стало приобретение индийским консорциумом прав на разработку месторождений железной руды в Хаджигаке (провинция Бамиан). Хаджигак является одним из крупнейших неосвоенных месторождений железной руды в Азии. По оценкам экспертов, известным на данный момент, предположительная стоимость залежей железной руды в Хаджигаке составляет примерно 1 трлн. долл. В сентябре 2011 г. индийский консорциум из 7 государственных и частных компаний, возглавляемый Steel Authority of India Ltd (SAIL), подал заявку на участие в тендере, объявленном афганским правительством, на разработку данного месторождения. За право работать в Хаджигаке также боролись горнодобывающие компании из США, Канады и Ирана. Проект разработки, предложенный индийским консорциумом, оказался наиболее привлекательным для афганской стороны, так как предусматривает создание всей необходимой инфраструктуры для добычи и обработки железной руды. Кроме того, индийский проект включает в себя строительство металлургического завода стоимостью 7,8 млрд. долл., электростанции и железной дороги стоимостью 1 млрд. долл., соединяющей Хаджигак с иранским портом Чабахар. В итоге в конце ноября 2011 г. было объявлено о решении передать индийцам права на разработку 3 из 4 выемочных полей в Хаджигаке.

В данной сделке примечательно сразу несколько моментов. Во-первых, впервые свою заинтересованность в столь крупном инвестиционном проекте в Афганистане проявили не только государственные, но и частные компании, хотя, безусловно, и те и другие заручились поддержкой государства. Во-вторых, удивляют масштабы сделки. По оценкам экспертов, лишь затраты на создание необходимой инфраструктуры могут превысить 6 млрд. долл., что в три раза больше, чем объем всей финансовой помощи, предоставленной Индией Афганистану в период с 2001 по 2011 гг. Хаджигак в настоящее время является крупнейшим инвестиционным проектом в сырьевом секторе Афганистана, до этого пальма первенства в этой области принадлежала месторождению меди в Айнаке, права на разработку которого в 2008 г. выкупила китайская государственная компания за 4 млрд. долл. В будущем, как заявил

С.М. Кришна на конференции в Бонне в декабре 2011 г., индийские компании готовы вложить в афганскую горнодобывающую промышленность, металлургическую отрасль и связанную с ними инфраструктуру до 10 млрд. долл. И, в-третьих, не исключено, что данная сделка свидетельствует о серьезных изменениях в подходе Индии к экономическим связям с Афганистаном. Если до сих пор приоритет отдавался безвозмездной финансовой помощи, то в будущем возможна большая коммерциализация экономических связей между двумя странами и привлечение частного бизнеса.

Гуманитарная сфера. Гуманитарные связи между Индией и Афганистаном охватывают следующие сферы: сотрудничество в области здравоохранения, образования, а также культурные обмены. Индия активно содействует Афганистану в борьбе с продовольственным кризисом поставками зерна и принимает участие в формировании продовольственного резерва Афганистана. Более того, ежедневно Индия снабжает 2 млн. афганских школьников бесплатными завтраками⁸. На территории Афганистана действуют пять крупных индийских медицинских центров, они расположены в Кабуле, Герате, Джалаабаде, Кандагаре и Мазари-Шарифе. Ежемесячно в этих центрах получают бесплатные консультации и медикаменты более 30 тыс. афганцев⁹. Индийские специалисты занимались реконструкцией Педиатрического института им. Индиры Ганди в Кабуле, который является крупнейшим детским медицинским учреждением в стране. Работающие там афганские врачи проходят обучение во Всеиндийском медицинском институте в Нью-Дели. В области образования с 2006 г. на Афганистан распространяется специальная стипендиальная программа, в рамках которой до 500 афганских студентов со всей страны ежегодно проходят стажировки в индийских университетах. Действуют и специальные программы подготовки для афганских чиновников, дипломатов, полицейских и журналистов. Что касается культурных связей, то их поощрением и развитием занимается созданный в 2008 г. Индийско-афганский фонд. Повышенное внимание Индии к развитию гуманитарных связей с Афганистаном получило высокую оценку у афганцев. Согласно данным социологических опросов, проведенных среди жителей Афганистана, «индийская помощь, наряду с немецкой и японской, была признана наиболее полезной».¹⁰ Это объясня-

ется тем, что значительная часть индийской помощи адресуется простым людям для удовлетворения их повседневных потребностей.

Таким образом, в настоящее время Афганистан остается одной из стран, имеющих существенное значение, для внешнеполитических интересов Индии. Сотрудничество между двумя странами охватывает все основные сферы деятельности и развивается весьма динамично. Индия продолжает играть весомую роль в восстановлении Афганистана после продолжительного военного конфликта, более того, за последние несколько лет ей удалось достичь впечатляющих результатов в этом направлении и вывести двусторонние отношения с Кабулом на принципиально новый качественный уровень.

¹ Agreement on Strategic Partnership between the Islamic Republic of Afghanistan and the Republic of India. 05.10.2011 // Доступ: <http://www.mea.gov.in/mystart.php?id=510218343&flg=1>

² Krishna pitches for a Marshall Plan-like initiative for Afghanistan, The Hindu, Bonn, December 6, 2011 // Доступ: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-international/article2690472.ece>

³ Address by EAM at International Afghanistan Conference in Bonn. Bonn, December 5, 2011, Ministry of External Affairs // Доступ: <http://www.mea.gov.in/mystart.php?id=100518681>

⁴ India and Afghanistan. A Development Partnership, External Publicity Division, Ministry of External Affairs. Delhi, 2009, c. 27.

⁵ См. там же, с. 10.

⁶ Afghanistan, Pakistan sign bilateral transit pact. Islamabad, July 19, 2010 // Доступ: <http://www.thehindu.com/news/international/article522255.ece>

⁷ Adam Pappas. Trade Promotion in Afghanistan: Role for Infrastructure and Institutions, Policy Options for State-building in Afghanistan, 2009, c. 8.

⁸ India and Afghanistan. A Development Partnership, External Publicity Division, Ministry of External Affairs. Delhi, 2009, c. 12.

⁹ См. там же, с. 14.

¹⁰ Atish Sinha, Madhup Mohta, Indian foreign policy: challenges and opportunities. Academic Foundation, New Delhi, 2007, c. 551.

В.В. Воробьев

ПОЛИТИКА ИСЛАМИЗАЦИИ В ПАКИСТАНЕ: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

С 1970-х гг. в Пакистане наблюдается увеличение политической роли ислама, что было вызвано целым комплексом причин: рост имущественного неравенства и обострение социальных противоречий, социально-экономические перемены, приводящие к однобокой модернизации и пауперизации населения, развитие многосторонних связей со странами Ближнего Востока, которые в тот момент были охвачены волной исламизма.

Еще во времена правления Зульфикара Али Бхутто в основу государственной идеологии была положена концепция «исламского социализма». В программных документах его партии отмечалось, что Пакистанская народная партия не намерена устанавливать в Пакистане социалистические порядки, партия выступает за создание политической системы, которая сочетала бы в себе элементы ислама и социализма. Как и предшествующие (1956 и 1962 гг.), Конституция 1973 г. содержала положение, в соответствии с которым Пакистан провозглашался Исламской Республикой. Статья 2 Конституции провозглашала ислам государственной религией Пакистана. На последнем этапе своего правления, в период политического кризиса весны 1977 г., З.А. Бхутто пошел и на другие уступки улемам: разрешил свободу действий религиозных организаций в учебных заведениях, объявил пятницу выходным днем, запретил азартные игры и употребление алкоголя.

Новый режим, пришедший на смену режиму З.А. Бхутто в июле 1977 г., пошел еще дальше в деле исламизации страны. Генерал М. Зия уль-Хак, который установил открытую диктатуру в стране, использовал ислам в качестве идеологической и легитимной основы существующей системы власти. Проводимая им политика исламизации охватывала все основные сферы общественной жизни¹.

В политической сфере были введены ограничения на демократические права и свободы. В целях восстановления «низам-е мустафа» (букв. «устройство по Пророку»), то есть истинно исламской системы государственного устройства, в декабре 1981 г. Зия уль-Хак особым декретом учредил Федеративный совет (Маджлис-и-шура) – совещательный, консультативный орган, назначаемый главой военного режима в результате консультаций с приближенными лицами (название использовалось в Конституции 1973 г. для обозначения федерального парламента).

Перемены затрагивали и сферу личной жизни людей. В целях приобщения общества к «подлинно» исламскому образу жизни и мыслей в стране вводился запрет на употребление алкогольных напитков и токсических веществ, на азартные игры, на порнографию, а также жесткие традиционные наказания (худуд) за нарушение этих запретов и совершение других преступлений в соответствии с законами шариата. Согласно шариатскому судебному законодательству, был принят указ о даче свидетельских показаний, который предполагал, что все обязательства, зафиксированные документально, могут быть засвидетельствованы двумя мужчинами или одним мужчиной и двумя женщинами².

Серьезной по своему значению была исламизация сферы образования и культуры. При Зия уль-Хаке тщательному пересмотру подверглись школьные учебники, программы обучения в колледжах и университетах. Они должны были соответствовать «идеологии Пакистана»³. Помимо учебных пособий, исламизации подлежало все, что могло быть исламизировано. В школах была введена чадра для девочек, обязательная для всех полуденная молитва, начиная с шестого класса обязательное обучение всех арабскому языку. Чтение Корана стало необходимым для получения свидетельства об окончании средней школы, грамотность была поставлена в зависимость от религиозных познаний. Знание теософии стало обязательным условием для назначения на должность преподавателя в любой области знаний, во всех предметах стали особо выделяться те стороны, которые хотя бы косвенно касались религиозных аспектов и, в частности, «исламских ценностей». Из библиотек стали исчезать книги на светские или сугубо научные темы, не связанные с религией⁴. Они уступали место религиозной литературе, прямо или косвенно связанной с введением в стране «исламской системы».

Происламские организации, союзники военного режима в деле идеологической обработки населения, активно занимались религиозной пропагандой через СМИ, которые, как правило, находились под их контролем. В целом радио, телевидение и газеты были нацелены на размывание «народного ислама», который господствовал в пакистанском обществе, и на пропаганду «истинного» ислама посредством соответствующей индоктринации населения. Люди, хоть как-то противившиеся этому, подвергались репрессиям.

Руководство направляло свои усилия не только на исламизацию общества, но и на идеологическую обработку вооруженных сил. «Профессиональный солдат в мусульманской армии, – заявлял М. Зия-уль-Хак, – выполняет задачи, которые ставит перед ним мусульманское государство, и он не может быть «профессиональным», если во всех своих действиях не выступает под знаменем Аллаха»⁵. Ислам был положен в основу обучения и воспитания военнослужащих. В армии были введены те же запреты и ограничения, предусмотренные шариатом, что и во всей стране.

С началом процесса исламизации объектами дискриминации стали как представители неисламских конфессий, так и приверженцы других направлений и школ в исламе. В начале 80-х сообщения о нападениях и убийствах на религиозной основе были настолько обычными, что о них далеко не всегда писала пресса.

В результате жесткого исламистского курса военного режима Пакистан превратился в «пороховую бочку». Представители различных религиозных общин оказались отчужденными и агрессивно настроенными друг против друга. На протяжении 1990-х гг. происходил рост межсектантских и межконфессиональных противоречий. Они охватили главным образом центральные провинции: Синд и Пенджаб. Так, шиитская «Сипах-е Мухаммад Пакистан» (Пакистанские воины пророка) и суннитская (деобандская) «Сипах-е сахаба Пакистан» (Пакистанские воины сподвижников пророка) организовывали массовые манифестации своих сторонников, осуществляли на взаимной основе нападения и террористические акты. На счету активистов двух этих организаций оказалось много убийств и покушений, совершенных в Карачи в разгар беспорядков, охвативших город. Столкновения между ними приобрели особый размах и остроту в западнопенджабском округе Джанг, где они имели и

социальную подоплеку: крупные землевладельцы принадлежали там главным образом к последователям шиитского течения в исламе, а крестьяне и бедный городской люд были суннитами⁶. Активное участие в разжигании межсектантских противоречий принимали также суннитская «Лашкар-е джанги» (Армия Джанги) и шиитская «Техрик-е джафрия Пакистан» (Движение джафарийского Пакистана). Раскрываемость преступлений на сектантской почве была наиболее низкой по сравнению с другими видами нарушения закона⁷.

Подъем исламизма происходил не только в центральных районах страны, но и на ее окраинах. Например, созданная еще в 1989 году в пограничной с Афганистаном области Малаканд организация «Техрик-е-нифаз-е-шариат-е-мохаммади» (ТНШМ, Движение за введение шариата пророка) прибегла к силе (захвату подступов к Хайберскому перевалу, местных аэродромов и т.д.), требуя введения шариата. В ноябре 1994 г. федеральное правительство пошло на уступки, объявив, что в Малаканде шариат становится главным судебным кодексом, но одновременно добилось прекращения насильтственных действий⁸.

Другим проявлением исламского фанатизма стало преследование, в том числе судебное, местных христиан. Особенно большой резонанс вызвало дело Саламата и Рехмата Масихов, обвиненных в богохульстве. Высший суд Лахора (Пенджаба) слушал его весной 1994 г. на основании принятого еще при Зия-уль-Хаке Закона о богохульстве (святотатстве). За оскорбление пророка и ислама суд приговорил их к смертной казни. В конце концов, дело было пересмотрено, но отменой приговора остались недовольны исламисты. Их громкое возмущение не позволило пересмотреть наиболее одиозные положения Закона о богохульстве⁹.

На фоне такого всплеска исламизма в среде военных возник заговор с целью захвата власти и провозглашения Пакистана суннитским исламским государством. Во главе группы заговорщиков стоял генерал-майор З.И. Аббаси. Конспираторы заручились поддержкой ряда младших офицеров и, получив оружие из зоны племен, готовились к выступлению 30 сентября 1995 г., в день командных учений. Заговор не имел широкой поддержки в офицерской среде и был раскрыт¹⁰.

В целом в 1990-х гг. активизировалась деятельность основных религиозных партий, которые стали выступать на политической арене страны с позиции силы. Требования объявить

верховенствующими законами шариата звучали в той или иной форме в выступлениях лидеров этих партий, их программных документах и очень часто находили поддержку в пакистанском обществе. Премьер-министр Наваз Шариф, который дважды возглавлял правительство Пакистана, предпринял попытку объявить свод шариатских положений верховным законом (в 1991 и 1998 гг.). Однако в обоих случаях в силу ряда обстоятельств, связанных с внутриполитическим раскладом сил, данные законопроекты не получили одобрения со стороны парламента страны.

Целый ряд косвенных признаков, таких как бесконечные дискуссии в печати о том, что делать с производителями и потребителями алкоголя, что должно считаться эталоном внешнего облика мусульманина (мусульманки), что может и чего никогда не должна делать женщина, как искоренить зло взимания банковского процента (рибы), свидетельствовал об общей тенденции усиления происламских фундаменталистских настроений в 1990-х гг.

* * *

К концу 1990-х гг. серьезную угрозу государству представлял радикальный, военизованный исламизм, который усиленно возвращался в предшествующие годы спецслужбами и фундаменталистскими партиями для борьбы с «неверными» в Кашмире и Афганистане. В сложившихся условиях военный режим Первеза Мушаррафа, который пришел к власти в результате военного переворота в октябре 1999 г., в основном отказался от прежней политики заигрывания с исламистами и развернул довольно активную борьбу против религиозных экстремистов.

Первым делом Исламабад заявил о невозможности использования ислама в политических целях. Были запрещены или взяты под контроль некоторые военизованные исламистские террористические организации, перекрыты пути их финансовых поступлений, арестованы активисты и члены этих организаций. Одновременно проводились чистки армии и ее разведывательных органов от решительно происламски настроенных элементов, которые представляли в то время значительную силу (по оценкам экспертов, примерно 30% комсостава). То же самое имело место и в среде научно-технического персонала, связанного с ракетно-ядерным потенциалом страны.

В марте 2001 г. в отставку были отправлены некоторые руководители и специалисты-ядерщики во главе с «отцом» пакистанской ядерной бомбы, руководителем ракетно-ядерного центра в Кахуте знаменитым А. Кадир Ханом. В дальнейшем последовали аресты нескольких крупных специалистов-ядерщиков и длительные допросы, касающиеся их связей с местными исламистами и талибами¹¹.

Несмотря на достаточно решительный настрой правящего режима в стремлении искоренить исламский радикализм в стране, под давлением общественности ему приходилось отказываться от некоторых серьезных преобразований. Так, в апреле 2000 года Перvez Мушарраф предпринял попытку внести изменения процессуально-правового характера в Закон о богохульстве, исправленный в сторону ужесточения в период правления М. Зия-уль-Хака и служивший удобным для мулл инструментом преследования в судебном порядке своих противников, в особенности представителей христианской общины и либерально мыслящих людей. Согласно предложенной властями поправке, судебное дело по обвинению в оскорблении пророка Мухаммеда или осквернении Корана могло быть возбуждено только после расследования, проведенного местными органами власти. Возможность незначительного изменения процедурного характера вызвала недовольство исламистов. Тысячи людей вышли на улицы Карачи и других городов, обещая защитить исламские законы. Финансовая и торговая столица Пакистана была похожа на осажденный исламистами город, в котором на несколько дней была остановлена нормальная жизнедеятельность. В этих условиях власти пошли на уступку: законопроект был отозван¹².

После терактов, совершенных исламистами из «Аль-Каиды» в США 11 сентября 2001 года, и нападения террористов на здание индийского парламента 13 декабря того же года 12 января 2002 года генерал-президент П. Мушарраф выступил с телевизионным обращением к нации, в котором огласил программу борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом. Были полностью запрещены пять радикальных исламистских группировок и партий: «Лашкар-е-таяба», «Джаиш-е-Мухаммад», «Сипах-е-Сахаба Пакистан», «Техрик-е-Джафрия Пакистан» и «Техрик Ниваз Шариат-е-Мухаммади»¹³. Лидеры этих организаций были арестованы, а некоторые из них были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Власти задержали

свыше двух тысяч активистов этих организаций и закрыли 600 принадлежавших им штаб-квартир. В начале 2002 г. был запрещен Объединенный совет джихада (коалиция 16 экстремистских организаций), ведущий борьбу главным образом в Кашмире. Было объявлено о взятии под государственный контроль нескольких тысяч школ-медресе с тем, чтобы из рассадника исламского экстремизма превратить их в обычные учебные заведения (естественно, с религиозным уклоном). Одновременно запрещалось их финансирование из зарубежных источников. Контроль был установлен и над мечетями, ни одна новая мечеть не могла быть открыта без разрешения властей. Такие правительственные меры были крайне непопулярны среди значительной части населения. В крупных городах Пакистана проходили массовые демонстрации протеста. Все это заставляло власти усиленно маневрировать и вести борьбу с экстремистами в довольно мягкой форме. Широкие аресты обычно заканчивались быстрым освобождением задержанных; судебные приговоры не отличались длительностью сроков тюремного заключения. Запрещенные организации возвращались на политическую арену под другими названиями. Чистка армии от исламски настроенных военнослужащих не сопровождалась репрессиями. Максимальным наказанием было увольнение в отставку. Так поступили с руководителем Объединенной военной разведки (ОВР; Inter-Service Intelligence, ISI) генералом Махмудом Ахмедом. Но в большинстве случаев применялись сложные перестановки внутри комсостава: понижение в должности, перевод в отдаленный район и даже перемещение на формально более высокий пост, но реально игравший менее значимую роль. Борясь с терроризмом, выступая против использования его в Кашмире, П. Мушарраф, чтобы избежать обвинений в предательстве «братьев», одновременно обещал продолжать политическую, моральную и дипломатическую поддержку кашмирцев. «Кашмир у нас в крови. Ни один пакистанец не может позволить себе разорвать связи с Кашмиром», – заявил президент в обращении к народу 12 января 2002 года¹⁴.

10 октября 2002 г. по всей стране прошли выборы в нижнюю палату парламента и законодательные собрания провинций. Основные происламские (фундаменталистские) партии, объединившиеся в единый блок – Муттакида Маджлис-и-Амал (ММА), – при значительной поддержке со стороны военных до-

бились серьезного электорального успеха. На федеральном уровне за ММА проголосовало порядка 11,1% избирателей, обеспечив ему 20% мест в Национальной ассамблее (3-е место после правительственнои ПМЛ(К) и ПНП). На региональном уровне блок исламистских партий завоевал большинство депутатских мандатов в законодательных собраниях Белуджистана (25%) и СЗПП (50%), возглавив правительства в этих провинциях. Электоральную базу ММА составляли главным образом пуштуны, которые были недовольны новой политикой правительства в отношении их «братьев по крови» – талибов в Афганистане¹⁵.

После отмены чрезвычайного положения осенью 2002 года исламский экстремизм по-прежнему представлял серьезную угрозу. В стране сохранялась сложная, напряженная обстановка противоборства военизированных террористических организаций, представляющих различные секты и направления в исламе. Активизировалась террористическая деятельность исламорадикалов: их объектом стало руководство страны. Именно в это время было совершено несколько терактов против президента и премьер-министра. В ответ на всплеск насилия и преступности пакистанское руководство усилило свою борьбу с экстремистами. Были ужесточены законы, направленные против террористов; сроки заключения за эти преступления были увеличены. «Убийство во имя чести», то есть расправа по традиционным правилам, стала приравниваться к уголовно наказуемым преступлениям. В 2006 году правительство решило отменить законы, введенные при М. Зия-уль-Хаке, касающиеся нарушения морали и нравственности, и жестокие меры наказания за это – отсечение конечностей за воровство, публичное побивание до смерти камнями за супружескую измену и т.д.

Подготовленный властями законопроект лишь частично отменял традиционные наказания, прежде всего в отношении женщин. Согласно законопроекту «О защите женщин», все нарушения сексуального порядка переводились из мусульманского правосудия в обычное гражданское, что полностью меняло разбирательство и ответственность за подобные нарушения. Так, количество свидетелей при рассмотрении дел, связанных с сексуальными преступлениями, стало определяться обычными процессуальными нормами; в ходе разбирательства предусматривалось использование методов современной медицины. Прежде жертва насилия должна была обеспечить явку четырех мужчин в качестве свидетелей преступления, в случае невы-

полнения этого требования сама пострадавшая могла быть обвинена в незаконной половой связи, за что, согласно шариатскому правосудию, ей грозила смертная казнь. Блок исламистских партий MMA принял законопроект в штыки и добился снятия его с голосования в парламенте и передачи на рассмотрение согласительной комиссии с участием исламских богословов. После переработки проект стал еще более конформистским, но и в таком виде он вызвал полное неприятие MMA. И в Национальном собрании, и в Сенате депутаты от MMA единодушно голосовали «против», а после принятия билля обеими палатами (15 и 23 ноября 2006 года, соответственно) покинули парламент и некоторое время бойкотировали его работу, призвав всех депутатов последовать их примеру. В стране проходили массовые демонстрации с участием значительного числа женщин, протестовавших против нарушения «традиционных исламских устоев», сделанных «под диктовку американцев».

На этом фоне итоги выборов в местные органы самоуправления в августе 2005 г. породили надежду у части либерально настроенных правящих кругов. Религиозные партии потерпели поражение. Правительственная ПМЛ(К) укрепила свои позиции, добившись весомого представительства. Таким образом, выборы продемонстрировали, что большинство граждан страны стоят на позициях умеренного ислама и поддерживают те политические силы, которые способны проводить конструктивный государственный курс внутри страны и за ее пределами на международной арене¹⁶.

Усиление борьбы с исламизмом при П. Мушаррафе не привело к его искоренению. В 2007 г. произошла резкая активизация экстремистских сил в стране. Так, все внимание общественности было приковано к событиям вокруг религиозно-учебного комплекса Лал Масджид («Красная мечеть») в Исламабаде. Радикально настроенное руководство мечети стало выдвигать требования о прекращении государственного контроля над мечетями и медресе, введении в стране шариата и т.п. Вскоре от слов они перешли к делу: учащиеся медресе захватывали заложников, нападали на видеомагазины, уничтожали кассеты и диски с работами индийских и западных кинематографистов и др. Бесконечные переговоры ни к чему не приводили, достигнутые соглашения сразу же нарушались. Конфликт затянулся на целое полугодие и завершился 10–11 июля кровавым штурмом комплекса (погибло свыше 100 человек)¹⁷.

Трагическим событием для страны стало убийство 27 декабря 2007 г. бывшего премьер-министра и лидера оппозиционной ПНП Б. Бхутто. Во время предвыборного митинга в г. Равалпинди террорист-смертник, подошедший к ней вплотную, открыл огонь, а затем привел в действие взрывное устройство. Убийство спровоцировало волну массовых акций протesta по всей стране, нередко сопровождавшихся насилием. Страна лишилась политического лидера, который, по мнению многих, был воплщением современного, демократического и светского Пакистана, активным борцом с религиозным фанатизмом, способным объединить разобщенную нацию. Для Пакистана наступило самое тяжелое время испытаний. Страна стала самой небезопасной в мире с точки зрения угрозы терроризма¹⁸. К тому моменту возникла реальная опасность фрагментации государства с установлением контроля радикальных исламистов над одной из его частей. Боевики, вдохновленные опытом талибов в Афганистане, утвердили суровые исламские порядки в племенном Вазиристане. При этом их влияние распространялось и на ряд районов СЗПП. Во многих его частях экстремисты закрывали видео- и аудиомагазины, интернет-кафе «как противоречащие исламу». Вводились запреты на бритье бороды, телевидение и музыку. Женщинам запрещалось выходить из дома. Все это были очевидные признаки «талибанизации» страны¹⁹.

В условиях ухода П. Мушаррафа с поста начальника штаба армии в ноябре 2007 г. и невмешательства (почти полного) в электоральный процесс со стороны военных 18 февраля 2008 г. в стране были проведены всеобщие выборы. Их результаты свидетельствовали об очередном электоральном неуспехе коалиции исламистских партий ММА. Фундаменталисты лишились не только своего весомого представительства в Национальной ассамблее (получили всего лишь 3 депутатских мандата), но и власти в СЗПП, где убедительную победу на выборах в местное законодательное собрание одержал блок этнорегиональных (национальных) и светских партий – Пакистанская Народная партия, а также Народная (Авами) национальная партия. Итоги выборов ознаменовали отстранение фундаменталистов от власти как на региональном, так и на национальном уровнях²⁰.

С избранием главы ПНП, мужа покойной Б. Бхутто, Асифа Али Зардари в качестве нового президента страны в сентябре

2008 г. угроза исламского экстремизма не исчезла. На северо-западе страны продолжались выступления проталибски настроенных пуштунских боевиков. 20 сентября произошел один из крупнейших террористических актов в истории Пакистана. Мощный взрыв в исламабадском отеле «Мариотт», осуществленный террористом-смертником, унес жизни более 50 человек, включая иностранных граждан, около 300 человек получили ранения²¹.

В условиях острой конфронтации с оппозицией новое гражданское правительство на первоначальном этапе было вынуждено ослабить борьбу с религиозным экстремизмом и пойти на уступки исламистам. В феврале 2009 г. правительство подписало соглашение о перемирии с боевиками, согласно которому оно фактически уступало контроль над долиной Сват к востоку от Зоны племен (находящейся всего в 150 км от Исламабада) Пакистанскому движению «Талибан», а на ее территории вводились в действие законы шариата. Однако уже в конце апреля – начале мая 2009 г. в ответ на нарушения талибами условий соглашения власти провели там крупномасштабную военную операцию регулярных частей пакистанской армии по зачистке территории от экстремистов²². Впервые операция завершилась успехом федеральной армии, а не подписанием мирных договоренностей с боевиками, встречными уступками и концессиями, что было характерно для периода правления генерала-президента П. Мушаррафа. Впоследствии правительство страны не раз проводило масштабные антитеррористические операции в приграничных с Афганистаном районах.

Конец 2010 г.– первая половина 2011 г. стали очередным периодом резкой активизации исламистов. Непосредственным толчком к наступательным действиям послужило стремление радикалов оградить и защитить от угрозы отмены или внесения изменений до сих пор действующий Закон о богохульстве, который фактически служил инструментом для судебных преследований и гонений на религиозные меньшинства. Так, в течение 2007–2010 гг. более 600 человек (в основном представители неисламских религий) были привлечены к ответственности по обвинениям в богохульстве²³.

В конце 2010 г. Закон оказался в центре внимания общественности в связи с резонансным судебным делом в отношении пакистанской христианки Асии Биби. В ноябре 2010 г. суд приговорил Биби, обвиняемую в оскорблении пророка Мухаммеда,

к смертной казни. Судебное решение вызвало осуждение общественности не только в стране, но и во всем мире. Губернатор Пенджаба Салман Тасир лично встретился с заключенной в тюрьме и заявил о том, что она заслуживает милосердия. Президент Асиф Али Зардари распорядился провести правительственную проверку. Правительственная комиссия признала приговор безосновательным и рекомендовала президенту помиловать Биби. Однако президент не объявил о помиловании приговоренной к смертной казни христианке. Также правительство не осмелилось и реформировать действующее уголовное законодательство, продемонстрировав свою слабость перед натиском религиозных фанатиков: 24 декабря и 31 декабря 2010 г. сразу в нескольких частях страны прошли массовые демонстрации протesta и забастовки-харталы против любых попыток властей внести изменения в Закон. Радикалы не стали ограничивать свою активность лишь массовыми антиправительственными выступлениями и перешли к более решительным действиям – устранению политических оппонентов.

4 января 2011 г. в Исламабаде своим личным охранником 26-летним Мумтазом Кадри был застрелен губернатор штата Пенджаб Салман Тасир, один из активных защитников Асии Биби. Поражал тот факт, что убийство было совершено обычным рядовым полицейским, при этом остальные телохранители не воспрепятствовали покушению. У значительной части общества убийца вызывал сочувствие: в ряде городов страны прошли демонстрации в его поддержку²⁴. Среди сочувствующих М. Кадри особо выделялась группа юристов из Лахора, борцов за демократию и свободу слова, которые были активными участниками антиправительственного либерального движения осени 2007 г. В октябре 2011 г. антитеррористический суд г.Равалпинди вынес в отношении преступника смертный приговор, что спровоцировало всплеск возмущения в обществе: сотни людей приняли участие в демонстрациях протesta по всей стране²⁵.

2 марта в Исламабаде произошло очередное громкое политическое убийство. На одной из столичных улиц был убит министр центрального правительства по делам меньшинств Шахбаз Бхатти, христианин по вероисповеданию. Ш. Бхатти, осмелившийся подвергнуть критике Закон о богохульстве, был одним из тех немногих политиков, которые осудили судебное решение в отношении А. Биби, признав ее невиновной. Ответ-

ственность за преступление взяли на себя Пакистанское движение «Талибан» и «Аль-Каида», призвавшие к расправе над «богохульниками». Хотя убийство Ш. Бхатти и вызвало осуждение со стороны правительственные чиновников и политических деятелей Пакистана, никто из них не высказался критически о зияульхаковском Законе, который послужил основанием для покушения на министра²⁶.

Печальной участи не избежал и старший сын покойного С. Тасира Шахбаз. 26 августа 2011 г. в г. Лахор по дороге в свой офис он был похищен неизвестными. Хотя никто и не взял ответственности за это преступление, полиция не исключает причастность к нему Аль-Каиды и Пакистанского движения «Талибан». Похищение Ш. Тасира стало вторым серьезным инцидентом за август после исчезновения американского гражданина Уоррена Вайнштейна, курировавшего один из крупнейших проектов экономической помощи Пакистану. В целом число такого рода преступлений в последнее время серьезно возросло, при этом многие связывают их с деятельностью экстремистских группировок и организаций²⁷.

Наверное, самым громким событием 2011 г. стала успешная операция морских пехотинцев США по ликвидации Усамы бен Ладена в пакистанском городе Абботабаде, где находилось его тайное убежище. Обнаружение американскими спецслужбами террориста № 1 в самом сердце страны, недалеко от столицы, было еще одним подтверждением подозрений и догадок о возможных связях и контактах высокопоставленных армейских офицеров с исламистами. Ответом экстремистов на убийство бен Ладена стали двойной взрыв на северо-западе страны, в г. Чарсадда, в результате которого погибло около 100 человек, и ряд других диверсионно-террористических актов по всей стране²⁸. 22 мая 2011 г. боевики атаковали базу ВМС Мехран в Карачи. Хорошо спланированная и организованная диверсионная вылазка в Карачи не вызывала сомнений в предательстве. Согласно распространенному мнению, кто-то из офицеров проинформировал нападавших о местоположении базы и ее внутренней структуре. В этой связи в очередной раз возросли опасения по поводу высокой вероятности попадания ядерного оружия в руки религиозных фанатиков. «Талибанизация» офицерства вновь стала широко обсуждаемой темой в СМИ. Масло в огонь подлило похищение и убийство корреспондента «Asia Times» Салмана Шахзада, известного журналиста,

занимавшегося расследованием действий военных и военной разведки. Многие восприняли его смерть как расправу Межведомственной разведки²⁹.

Все вышеизложенные события, внутриполитические тенденции и процессы свидетельствуют о том, что на современном этапе Пакистан сталкивается с большими трудностями. Укрепление государственности и потенциала страны давно стало острой задачей, стоящей перед правящими кругами страны. Эти круги сами неоднородны и борьба в верхах напрямую отражается на ситуации в сфере обуздания деятельности исламистов. Возможно, единственным выходом из сложившегося кризисного положения, как считает большинство экспертов-пакистановедов, является продолжение процесса укрепления демократических порядков в стране под руководством легитимного гражданского правительства.

* * *

С момента первых попыток политизации ислама в 1970-х гг. и активных усилий военного режима по построению подлинно исламского общества в 1980-х гг. влияние религиозного фактора на внутриполитическую ситуацию в стране нисколько не уменьшилось, а, наоборот, значительно возросло. По шкале приоритетности и актуальности (в понимании руководства Пакистана) в последнее десятилетие на передний план выдвинулась проблема религиозного экстремизма. Согласно распространенному мнению, основная угроза безопасности и целостности государства исходит не от его восточного соседа, как это было прежде, а от политических сил, действующих внутри страны. В ближайшей перспективе проблема исламского экстремизма, по-видимому, сохранит свою нынешнюю актуальность, при этом большое значение будет иметь ситуация в регионе, связанная с дальнейшим развитием обстановки в Афганистане в свете предполагаемого ухода из этой страны основных боевых частей сил США и НАТО.

¹ Кравченко В.В. Некоторые черты и особенности исламизации в Пакистане // Ислам на современном Востоке / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий и А.З. Егорин. – М.: ИВ РАН Крафт+, 2004, с. 166–168.

² Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2003, с. 117.

-
- ³ Jones O.B. Pakistan: Eye of the Storm.– New Delhi: Penguin books, 2002, с. 18.
- ⁴ Hussain Z. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto.– New Delhi: Penguin books, 2007, с. 19.
- ⁵ Cohen S.P. The Pakistani Army. – Berkeley: Oxford University Press, 1998. С. 86.
- ⁶ Ганковский Ю. Пакистан. Суннито-шиитские столкновения // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 1.- С. 35–37.
- ⁷ Ганковский Ю. Нестабильность становится перманентной // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 4. – С. 18–22.
- ⁸ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 384.
- ⁹ Белокреницкий В.Я. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Конфликты на Востоке: этнические и конфессио-нальные / Отв. ред. А.Д. Воскресенский. – М.: Аспект Пресс, 2008. С. 341.
- ¹⁰ Talbot I. Pakistan. A Modern History. – London: Palgrave Macmillan, 1999. С. 340–341.
- ¹¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 428.
- ¹² Hussain Z. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto. – New Delhi: Penguin books, 2007. С. 8.
- ¹³ Мелехина Н.В. Исламорадикализм и экстремизм в сепаратистском движении Кашмира // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, С.Н. Каменев, В.Н. Москаленко. – М.: Научная книга, 2004. С. 159.
- ¹⁴ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 430.
- ¹⁵ <http://www.storyofpakistan.com/articletext.asp?artid=A148&Pg=3>
- ¹⁶ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. С. 448.
- ¹⁷ Pazvi M. Musharraf: the Years in Power. – New Delhi: Harper Collins Publishers India. С. 87–91.
- ¹⁸ Hussain Z. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Z. Hussain. – New Delhi: Penguin books, 2007. С. 13–14.
- ¹⁹ Там же, с. 190–191.
- ²⁰ Замараева Н.А. Северо-западная пограничная провинция Пакистана – наступление на исламский экстремизм?. – http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html
- ²¹ <http://www.nytimes.com/2008/09/22/world/asia/22marriott.html>
- ²² <http://ru.euronews.net/2009/05/31/pakistan-predicts-swat-victory-soon/>

²³ Joshua A. Walking the tightrope on Pakistan's blasphemy laws The Hindu, 01.01 2011.

²⁴ India Today, January 25, 2011. Suicide Nation. Jason Burke.

²⁵ <http://tribune.com.pk/story/268901/enraged-protestors-demand-release-of-mumtaz-qadri/>

²⁶ India Today. March 14, 2011. Death haunts Pakistan. Qaswar Abbas.

²⁷ <http://www.thefridaytimes.com/beta2/tft/article.php?issue=20110902&page=8>

²⁸ <http://tribune.com.pk/story/175661/timeline-terrorist-attacks-in-pakistan-in-may-2011/>

²⁹ Kasturi B. General Kayani and the Future of Pakistan / B. Kasturi // Aak-rosh. Asian journal on terrorism and internal conflicts / Maj. Gen. (Retd.) Afsir Karim. – July 2011, volume 14, number 52. C. 9–22.

М.Р. Арунова

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЯ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

1 декабря 2009 г., выступая с Обращением к нации в военной академии Вест-Пойнт, американский президент Б. Обама обозначил новые приоритеты стратегии США в Афганистане. Им было признано, что война в Ираке, потребовавшая значительной концентрации людских и материальных ресурсов в ущерб усилиям на афганском направлении, и сложившаяся ситуация в Афганистане побуждают США увеличить численность воинского контингента и добиваться расширения военного присутствия в стране союзников по операции «Несокрушимая свобода». При этом Б. Обама особо подчеркнул, что основной задачей военных, помимо нейтрализации наступательного потенциала талибов, станет обучение афганских вооруженных сил и полиции, их подготовка к самостоятельному обеспечению безопасности страны с тем, чтобы в июле 2011 г. приступить к сворачиванию войск. Новая стратегия получила одобрение на международной конференции по Афганистану в Лондоне 28 января 2010 г.¹

Происходившее затем по принципу сообщающихся сосудов резкое обострение военно-политической обстановки и социально-экономической ситуации в Афганистане и Пакистане породило для США/НАТО серьезнейшую проблему. Уже в августе 2010 г., а не в июле 2011 г., как полагал Б. Обама, приступили к выводу войск Нидерланды, затем Канада, ныне выводят свои воинские контингенты Франция и другие страны.

Вывод войск – один из векторов афганской политики США и Запада. Как показывает развитие событий, это не приведет к стабилизации обстановки в Афганистане и вокруг него. Конфликтный потенциал питает, как питал и ранее, не только исключительно внешний фактор – присутствие иностранных войск и вмешательство «безбожных» иноземцев во внутреннюю жизнь афганцев, а целый комплекс глубинных внутрипо-

литических (в том числе этно-религиозных) и социально-экономических проблем. Только учет их взаимосвязи и взаимозависимости сможет определить оптимальнейшие подходы к афганским делам в целом.² Готовы ли к этому США, их союзники и поддерживаемое ими афганское правительство в его нынешней конфигурации? Как видится, пока далеко нет. Это неминуемо означает дальнейшее обострение обстановки в стране и регионе, приход к власти вооруженной оппозиции, активизацию местных этнических лидеров и полевых командиров, не намеренных подчиняться центру. Подобное развитие событий более чем вероятно даже при поддержке афганских вооруженных сил подразделениями иностранных воинских контингентов, остающихся в стране после вывода основной части МССБ.³ Однако даже в этом случае «зачищать», как ранее, территории уездов, а по всей вероятности, и провинций от «инсургентов» едва ли будет возможно.

Некоторые аналитики полагают, что ликвидация бен Ладена может повлиять на лишившуюся политической поддержки и финансовой помощи оппозицию и подтолкнуть ее лидеров к уступчивости. На наш взгляд, на это ныне вряд ли можно всерьез рассчитывать. Талибы и их союзники по-прежнему получают огромные средства от наркобизнеса и зарубежных «благотворительных» фондов, в том числе европейских, и до сего времени тесно связаны с «Аль-Кайдой». К тому же общепризнанный теоретик исламизма и терроризма аз-Завахири, и до ликвидации бен Ладена определявший и направлявший деятельность этой организации, едва ли «санкционирует» говор талибов с Западом на предлагаемых им условиях. Отказ оппозиции от участия в конференции «Бонн-2» и серия мощных взрывов в Кабуле и южных провинциях в середине апреля и поныне подтверждают намерения талибов и их союзников продолжать взятый ими курс. Складывается впечатление, что даже в случае каких-либо перемен и более или менее благоприятном для США/НАТО развитии событий, новый режим Кабула будет весьма далек от той демократии, на которую упирали в Вашингтоне, начиная в 2001 г. военную кампанию как часть мегапроекта создания Большой Центральной Азии. Не следует, на наш взгляд, полностью исключать, что под вопросом на какое-то время может оказаться будущее страны как единого, стабильного, многонационального государства. При рассмотрении возможной перспективы развития ситуации необходимо

иметь в виду и внешний фон – «арабскую весну», возрождение на Ближнем Востоке политического ислама с призывами возврата к «истинным корням».

По мнению некоторых исследователей, не исключая автора этих строк, опубликовавшего в прошедшем году ряд статей по афганской проблематике, результатом авантюристической затеи Дж. Буша и допущенных им и его преемником Б. Обамой трагических ошибок может стать укрепление региональных основ взаимодействия сопредельных государств для определения подходов к решению афганской проблемы.⁴ Эта идея выдвигалась и находила поддержку на международной конференции, проходившей под эгидой ШОС в Москве в марте 2009 г., на саммитах Афганистана, Пакистана, России и Таджикистана в 2009 и 2010 гг., в ходе встреч высоких должностных лиц ШОС, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС в октябре 2010 г., а также при обсуждении ситуации в Афганистане в других форматах.

В привлечении стран региона к афганским делам проявляли и проявляют явную заинтересованность Афганистан и другие страны, о чем можно судить по высказываниям представителей кабульских властей, не исключая Х. Карзая, а также по выдвигавшимся в последние годы политическим и экономическим инициативам регионального масштаба. Что касается Вашингтона и его союзников, в частности, Лондона, то, как видится, участие соседних с Афганистаном стран в решении афганской проблемы далеко не отвергается, но рассматривается в плане стремлений переложить на них значительную долю ответственности за дальнейшую судьбу Афганистана, прежде всего за восстановление экономики, которая обоснованно характеризуется ныне как наркоэкономика. В этой связи уместно упомянуть о высказываниях самих американцев, не исключая ответственных сотрудников Госдепартамента, признающих, что за годы пребывания войск США/НАТО наркопроизводство в стране «взлетело до небес».⁵

Известно также, что в последние годы Вашингтон предпринимал заметные шаги, направленные на поиск некой «няньки» для Кабула, которая, взяв на себя ответственность за стабилизацию обстановки, не возражала бы при этом против американского патронажа, включая иностранное военное присутствие. По некоторым данным, заходы на эту тему делались и в отношении ШОС⁶. Однако США явно предусматривали, аккуратно говоря, «смягчение» вовлеченности ШОС в афганские дела и

утверждение своих позиций не только в Афганистане, но и в этой части Азии. В данном случае имеются в виду инициированный Вашингтоном т.н. «стамбульский процесс» (международная конференция, состоявшаяся в Стамбуле в ноябре 2011 г., где, кстати, речь не шла о тесном сотрудничестве с ООН), выдвижение госсекретарем Х. Клинтон летом 2011 г. известного и ранее проекта «Новый шелковый путь» и многое другое. В этой связи следует отметить, что, выступая 14 июня 2012 г. на региональной конференции по афганской проблеме в Кабуле, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров подчеркнул важность развития «стамбульского процесса» в гармонии с деятельностью уже существующих региональных механизмов и, разумеется, при активной роли ООН.⁷

Общим интересам государств-членов ШОС, серьезно озабоченных исходящими с афганской территории вызовами и угрозами религиозного экстремизма, терроризма, все возрастающим распространением наркотиков и связанной с этим трансграничной организованной преступностью, отвечает признание за ними весьма значимой роли в решении афганской проблемы на региональном уровне. Более чем за десять лет своего существования Шанхайская организация сотрудничества утвердилась как авторитетная структура, став весомым фактором не только региональной, но и международной политики. Однако новые вызовы в политике и экономике на мировом уровне требуют глубокого, продуманного подхода и оптимизации деятельности Организации в целом.

Сложившаяся ситуация весьма серьезно и подробно обсуждалась на саммите ШОС, состоявшемся 6–7 июня 2012 г. в Пекине под председательством руководителя КНР Ху Цзиньтао.

В принятой на саммите «Декларации о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания»⁸ подчеркивается, что происходящие в XXI веке сложные процессы трансформации всей системы международных отношений сопровождаются становлением многополярного мироустройства, укреплением региональных основ взаимодействия (подчеркнуто нами), глобализацией и растущей взаимозависимостью государств, возрастанием роли информационных технологий. При этом особое внимание в Декларации уделяется необходимости продвигать новые подходы к вопросам обеспечения безопасности региона на основе взаимного доверия, взаимовыгоды,

равенства и взаимодействия, создания пространства неделимой безопасности с учетом интересов всех государств.

В отдельном разделе Декларации особо подчеркивается, что региональные проблемы должны решаться посредством консультаций между государствами данного региона и международными организациями. В случае же возникновения ситуации, ставящей под угрозу мир, стабильность и безопасность какого-либо государства-члена ШОС или региона в целом, государства-члены Организации в соответствии с действующими договорно-правовыми документами будут предпринимать политico-дипломатические меры для своевременного и надлежащего реагирования.

Что касается непосредственно Афганистана, то ШОС выступает за построение независимого, нейтрального, мирного, процветающего государства, свободного от терроризма и наркокриминальности, подчеркивая, что национальное примирение должно осуществляться самими афганцами и под их руководством. В Декларации особо подчеркивается, что ШОС поддерживает координирующую роль ООН в международных усилиях по афганскому урегулированию.

Общее видение первоочередных задач ШОС и путей их решения изложено в Стратегии развития ШОС. На основе этого документа предусмотрена подготовка масштабной программы деятельности Организации на перспективу.

Ключевым направлением работы ШОС еще больше, чем это было ранее, является принятие мер по обеспечению региональной безопасности и стабильности. Пути реализации этой серьезной задачи зафиксированы в принятых на саммите Программе сотрудничества по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и новой редакции Положения о политico-дипломатических мерах и механизмах реагирования на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе.

Помимо действующего в последние годы механизма консультаций внешнеполитических ведомств государств-членов и государств-наблюдателей основной площадкой для укрепления сотрудничества в этом направлении становится созданная в соответствии с решением саммита ШОС в июне 2002 г. Региональная антитеррористическая структура (РАТС)⁹, деятельность которой предполагается весьма значительно активизировать.

В последнее время наработан опыт взаимодействия этой структуры по линии силовых ведомств, включая недавние совместные учения «Мирная миссия». На вторую половину июня с.г. намечены новые учения, которые пройдут в Таджикистане.

В связи с этим встает весьма важный вопрос: поспешный вывод из Афганистана войск НАТО (как отмечалось выше, некоторые страны до июля 2011 г. уже вывели и выводят ныне своих военных) несет в себе риски для безопасности и стабильности государств региона. В сложном положении могут оказаться, например, центральноазиатские страны. Уже сейчас явно намечается тенденция «перетекания» не только узбекского и таджикского населения из северного Афганистана, но и террористических и экстремистских формирований на территории государств-членов ШОС. Естественно, это ставит перед ними задачи по укреплению взаимодействия на данном направлении. Предоставление Афганистану на Пекинском саммите статуса наблюдателя открывает возможности более широкого сотрудничества Кабула с ШОС, в том числе в рамках РАТС.

Важнейшим направлением работы ШОС является активизация борьбы с афганской наркоугрозой, что особо отмечалось на пекинском саммите. По мнению некоторых аналитиков и, в частности, Д.Б. Малышевой, в Центральной Азии, особенно после второй 2010 г. «революции» в Киргизии усилилось понимание, что региону грозит «афганизация», т.е. возникновение ситуации, когда на фоне роста наркотрафика центр в республиках сможет контролировать столицы и их окрестности, а реальная власть будет сосредоточена у вождей кланов, бандформирований и наркобаронов.¹⁰ Центральноазиатские республики, а также РФ испытывают особое давление от распространения наркотиков и связанных с этим международным криминалом и наркопреступностью, поскольку их территории стали не только путями транзитных наркомаршрутов, но и все более расширяющимся рынком распространения и потребления опиатов. Кроме того, наркобизнес, оказывая подпитку вооруженной оппозиции правительству Кабула, при его дальнейшем расширении может играть деструктивную роль в центральноазиатских странах.

Общеизвестно, что ныне порядка 90–95% опиатов, распространяемых в мире, имеют афганское происхождение. Проблема афганских наркотиков и их контрабанда широко обсуждались и

в самом Афганистане и в ходе многочисленных международных конференций – в Париже, Лондоне, Берлине, Дохе, Мадриде и Москве, где принимались, казалось бы, действенные меры. В течение ряда лет реализуют антинаркотические программы УНП ООН, другие международные организации и отдельные страны. Однако их результативность, как мы видим, далеко не такова, как того требуют обстоятельства.¹¹ Это происходит во многом и потому, что все они действуют в соответствии с собственными «повестками дня», как правило, не совпадающими по формам, методам и масштабам.

Основой сотрудничества стран ШОС в этом направлении является принятая на саммите 2011 г. Антинаркотическая стратегия на 2011–2016 гг. В 2011 г. по инициативе РФ совместно с КНР и Казахстаном была осуществлена оперативно-профилактическая операция, выявившая более четырехсот наркопреступлений. Секретариат ШОС установил действенные контакты с Международным комитетом по контролю над наркотиками и Управлением по наркотикам и преступности ООН (УНП). Как было признано в Пекине, успехов в борьбе с наркоугрозой можно добиться путем создания в рамках ШОС универсального центра по противодействию терроризму, наркотрафику и оргпреступности, создав при РАТС специальное подразделение по координации борьбы с производством и распространением наркотиков.

Важнейшей составляющей развития мирного процесса в Афганистане, несомненно, является форсированное технико-экономическое сотрудничество стран ШОС с Кабулом, оказание финансовой и иной материальной помощи на двусторонней основе и на региональном уровне. Государства-члены ШОС, а также государства-наблюдатели уделяют основное внимание восстановлению и созданию крупных и относительно небольших народно-хозяйственных объектов, что достаточно подробно рассматривается в коллективной работе «Современный Афганистан и сопредельные страны».

Что касается российско-афганского технико-экономического сотрудничества, то оно в последние годы весьма значительно набирает обороты и осуществляется в рамках подписанных соглашений, в том числе в соглашениях о технико-экономическом сотрудничестве и создании межправительственной комиссии. С 2007 г. ОАО «Техноэкспорт» модернизирует ГЭС в Наглу, компании «Инсет» и «Норманн» с 2005 г.

сотрудничают с афганской стороной по созданию новых объектов малой гидроэнергетики мощностью от 0,5 до 6 МВт, предназначенных для обеспечения электроэнергией населения труднодоступных районов в ряде провинций, компания ОАО «Зарубежтрансстрой» провела обследование горного тоннеля «Саланг», в свое время сооруженного при содействии нашей страны. Первый этап восстановления тоннеля планируется завершить в 2012–2013 гг. Прорабатываются конкретные планы сотрудничества с афганской стороной по восстановлению и реконструкции Кабульского домостроительного комбината, элеватора, хлебозавода, цементного завода, завода азотнотуковых удобрений и целого ряда других народно-хозяйственных объектов, построенных в свое время при финансовом и технико-экономическом содействии нашей страны. В августе 2011 г. подписаны документы о сотрудничестве в топливно-энергетических отраслях и велись успешные переговоры с ведущими нефтяными компаниями ОАО «Газпром нефть», ОАО «ЛУКОЙЛ» и ОАО «ТНК-ВР менеджмент» о стабильных и долгосрочных поставках нефтепродуктов. Не дожидаясь пока «созреют» другие потенциальные доноры, РФ заявила о готовности вложить 500 млн. долл. в проект «CASA-1000» по созданию линии электропередач, связывающей Центральную и Южную Азию, а также подключиться к строительству газопровода ТАПИ и рассчитывает на позитивную реакцию стран-участниц этих проектов¹².

Неуклонно развивается торговля. В 2011 г. прирост товарооборота по сравнению с 2004 г. увеличился более чем в 12 раз.

Россия ежегодно осуществляет поставки в Афганистан гуманитарной помощи, объем которых растет. С 2007 г. в эту страну только в счет взносов по линии продовольственной программы ООН и Международной организации гражданской обороны поставлено 34,5 тыс. тонн пшеничной муки на сумму 22,43 млн. долл. В январе 2012 г. Россия направила в Афганистан десятки автомобилей КАМАЗ и автомобили материально-технического обеспечения с комплектами запасных частей. В 2007 и 2010 гг. РФ списала афганский долг на сумму 11,27 млрд. долл.

Весьма значимо содействие РФ в укреплении обороноспособности Афганистана. Выступавший в мае 2012 г. на саммите «МССБ-плюс» спецпредставитель президента России по Аф-

ганистану З.Н. Кабулов привел конкретные данные о том, что с самого начала антитеррористической операции наша страна поставляет Афганистану оружие и иную технику. Только в 2002–2005 гг. была поставлена безвозмездная военно-техническая помощь на сумму порядка 200 млн. долл., а затем в 2009 г. совместно с германскими партнерами афганской стороне были переданы в дар вертолеты в медико-эвакуационной комплектации. В следующем 2010 г. для нужд МВД Афганистана было опять же безвозмездно поставлено российское стрелковое оружие – 25 тыс. весьма популярных в стране автоматов Калашникова и к ним 2,5 млн. патронов. Далее, в январе 2012 г. в Трастовый фонд Совета Россия – НАТО (СРН) Россия перевела 100 млн. руб. на техобслуживание вертолетов российского производства и подготовку персонала. Ныне завершается выполнение заказа на поставку 21 вертолета МИ-17. Как сообщил З.Н. Кабулов, РФ намерена оказывать необходимую поддержку афганским вооруженным силам на двусторонней основе, параметры которой будут определяться на прямых консультациях при учете запросов и актуальных потребностей афганской стороны. В то же время, как заявил на саммите МССБ-плюс З.Н. Кабулов, Россия открыта для обсуждения с заинтересованными партнерами возможностей взаимодействия в производстве и поставках в Афганистан необходимого имущества. Далее З.Н. Кабулов отметил, что за прошедшие годы в России было обучено более 150 военнослужащих, а на базе Международного Центра РФ в г. Домодедово в рамках совместных проектов СРН и ОБСЕ прошли подготовку свыше 300 сотрудников антинаркотической полиции Афганистана. Работа в этом направлении ведется и поныне.

Обучение афганских военнослужащих и гражданских специалистов осуществляется и в учебных заведениях КНР и Индии, являющейся страной-наблюдателем ШОС.

Из последних проектов технико-экономического сотрудничества с Афганистаном на региональном уровне назовем упоминавшееся выше осуществляющее по линии CASA-1000 соглашение, подписанное Афганистаном, Пакистаном и Киргизией о поставках в Афганистан и Пакистан электроэнергии¹³. 17 мая 2012 г. в Дубае состоялось подписание Протокола о реализации этого проекта, к которому присоединилась Россия, выделившая, как отмечалось, 500 млн. долл. Проект поддерживается Всемирным банком и Исламским банком развития.

В работе Д.Б. Малышевой «Афганистан и Центральная Азия» приводятся данные о планах сотрудничества в области развития транспорта в четырехстороннем формате: Россия – Афганистан – Пакистан – Таджикистан. Речь пойдет о проведении 1340-километровой железнодорожной и автомобильной сети¹⁴. На текущий 2012 г. намечено проведение в Душанбе очередной Региональной конференции по экономическому сотрудничеству с Афганистаном (RECCA-5). В этой связи обращает на себя внимание прозвучавший на конференции в Бонне-2 призыв Москвы развивать и укреплять содействие Кабулу в рамках таких весьма значимых региональных структур, как ОЭС, СААРК и ОДКБ.

Развивая разноплановое технико-экономическое сотрудничество с Афганистаном, в том числе и по линии укрепления его обороноспособности, государства-члены ШОС неоднократно на многих уровнях высказывали свою позицию в отношении пребывания в стране иностранных воинских контингентов и условий их вывода. На состоявшейся в середине июня нынешнего 2012 г. Кабульской региональной конференции глава российского внешнеполитического ведомства С.В. Лавров приветствовал решение ее участников создать специальные рабочие группы по противодействию сохраняющимся угрозам терроризма и наркобизнеса. При этом С.В. Лавров высказал убеждение в том, что МССБ, независимо от сроков ухода из Афганистана, должны повысить эффективность своих антитеррористических и антинаркотических усилий и отчитаться перед Советом Безопасности ООН о выполнении своего мандата¹⁵.

Отмечая важность подходов к решению Афганской проблемы на региональном уровне, государства-члены ШОС уделяют особое внимание вопросу о расширении ее состава. В статье 13 Хартии ШОС однозначно говорится: ШОС открыта для принятия в ее члены других государств региона, которые обязуются соблюдать цели и принципы Хартии, а также положения других международных договоров и документов, принятых в рамках ШОС¹⁶.

В 2006 году официальную заявку на вступление в ШОС подал Пакистан, в 2007 и 2008 годах – Иран, а начиная с 2010 года заинтересованность в проведении полноправного членства в ШОС проявляют устами своих руководителей Индия, Турция и Афганистан. Другими словами, на прием в ШОС образовалась очередь.

Реализация принципа открытости ШОС потребовала разработки нормативной базы ее расширения. В июне 2010 года на саммите в Ташкенте было принято Положение о порядке приема новых членов. В развитие данного документа год спустя в Астане лидеры стран-членов Организации утвердили Меморандум об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса государства-члена.

В расширении в целях усиления влияния в рамках своей географии заинтересованы практически все региональные организации – ЕС, АСЕАН и другие. В случае ШОС речь шла о некоторых расхождениях как в вопросе о том, следует ли ШОС расширяться в принципе, так и в вопросе о конкретных кандидатурах на членство. И для этого, судя по всему, выдвигались веские причины.

Что касается потенциальных кандидатов, то их круг известен. Ясность в вопросе о том, кто может стать членом ШОС, внесло упоминавшееся выше Положение о порядке приема новых членов. В нем прописаны критерии членства в Шанхайской организации: страны-соискатели должны принадлежать к евро-азиатскому региону, поддерживать дипломатические отношения со всеми государствами-членами ШОС, иметь статус государства-наблюдателя или партнера по диалогу ШОС, не находиться в состоянии вооруженного конфликта с другим государством или государствами, добросовестно выполнять свои обязательства оп Уставу ООН, соблюдать общепризнанные принципы международного права. Кроме того, их международные обязательства в сфере безопасности не должны противоречить соответствующим международным договорам и иным документам, принятым в рамках ШОС. Наконец, на них не должны быть наложены санкции Советом Безопасности ООН¹⁷.

С учетом утвержденных критериев на данном этапе из списка возможных кандидатов выводится сторонник регионализации решения афганской проблемы Иран, в отношении которого введены санкции ООН.

Анализируя возможные последствия расширения Организации, эксперты обычно приводили следующие доводы против: условия для расширения ШОС, требующей консолидации, не созрели, расширение сделает организацию трудноуправляемой, принцип консенсуса подвергнется тяжелейшему испытанию: Индия и Пакистан привнесут в ШОС свои длительные

двусторонние противоречия и различные подходы к решению афганской проблемы.

Сторонниками расширения выдвигались контраргументы: расширение повысит политический вес и увеличит практические возможности организации. К тому же вступление Индии сразу превратит ШОС в мощную глобальную структуру с огромным потенциалом. Привнесению же в ШОС индо-пакистанских противоречий будут препятствовать обязательства Дели и Исламабада, которые они должны на себя взять при вступлении в Организацию. Таким образом, принятие в ШОС Индии и Пакистана, напротив, может в определенной мере сглаживать отношения между ними и способствовать их сотрудничеству в рамках Организации¹⁸.

В конечном счете, эксперты, как видится, пришли к выводу о том, что расширение ШОС в ближайшей перспективе не только укрепит потенциал организации и повысит ее международный авторитет, но и будет способствовать ее эффективному противостоянию угрозам безопасности региона. Коллективные усилия, несомненно, будут способствовать и реализации национальных и транснациональных экономических программ в области транспорта, электроэнергетики, строительства газопровода с участием Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Индии (ТАПИ) и ряда других. ШОС открыта для взаимодействия по Афганистану со всеми странами и международными организациями. При этом, естественно, Организация намерена сотрудничать лишь по тем направлениям, которые соответствуют ее политическим и экономическим интересам. На саммите ШОС в Пекине статус государства-наблюдателя был предоставлен Афганистану, партнером по диалогу стала Турция.

В настоящее время прорабатывается комплекс вопросов, связанных с увеличением численного состава организации: согласование финансовых, юридических и административных условий для приема новых членов.

При реализации поставленных на саммите серьезных задач государства-члены ШОС, несомненно, будут учитывать необходимость не только снизить уровень противоречий прежде всего между центральноазиатскими государствами и «раскочегарить» многие механизмы (в том числе касающиеся непосредственно афганской проблемы), но и определить приоритеты в соответствии с динамично меняющимися реалиями. «На кону»

региональные и глобальные интересы входящих в Организацию стран, их политическая стабильность и экономическое благополучие и, наконец, облик Евразии в обозримой перспективе.

¹ President's address to the Nation US Military Academy at West Point, 1.11.2009; Communiqué of the London Conference, 28.1.2010 (afghanistan.hmg.gov.uk/en/conference/communiques); см. об этом подробно: Арунова М. К вопросу об афганской политике президента США Б. Обамы // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., 2012, с. 138–139.

² См. об этом подробно: Арунова М. Операция «Несокрушимая свобода» (задачи, проблемы, перспективы) // Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011, с. 29.

³ На саммитах «Большой восьмерки» в Кэмп-Дэвиде и НАТО в Чикаго, состоявшихся в мае 2012 г., Б. Обама объявил, что к сентябрю 2014 г., т.е. перед началом вывода последних иностранных воинских контингентов, в Афганистане останется порядка 68 тыс. американских военнослужащих.

⁴ Арунова М. Год 2011. Успехи и потенциал ШОС // Центральная Азия и Кавказ, 2011, № 4; Она же. Пять сценариев развития ШОС // Интернет-журнал «Новое восточное обозрение», август 2011.

⁵ The New York Times, 27.08.2008; см. об этом подробно: Примаков Е.М. Мир без России? М. 2009, с. 82.

⁶ Арунова М. Год 2011. Успехи и потенциал ШОС // Центральная Азия и Кавказ, 2011, № 4.

⁷ http://www.mid.ru/brp_4nsf/newsline/47FAA4B86CEBA4A444257AiD0036A364

⁸ Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания. http://news.kremlin.ru/ref_notes/1232/print

⁹ Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. 7 июня 2002 г. Санкт-Петербург // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока. М., 2011, с. 129–138.

¹⁰ Малышева Д.Б. Афганистан и Центральная Азия // Современный Афганистан и сопредельные страны. М., 2011, с. 35.

¹¹ См. об этом подробно: Арунова М. Афганские наркотики вчера и сегодня // Новое восточное обозрение, март 2012.

¹² Выступление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на Кабулской региональной конференции по Афганистану 14 июня 2012 г. http://www.mid.ru/brp_4nsf/newsline/47FAA4B86CEBA4A444257AiD0036A364

¹³ Выступление специального представителя Президента РФ по Афганистану З.Н. Кабулова на саммите «МССБ-плюс», Чикаго, 21 мая 2012 г.; http://www.mid.ru/bgr_4nsf/newsline/47FAA4B86CEBA4A444257AiD0036A364

¹⁴ Малышева Д.Б. Указ. соч., с. 45.

¹⁵ http://www.mid.ru/bgr_4nsf/newsline/47FAA4B86CEBA4A444257AiD0036A364

¹⁶ Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 7 июня 2002, Санкт-Петербург // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока. М., 2011, с. 116–129.

¹⁷ Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества (Утверждено Решением Совета Глав государств-членов ШОС от 11 июня 2010 г. // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока. М., 2010, с. 185–187.

¹⁸ Арунова М. Указ. соч., с. 17.

В.Я. Белокреницкий, С.Н. Каменев

АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока (ЦИСБСВ) провел 2 апреля 2012 г. научное совещание на тему «**Афганистан и Пакистан: современное положение и перспективы развития**». В его работе участвовали, помимо сотрудников ИВ РАН, представители ряда практических и учебных учреждений Москвы.

В.Я. Белокреницкий (руков. Центра, зам. директора ИВ РАН) отметил, что Афганистан и Пакистан связывают прочные традиционные узы, родство ряда основных этнических групп, протяженная граница в 2,5 тыс. км. Напомнив, что нынешний афганский президент Х. Карзай назвал Пакистан «братьем-близнецом» Афганистана, В.Я. Белокреницкий подчеркнул, что несмотря на это, между государствами сохраняются острые противоречия. Они могут усиливаться в свете предстоящих в ближайшие годы событий – ухода основной части вооруженной группировки НАТО, состоящей на две трети из сил США, и сокращения расходов западных государств на поддержание мира и стабильности в Афганистане. Неразрывность судьбы двух стран-соседей делает актуальным совещание специалистов по вопросу о современной политической и экономической обстановке в них, торгово-экономических и иных связях между соседями и перспективах на обозримое будущее.

В.Г. Коргун (зав. сектором Афганистана ЦИСБСВ) подчеркнул, что процесс вывода войск коалиции США-НАТО осложнится рядом факторов. Важнейший из них – содержание и характер будущей власти, в которой, очевидно, получат представительство талибы и их союзники. Серьезное влияние на процесс перехода ответственности за безопасность в афганские руки оказывают соседние страны, в первую очередь Пакистан и Иран, чьи позиции часто не совпадают. Иран требует немедленного вывода войск США. Оказывая экономическую

помощь Афганистану, Тегеран одновременно поддерживает антиправительственные группировки с целью нанести удар по американским позициям. Пакистан потенциально мог бы сыграть ведущую роль в урегулировании афганского кризиса, однако ему мешает обострение отношений с США. Китай, по мнению эксперта, занимает пока пассивную позицию, делая ставку на экономическое сотрудничество. Однако в качестве одного из лидеров ШОС КНР, видимо, будет играть возрастающую роль после вывода войск НАТО. Северные соседи Афганистана (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) не оказывают существенного влияния на ситуацию в стране, но после 2014 г. их роль, вероятно, тоже возрастет. Увеличится и роль России. На сегодняшний день, отметил В.Г. Коргун, в Афганистане наблюдается переходный процесс, сталкивающийся с большим числом проблем и вызовов.

Р.Р. Сикоев (ИВ РАН) посвятил свое выступление анализу афганского общества, каким оно будет к 2014 г. Он подробно рассмотрел роль мусульманского духовенства, могущественного слоя, умеющего приспособиться к меняющимся условиям и инкорпорироваться в структуру государственной власти. Отметив, что внутренняя борьба в Афганистане все отчетливее приобретает межэтнический характер, Р.Р. Сикоев сделал интересное наблюдение, что духовенство не использовало интеграционные возможности ислама, поскольку само оказалось расколотым по регионально-этническому признаку. Эксперт не исключил того, что лидеры многих пуштунских племен, как на территории Пакистана, так и Афганистана, давно сотрудничают с талибами, большинство из которых состоит из пуштунов. Что касается непуштунов, то в преддверии 2014 года они готовят себе отходные позиции, чтобы в случае необходимости продолжить войну и отстоять социально-политические завоевания последних десятилетий. При этом лидеры таджиков, узбеков, хазарейцев хотели бы добиться превращения Афганистана из унитарного и централизованного в федеративное государство. Некоторые из них выступают за сокращение властных полномочий президента и преобразование страны в парламентскую республику. Говоря о значительном числе партий, появившихся в последнее время на политической арене, Р.Р. Сикоев отметил, что большинство из них – это бывшие «танзимы» (отряды) «муджахедов» («борцов за веру» 1980-х годов), преобразовавшиеся в политические партии. При возможной смене

власти в 2014 г. они распадутся и разойдутся по своим «этническим квартирам». По мнению докладчика, исторический опыт доказал, что проблему создания современного, стабильного и цивилизованного Афганистана невозможно решить с помощью внешней агрессии, сокращение иностранного вмешательства пойдет на пользу стране.

Шах Махмуд (МГИМО) коснулся перспектив переговоров с талибами и будущего Афганистана. Он отметил, что движение «Талибан» неоднородно, часть его приверженцев уже поддержала правящую в Кабуле коалицию. По его оценкам, около 400 бывших талибов находятся в окружении президента Х. Карзая и активно вовлечены в процессы управления страной, несмотря на неспокойную в последнее время обстановку в южных провинциях Афганистана (Кандагаре, Гильменде и др.). Говоря о будущем положении в стране (после ухода основной части иностранных войск), Шах Махмуд не исключил острых расколов и размежеваний между местными политическими силами, к которым на полных правах присоединятся непримиримые, т.е. находящиеся в оппозиции к нынешнему режиму представители старой гвардии движения «Талибан» и его нового поколения. Не исключено возобновление жесткого противостояния между пуштунами и непуштунами, с одной стороны, и внутри этих групп политически активного населения, с другой.

А.В. Манойло (Факультет политологии МГУ) посвятил свое выступление политике США в Афганистане. Он отметил, что внешнеполитическая линия Вашингтона в общетеоретическом плане постоянно колеблется между двумя полюсами – ценностями и интересами, т.е. между преобладанием идеологических и прагматических задач. Характерными представляются в связи с этим общим подходом изменения в американской политике в Афганистане: на первых порах после событий 2001 г. в ней преобладали идейные мотивы, а с течением времени на передний план вышли прагматические. Отвечая на вопрос о сохранении американских позиций в Афганистане после 2014 г., А.В. Манойло корректно указал на значение иранского фактора при оценке перспектив пребывания вооруженной группировки США в соседнем с Ираном Афганистане.

М.Р. Арунова (ИВ РАН) выступила с развернутым докладом, посвященным Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и афганской проблеме. Она отметила, что после 2014 г. произойдет, по всей вероятности, регионализация афганского

вопроса, т.е. усиление влияния на него со стороны региональных держав, в том числе и в «шосовском формате». Последний уже обсуждался в 2009–2011 гг. на встречах президентов Афганистана, Пакистана, Таджикистана и РФ, представителей руководства исполнительных органов ШОС, СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ, а также на саммите ШОС. Докладчик изложила свое видение реализации выдвинутых в ходе этих встреч инициатив, остановившись на вариантах путей активизации борьбы с афганским наркотрафиком и перспективах расширения состава ШОС с подключением к нему в том или ином статусе Афганистана.

С.Н. Каменев (зав. сектором Пакистана ЦИСБСВ) детально охарактеризовал влияние афганской ситуации на экономику Пакистана. Он подчеркнул, что обе страны имеют тесные экономические отношения, в первую очередь торговые связи. В настоящее время в экспорте Пакистана Афганистан занимает второе место, уступая лишь США. Из общего объема пакистанского экспорта в 2010/11 г. в размере 25 млрд. долл. 2,5 млрд. пришлось на Афганистан, в то время как в пакистанском импорте доля соседней страны крайне незначительна. При этом, как отметил докладчик, ввезенные в Афганистан из Пакистана товары зачастую вновь оказываются на пакистанской территории, что вызывает возмущение местных предпринимателей. Их попытки пресечь контрабанду заканчиваются неудачей из-за коррумпированности как пакистанских, так и афганских чиновников. По оценке международной организации «Transparency International», из 182 стран мира Афганистан по степени коррумпированности находится на 180-м, а Пакистан – на 134-м месте. Касаясь одной из самых серьезных болевых точек в экономике Пакистана – энергетической проблемы и острой нехватки электроэнергии, С.Н. Каменев заметил, что смягчить проблему могла бы прокладка газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан, а также сооружение линии электропередачи из Таджикистана через Афганистан в Пакистан (проект CASA-1000). Однако реализация этих проектов откладывается из-за сохраняющейся крайне нестабильной обстановки в Афганистане. Нестабильность афганской внутриполитической обстановки заставляет Пакистан тратить огромные средства на борьбу с терроризмом: по официальным данным, на эти цели было израсходовано за десятилетие с 2001 по 2011 год 67 млрд. долл.

Самеулла Пойя (Радиостанция «Голос России») в своем выступлении затронул проблемы афгано-пакистанских отношений, связанные с нерешенностью вопроса о границе между двумя государствами. Афганистан, отметил докладчик, выступает инициатором споров вокруг границы, которую называют «линией Дюранда», по имени английского чиновника, подпиравшего в 1893 г. соглашение о границе между Британской Индией и Афганистаном с афганским эмиром Абдурахманом Ханом. После появления в 1947 г. нового соседа, Пакистана, Кабул отказался признавать «линию Дюранда» в качестве официальной границы с ним. Еще одна сложность, давно существующая в отношениях между двумя государствами, состоит в стремлении Кабула выступать в роли защитника особых прав и интересов пуштунов Пакистана и поддерживать время от времени возникающие в их среде настроения в пользу создания «независимого Пуштунистана». Самеулла Пойя согласился с тем, что инициатором споров о границе и связанных с этим конфликтных ситуаций не раз выступала афганская сторона, и ныне именно она может внести решающий вклад в разрешение погранично-территориальных разногласий между соседями.

Н.А. Замараева (ИВ РАН) подчеркнула, что пакистано-афганские отношения носят противоречивый характер в силу ряда исторических и современных причин. Нерешенными в пакистано-афганских отношениях остаются вопросы пребывания афганских беженцев в Пакистане, трансграничные рейды афганских боевиков, наличие мест их укрытия в агентствах Территорий племен федерального управления (ТПФУ) и т.д. Однако наиболее острые проблемы во взаимоотношениях двух государств возникнут, как отметила Н.А. Замараева, в будущем, после вывода боевых подразделений США и НАТО из Афганистана. Исламабад будет стремиться к тому, чтобы укрепить свое влияние в соседней стране. Противоречия между Афганистаном и Пакистаном с приближением срока вывода коалиционных сил США/НАТО/МССБ будут усиливаться.

А.К Лукоянов (ИВ РАН), расходясь во мнении с большинством участников совещания, проанализировал региональную ситуацию с позиции гегемонии США, нуждающихся «не в союзниках, а в вассалах». Современные Афганистан и Пакистан были охарактеризованы им как зависимые от Вашингтона игроки. Несмотря на вмешательство Пакистана во внутренние дела соседней страны, ее руководство, по мнению А.К. Лукоянова,

рассматривает Исламабад как союзника, т.к. оба они в одинаково сильной степени зависят от Вашингтона.

Омар Нессар (ИВ РАН) отметил, что в последние годы участились теракты. В 2009–2010 гг. талибы и их союзники активизировались на севере страны. Всплеск активности талибов на севере Афганистана до сих пор вызывает серьезную озабоченность стран бывшей советской Средней Азии, которые считают религиозный экстремизм своим «главным врагом». По словам О. Нессара, Афганистан сегодня, спустя 10 лет с момента начала возглавляемой США операции «Несокрушимая свобода», воспринимается региональными странами как источник угрозы экстремизма, наркотрафика, а некоторыми кругами – как угрозу использования афганской проблемы для закрепления военных сил США и НАТО в регионе. В свою очередь, отношение государств региона к этим угрозам зависит от внутриполитической ситуации в них. При этом различия в подходах к урегулированию афганской проблемы наносят ущерб согласованной деятельности таких региональных организаций, как ШОС и ОДКБ.

И.В. Жмуйда (ИВ РАН) посвятила развернутое выступление теме «Афганские беженцы в Пакистане». Она отметила, что массовая миграция началась в конце 1979 г. Первоначально в Пакистан, по официальным оценкам, переселилось более 300 тыс. афганских жителей, к 1983 г. их число превысило 3 млн. человек, а в «пиковое» время (1992 г.) достигло 3,5 млн. Само по себе это феноменальное явление в современной мировой истории. В настоящее время, по одним оценкам, число беженцев составляет 2,2 млн., а по другим – 1,7 млн. человек. Согласно последним подсчетам, 82% зарегистрированных афганских беженцев не собираются возвращаться на родину, хотя пакистанские власти, насытившись проблемами, возникшими от их пребывания (разбойничий захват земель, незаконное использование пастбищ, вырубка лесов, обострение криминогенной обстановки, возникновение эпидемий и т.д.), намерены с помощью различных мер возвратить беженцев на родину.

Вместе с тем, подчеркнула И.В. Жмуйда, нахождение богатых афганцев в Пакистане имело свои положительные последствия: они инвестировали капиталы в недвижимость, торговлю и различные, хотя и не всегда законные операции, в том числе связанные с наркотрафиком и торговлей оружием. Ныне в руках богатых афганских беженцев сосредоточены транспортные

средства и перевозки не только в провинции Хайбер-Пахтунхва (бывшая Северо-Западная пограничная провинция), но и по существу всего Пакистана. Наибольшая часть мигрантов, как отметила эксперт, размещались в 48 палаточных лагерях (по 5 тысяч человек в каждом) в Хайбер-Пахтунхва, на Территории племен федерального управления и в Белуджистане. Как правило, они жили и продолжают существовать на пособие, довольствуясь случайными заработками.

И.Н. Серенко (ИВ РАН) в своем выступлении «Образовательный аспект талибской угрозы в региональном контексте» отметила, что афганские и пакистанские талибы, уже однажды преждевременно похороненные американцами и их союзниками (в 2001 г.), по-прежнему остаются главной силой сопротивления «иностранный агрессии» на афгано-пакистанском направлении. И это происходит, несмотря на все усилия международной коалиции в антитеррористической борьбе. Живучесть талибского феномена обусловлена целым рядом факторов, включая образование. Речь идет об использовании идеологиями «талибанизма» религиозных школ и духовных семинарий для распространения не только идей радикального ислама, но и для подготовки учеников к диверсионной и террористической деятельности.

М.Ю. Морозова (ИВ РАН) в докладе «Белуджский фактор в пакистано-афганских отношениях» подчеркнула, что Белуджистан – самая бедная пакистанская провинция, занимает важное стратегическое положение в связи с событиями в Афганистане. Отсюда – повышенное внимание к нему со стороны не только соседей, но и мировых держав. После того, как между США и Пакистаном возникли разногласия, американская помощь провинции сократилась. Освободившуюся нишу занял Китай, приступивший к строительству в провинции широкой сети автодорог и глубоководного порта Гвадар. В Пакистане считают, что Индия проявляет большой интерес к ситуации в Белуджистане, который она рассматривает под углом зрения своего транспортного сотрудничества с Ираном. Исламабад ждет решения иностранных спонсоров по вопросу о финансировании строительства газопроводов из Ирана и Туркмении через Афганистан. Оба они должны быть проложены по территории Белуджистана. Среди проблем, связанных с предполагаемым строительством, важнейшее место занимает обеспечение безопасности, что, как

подчеркнула М.Ю. Морозова, во многом зависит от вождей белуджских племенных формирований.

В интересном рассказе А.А. Суворовой (ИВ РАН) о первом пакистанском «Оскаре» подчеркивалась двойственность ситуации, в которой оказались пакистано-американские отношения. С одной стороны, впервые лента пакистанского происхождения получила в Америке высокое признание, с другой, – документальный фильм Шармины Убайд-Чиннои «Спасти лицо» изображает пакистанскую действительность в самом неприглядном виде. Фильм повествует о случаях жестоких расправ над женщинами, лицо которых мужчины-садисты обливают кислотой. Обезображеные женщины страдают и физически, и морально, нередко кончая жизнь самоубийством. А.А. Суворова отметила, что официальные власти Пакистана постарались принять известие о присуждении «Оскара» с одобрением, однако значительная часть общественного мнения настроена отрицательно, полагая, что США умышленно делают акцент на негативе, ставя Пакистан в позицию оправдывающейся стороны.

В.И. Сотников (ИВ РАН) подчеркнул, что пакистано-американские отношения переживают ныне серьезный кризис. Он начался с января 2011 г., когда американский агент убил на улицах Лахора двух пакистанцев. Избавление американца от наказания по решению суда после уплаты родственникам погибших так называемых «кровных денег» вызвало глухое недовольство в обществе. Оно возросло после того, как американский спецназ в ходе рейда на пакистанскую территорию ликвидировал лидера «Аль-Каиды» Усаму бен Ладена. Особое возмущение вызвал тот факт, что американцы действовали в одиночку, не предупредив официальные власти Пакистана, а затем выставили их в неприглядном свете, т.к. оказалось, что «террорист № 1» в течение пяти лет жил в главном городе пакистанских военных Абботабаде, недалеко от столицы страны. Весь 2011 год отношения между двумя государствами были напряженными, дойдя до самого низкого уровня 26 ноября, когда в результате налета американских самолетов, по ошибке обстрелявших укрепленный пункт на пакистано-афганской горной границе, погибли 24 пакистанских военнослужащих. Ответом на инцидент было решение Исламабада перекрыть пути снабжения военных подразделений США и НАТО в Афганистане.

Лишь весной 2012 г. появились признаки улучшения, хотя обе стороны еще не договорились о сроках и условиях возоб-

новления действия так называемого южного маршрута снабжения иностранных войск в Афганистане. При этом, по мнению В.И. Сотникова, обе стороны заинтересованы друг в друге. США не могут обойтись без Пакистана в деле решения афганской проблемы, а Пакистан не может обходиться без финансово-экономической и военно-технической помощи Вашингтона. Поэтому в перспективе, отметил докладчик, пакистано-американские взаимосвязи будут укрепляться, однако Исламабад, прислушиваясь к общественному мнению в стране, попытается делать вид, что не терпит нажима и давления со стороны «американского дяди». Возможны и проявления определенной независимости внешнеполитического курса Пакистана, но по сути отношения Исламабада с Вашингтоном будут отличаться известным «двуличием». Что касается США, то они будут проводить по отношению к Пакистану достаточно твердый курс, исходящий из императивов своей внешнеполитической доктрины.

У.В. Окимбеков (ИВ РАН) посвятил свое выступление главным образом торговле между Афганистаном и Пакистаном на современном этапе. Он отметил, что официальные данные пакистанской статистики сильно отличаются от афганской, что затрудняет попытки достоверно оценить тенденции развития торговых отношений между ними. Согласно данным пакистанской стороны, начиная с 2001 г. объемы товарооборота с Афганистаном ежегодно росли высокими темпами. К 2008 г. они достигли 1,5 млрд. долл., причем 1,3 млрд., или 87%, составлял пакистанский экспорт. В последующие два года, по тем же данным, товарооборот вырос до 2,5 млрд. долл. а доля экспорта упала до 70%. Данные афганской статистики свидетельствуют о другом, а именно о снижении как доли пакистанского импорта в товарообороте Афганистана, так и замедлении темпов роста самой торговли. К 2010 г. объем всего афганского импорта достиг 5,1 млрд. долл. На экспорт Пакистана пришлось лишь 12% (600 млн. долл.), на первых позициях расположились Узбекистан (21%) и Китай (14%).

Отметив, тем не менее, большой потенциал сотрудничества в торгово-экономической области, У.В. Окимбеков остановился на таком потенциально конфликтном вопросе афгано-пакистанского взаимодействия, как раздел воды р. Кабул, используемой для орошения обеими странами. Планы сооружения водозаборных сооружений в Афганистане вызывают озабоченность Пакистана, который испытывает острую нехватку воды

для целей ирригации и опасается сокращения поступления воды р.Кабул на свои поля.

В.В. Шикин (МГИМО), выступая с сообщением по предварительным итогам своей бакалаврской работы, подчеркнул значительную роль Индии в восстановлении экономики Афганистана. Индия оказывает содействие Афганистану в финансовых и технических вопросах. Она конкурирует при этом с Пакистаном и Китаем. Достижением индийской стороны стал недавний выигрыш ёю ряда крупных тендеров, участие в строительстве дорог и других объектов производственной инфраструктуры. Значителен и объем индийско-афганской торговли (1,5 млрд. долл.). Перспективы инвестиционного и торгового сотрудничества между Индией и Афганистаном В.В. Шикин оценил как обнадеживающие.

В заключение состоялся обмен мнениями по затронутым на научном совещании вопросам. Подводя итоги совещания, В.Я. Белокреницкий отметил содержательность докладов и сообщений и подчеркнул вклад, который эксперты внесли в понимание сложных проблем современной ситуации в регионе к югу от российских границ.

И.Н. Серенко

БУДУЩЕЕ АФГАНИСТАНА
И РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
(информационно-справочный материал
о международной конференции в Пекине,
30–31 мая 2012 г.)

В Пекине 30–31 мая 2012 года состоялась международная научно-практическая конференция «Будущее Афганистана и региональное сотрудничество», организованная Китайским институтом современных международных отношений. В ее работе приняли участие видные ученые и представители ряда практических ведомств и организаций Афганистана, Китая, России, Пакистана, США, Франции, Испании, Бельгии, Норвегии, Швеции и ряда других стран, а также различных международных структур, таких как Евросоюз, ШОС и Международный Красный Крест. В докладах участников данного представительного форума были изложены понимание и видение ими политических, экономических и иных вопросов афганской проблемы, рассмотрены возможные пути их решения на ближайшую перспективу на страновом и региональном уровнях после намеченного на 2014 год вывода войск США/НАТО/МССБ из Афганистана.

Выступление Ху Шишенга (Китай), в частности, было посвящено проблеме восстановления Афганистана в контексте региональных вызовов, стоящих перед всеми участниками урегулирования ситуации в Афганистане и вокруг него. В докладе подчеркивается, что с провозглашением в марте 2009 г. новой стратегии США по Афганистану наблюдаются положительные сдвиги в процессе политической, экономической реконструкции государства, достижении безопасности и национального примирения. Предполагается, что завершение во второй половине текущего года третьей стадии процесса передачи международными коалиционными силами своих полномочий по поддержанию порядка

в стране непосредственно самим афганским силам безопасности, состоящим ныне из 195-тысячного контингента Национальной Афганской Армии и 125-тысячного корпуса Афганской полиции, будет способствовать дальнейшей стабилизации обстановки в стране. Кроме того, на это работает и начавшийся с талибами переговорный процесс, все участники которого заинтересованы в его успешном завершении: Вашингтон – в связи с необходимостью обеспечения достойного вывода своих войск из Афганистана, Кабул – для выживания своего режима, Исламабад – для избежания своей маргинализации при становлении нового Афганистана. Талибы, как считает докладчик, также стали более прагматично относиться к мирным переговорам. Они не могут не учитывать укрепления государственных силовых структур, растущих антиталибских настроений среди местных племен, да и дальнейшее присутствие американцев в Афганистане не может сулить им надежду на возвращение к власти. Помимо этого, талибы больше не могут рассчитывать и на помощь Саудовской Аравии, которая в настоящее время сама заинтересована в альянсе с США на иранском направлении.

Как отмечается далее в докладе Ху Шишенга, оказание всесторонней помощи Афганистану со стороны международного сообщества, увеличение инвестиций Китая, Индии и Канады в разработку минеральных богатств страны способствовали оживлению экономики. Вместе с тем ее развитие по-прежнему сдерживается всеобщей коррупцией, организованной преступностью, наркотрафиком и высоким уровнем безработицы. По данным Всемирного Банка на 2011 г., Афганистан занимает 167-е место среди 183 государств мира по уровню развития бизнеса в стране.

Президентские и парламентские выборы в Афганистане свидетельствуют об укреплении в государстве политических институтов. По данным опроса общественного мнения, проведенного Афганским Азиатским Фондом (2011), 46% респондентов выразили свою поддержку современному курсу афганского руководства, а также удовлетворение политикой государства в сфере школьного образования (73%), обеспечения населения питьевой водой (70%) и медицинским обслуживанием (57%).

По мнению автора доклада, наметившиеся в стране позитивные преобразования могут привести к стабилизации

обстановки в Афганистане, при этом им не исключается развитие ситуации и по менее благополучному сценарию после 2014 г.:

гражданская война при отсутствии достижения всеобщей формулы примирения, в частности, исключение талибов из политического процесса;

раздел государства в результате гражданской войны и внешней интервенции, когда при невозможности захвата талибами всей территории страны, гипотетически при поддержке со стороны Пакистана может возникнуть независимое государство на юге и востоке Афганистана с численным преобладанием пуштунского населения;

автономное самоуправление субъектов федерации без раздела государства в результате гражданской войны или достижения политического согласия с появлением автономии для пуштунов на юге и востоке страны, а также для других компактно проживающих этнических общин;

реинтеграция государства при достижении национального согласия и примирения, включении в обустройство страны всех внутриполитических группировок, что потребует значительных совместных усилий со стороны Вашингтона, Кабула и других региональных акторов для оказания давления на мятежную оппозицию с целью заставить ее отказаться от иллюзорных намерений возвращения к власти насилиственным путем.

Последний сценарий, как отмечается в докладе, является идеальным решением афганского конфликта для всех внутренних и внешних игроков, участвующих в его урегулировании. Докладчик правомерно полагает, что окончательное решение афганской проблемы возможно путем осуществления регионального сотрудничества в этом направлении. В переходный период 2012–2014 годов региональным акторам необходимо объединить свои усилия с США и Европейскими странами с целью обеспечения необходимых условий для восстановления Афганистана. При координации своей деятельности им следует руководствоваться следующими принципами:

–уважать суверенитет Афганистана, его территориальную целостность, национальное единство и свободу выбора афганским народом своей социальной системы и модели

- развития, а вся международная деятельность на афганском направлении должна осуществляться под эгидой ООН и с одобрения афганских властей;
- учитывая сохраняющееся присутствие сил США/НАТО, региональные державы должны придерживаться стратегии диалога для недопущения конфронтации, достижения взаимопонимания между всеми участниками урегулирования афганского кризиса с целью обеспечения мирного восстановления Афганистана;
 - ШОС должна выступать в качестве площадки сотрудничества стран региона по реконструкции Афганистана, в связи с чем эту страну как можно скорее необходимо принять в данную организацию в качестве наблюдателя.¹

Под эгидой ШОС следует создать Афганское представительство для проведения регулярных консультаций по политическим и экономическим проблемам страны и обеспечения ее безопасности. Следует также регулярно проводить региональные конференции по Афганистану при финансовой поддержке ШОС. Необходимо выработать совместный законодательный механизм в рамках ШОС по контролю за наркотиками, приняв за основу уже существующую подобную модель между Россией, Таджикистаном, Пакистаном и Афганистаном. Можно также создать Фонд содействия реконструкции Афганистана и Фонд гуманитарной помощи афганским беженцам в рамках данной региональной организации. Более того, для решения афганской проблемы следует запустить механизм диалога между ШОС и НАТО;

- необходимо создать объединенную региональную афганоцентристскую сеть транспортных коридоров, в которой Афганистану отводится место связующей «страны – моста» в многочисленных интеграционных экономических проектах;
- объединить усилия международного сообщества для оказания помощи Кабулу в осуществлении стратегии национального строительства, основанной на разработке богатых запасов минеральных ресурсов и укреплении сельского хозяйства с учетом местных условий.

Абдул Гафур Пойа Фарьаби (Афганистан) в своем выступлении отметил позитивные изменения в политической и

экономической ситуации Афганистана за последнее десятилетие (2002–2012). Он считает, что в постталибский период в стране восстановились государственные и местные институты управления, был заложен фундамент плюрализма и демократии. Основные права и свободы граждан, включая право свободы слова, собраний, участия в политической жизни, гарантирует Конституция страны. Восстановлены силовые структуры афганского государства, практически уничтоженные в 90-х годах прошлого столетия. Заметно улучшилось положение афганских женщин, которые в период правления талибов были почти полностью исключены из общественной жизни. Теперь они составляют 20% от общего числа служащих афганского госсектора, имеют значительное представительство в парламенте страны (27%). Кроме того, количество учащихся девушек достигает 39% от общего контингента молодежи, посещающей учебные заведения. Охват населения медицинским обслуживанием увеличился в рассматриваемый период с 9 до 60%, количество учащейся молодежи возросло с 1 млн. учеников до 8,4 млн. учащихся. Активными темпами в стране развиваются средства массовой информации: функционируют 50 частных телевизионных каналов, 150 радиостанций, выходит более 800 газет и периодических изданий.

Несмотря на позитивные изменения, связанные с оказанием Афганистану международной помощи, государство все еще сталкивается с многочисленными политическими, социальными и экономическими вызовами. Среди политических вызовов автором выделяются следующие три проблемы: а) процесс мирного урегулирования афганского конфликта и необходимость примирения с талибами и другими экстремистскими группировками; б) международные стратегические соглашения; в) безопасность Афганистана и вывод международных коалиционных сил в 2013–2014 гг. К основным экономическим вызовам для Афганистана докладчик также относит три наиболее актуальные проблемы: а) перспективы экономической интеграции в регионе; б) создание нового шелкового пути; с) долгосрочный экономический рост государства.

Энтони Кордесман (США) в своем докладе, представленном 14.05.2012 г., пытается проанализировать возможность успешного осуществления переходного процесса

в Афганистане (2012–2014). По убеждению докладчика, правительство Афганистана, США и их союзники, а также международные доноры так и не достигли коллективного согласия в выработке четкой стратегии перехода ответственности к афганцам, понимания сложившейся ситуации в стране в целом.

Задачи международной миссии приобретают все более неопределенный характер, зависимый от складывающихся непростых условий. Автор подчеркивает, что процесс передачи ответственности по поддержанию безопасности афганской стороне начался в соответствии с планом вывода коалиционных сил США/НАТО и будет завершен к концу 2014 г. При этом США одновременно продолжают поддерживать переговорный процесс по примирению конфликтующих сторон и осуществлять подготовку афганских сил безопасности. Их численность достигнет своего пика к концу текущего года, составив 352 тыс. человек с последующим сокращением по истечении трех лет². Помимо этого, после 2014 г. предполагается осуществление еще двух небольших по численности международных миссий по поддержанию безопасности в Афганистане, связанных с антитеррористической деятельностью и дальнейшей военной подготовкой афганских сил безопасности, которые самостоятельно будут обеспечиватьтельный порядок в стране. Докладчик высказывает уверенность в одобрении международным сообществом усилий США, направленных на достижение глобального консенсуса в деле поддержания мира и стабильности в Южной Азии. Им названы 10 основных факторов, определяющих успех стратегии «переходного периода» в Афганистане:

- степень реально достигнутого на сегодня прогресса военного присутствия США, Международных сил по поддержанию порядка и афганских сил безопасности в борьбе с мятежниками, а также на ближайшую перспективу к 2014 г.;
- степень прогресса афганских силовых структур после передачи им ответственности за безопасность в Афганистане в переходный период 2012–2014 гг. и ее дальнейшее поддержание самими афганцами при поддержке американских советников и представителей Международных сил по поддержанию порядка в условиях лимитированной помощи и американского военного присутствия,

- предназначенного исключительно для главных террористических угроз;
- степень согласия или несогласия ключевых мятежных группировок – талибов, сети Хаккани, военных подразделений Хекматяра и узбеков – принять переговорную формулу прекращения насилия и признания легитимной власти центрального правительства Афганистана;
 - степень эффективности афганского гражданского правительства, определяемая его способностью завоевать общественную поддержку и популярность в условиях резкого сокращения военной и финансовой помощи;
 - степень предоставления необходимой международной помощи Афганистану в «переходный период», включая военные расходы;
 - степень сбалансированности власти в Афганистане после проведения новых выборов в 2013–2014 гг. и вывода из страны международного военного контингента между непуштунским севером, различными пуштунскими группировками, районами, подконтрольными талибам и их союзникам, а также ее способности контролировать ситуацию в стране;
 - степень признания Пакистаном и другими соседними государствами «нового» Афганистана без попыток активного подрыва его стабильности;
 - уровень американо-афганских отношений и степень их дружественности для поддержки пролонгации «переходного периода»;
 - степень сохранения стратегических интересов США в Афганистане.

Подробный анализ докладчиком данных факторов успеха американской стратегии приводит его к довольно пессимистическому выводу о том, что шансы на достижение успеха в деле создания стабильного, безопасного и демократического Афганистана, в котором преобладали бы современные ценности прав человека и торжества закона, а также дружественные отношения со странами-соседями, способные продвинуть его экономическое развитие на страновом и региональном уровнях к 2014 г. и далее к 2020 г., как никогда малы из-за многочисленных проблем и ошибок, допущенных США и их союзниками в самом начале интервенции

в Афганистан. Они постоянно сталкивались с множеством внутриафганских проблем и региональных вызовов. Цена поддержания ими плавного переходного периода намного выше, чем предполагаемые выгоды. Кроме того, существует и много других аспектов стратегических интересов, оказывающих гораздо большее влияние на безопасность Америки и Европы, чем Афганистан и Центральная Азия.

Владимир Иваненко (Россия) в своем выступлении сконцентрировал внимание на военно-политической ситуации в Афганистане и проблемах региональной безопасности. По мнению докладчика, операция «Несокрушимая свобода», начавшаяся в 2001 г. под предлогом борьбы с международным терроризмом, по-прежнему является определяющим фактором сложившейся ситуации в Афганистане. Результатом вот уже более 10 лет продолжающейся войны является огромный рост терроризма и производства наркотиков в Афганистане. Вашингтон и Кабул подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве. Они перешли к созданию долгосрочных американских военных баз на территории Афганистана после вывода войск США, который запланирован на 2014 г. и не отвечает интересам многих стран региона. Все это позволяет предположить, что реальным результатом операции «Несокрушимая свобода» стала дестабилизация ситуации в Афганистане и регионе для обеспечения здесь американцами своего долгосрочного присутствия.

За последние три года, как отметил докладчик, вооруженным силам Афганистана при поддержке американских войск удалось перехватить инициативу в борьбе против талибов. Афганское руководство создало так называемые «зоны безопасности» в большинстве регионов страны. Между тем талибы также создали своего рода «опасные зоны» в подконтрольных им восточных афганских провинциях, что в территориальном выражении означает примерный паритет.

Осознание невозможности военного решения афганской проблемы вынудило США и Х. Карзая пойти на переговоры с талибами. Афганским руководством предпринята попытка осуществления в стране так называемой политики «тихой исламизации», направленной на создание к 2014 г. коалиции с талибами. Эта вынужденная мера может привести

к усилению позиций радикальных исламистов и распространению их угрозы на соседние страны. В долгосрочной перспективе это чревато для Афганистана и соседних с ним государств возникновением «Афганской весны» (по аналогии с «Арабской весной») как составной части «управляемого хаоса» со стороны англосаксов в регионе «Большого Среднего Востока».

По мнению докладчика, ситуацию в Афганистане нельзя рассматривать отдельно от положения вокруг Ирана. Давление, оказываемое на эту страну со стороны Вашингтона и его союзников под предлогом противодействия иранской ядерной программе, по сути предпринято для свержения правящего иранского режима и его замены на поглощальное для Вашингтона руководство с целью восстановления своего контроля над Ираном, утраченного более 30 лет тому назад. Достижение этой цели позволит США и многонациональным корпорациям управлять добычей углеводородов на Среднем Востоке, что не отвечает интересам России и Китая. Оттягивание военного нападения Вашингтона на Иран не означает его отказа от своих стратегических целей и обусловлено предвыборной кампанией в Белом Доме.

В случае осуществления военного сценария в отношении Ирана граничащие с ним западные провинции Афганистана, с территории которых, по всей очевидности, и будет нанесен удар, окажутся вовлечеными в данный конфликт. Эти события, как видится, несомненно повлекут ответные действия со стороны Ирана. При этом нельзя исключать и того, что возникший конфликт в той или иной мере сможет затронуть и другие страны региона, непосредственно граничащие с Россией и Китаем, что полностью разрушит всю архитектуру их безопасности. В этой связи докладчик считает необходимым предпринять дополнительные меры по предотвращению военного удара по Ирану и согласованию совместных усилий в региональном формате, в частности в рамках ШОС, с целью минимизации возможных негативных последствий развития ситуации в Афганистане.

Бабар Шах (Пакистан) посвятил свое выступление всестороннему анализу участия международных сил в решении афганской проблемы. Он, в частности, отметил, что вовлечение международного сообщества в разрешение афганского конфликта, озвученное на конференциях по Афгани-

стану в Бонне и Токио в начале 2002 г., способствовало появлению у мирового сообщества надежды на достижение мира и стабильности в этом охваченном войной государстве. Ему оказывалось содействие по многим направлениям реконструкции афганского государства:

- на дипломатическом уровне было покончено с полной изоляцией страны, с которой ей пришлось столкнуться в период правления талибов;
- была установлена легитимная центральная власть в Кабуле, которая стала пользоваться международным признанием и поддержкой;
- была остановлена продолжительная гражданская война между талибским режимом и его оппонентами;
- Афганистан был принят в международное сообщество государств, что позволило ему получать финансовую помощь, необходимую для восстановления страны;
- оказание финансовой помощи, международного технического содействия и гуманитарной поддержки способствовало созданию в стране благоприятных условий для установления стабильности, демократизации афганского общества, продвижения проектов в области укрепления законодательной власти, безопасности, государственного строительства, борьбы с производством наркотиков и контроля за ними, развития гражданского общества и т.д.

Вместе с тем множество проблем все еще остаются нерешенными: эффективное управление страной, государственное строительство, борьба с коррупцией, разработка механизма государственной безопасности и т. д.

С приближением окончательного срока вывода международных сил из Афганистана растет обеспокоенность международного сообщества по поводу будущего Афганистана, дальнейшего развития ситуации в стране, где международная миссия была выполнена, на взгляд докладчика, лишь наполовину. Автором не исключается даже возможность разгорания новой гражданской войны с учетом ее исторического опыта. Им предпринимается попытка выявить причины столь сложной ситуации в Афганистане. Он призывает мировое сообщество к разработке более прагматичного и реалистичного механизма помощи этой стране со стороны международного сообщества.

Ихтиандр Увраимов (Узбекистан) в своем докладе представил отчет об участии Узбекистана в решении афганской проблемы, остановившись на узбекских инициативах и усилиях, направленных на разрешение афганского конфликта. В качестве главных узбекских усилий в этом направлении им указывается Ташкентская декларация «Основные принципы разрешения кризиса в Афганистане» (1999), которая была признана Советом Безопасности ООН в качестве основы политического урегулирования афганского кризиса. Докладчиком упоминаются две основные инициативы Узбекистана: введение эмбарго на оружие для Афганистана и создание группы друзей и стран-соседей, получившей дальнейшую реализацию в так называемой Контактной группе в формате «6+2». Дальнейшее развитие событий в Исламской Республике Афганистан подтвердило верность ориентиров Узбекистана в афганскомекторе политики. По мнению докладчика, при условии более внимательного подхода к ряду узбекских инициатив со стороны мирового сообщества можно было бы избежать его неэффективности в борьбе с «терроризмом». Сущность инициатив узбекской стороны заключается в том, что проблемы Афганистана должны решаться самими афганцами при поддержке всех государств, заинтересованных в окончании афганской войны. В контексте примирения враждующих сторон в Афганистане им необходимо разработать программу по прекращению внутриафганского противостояния на основе достижения компромиссов по основным разногласиям и проблемам. Кроме того, совместные усилия заинтересованных в разрешении афганского кризиса государств должны быть сконцентрированы в первую очередь на предоставлении экономической помощи Афганистану и реализации социально-гуманитарных и инфраструктурных проектов в области транспорта, энергетики, коммуникаций и строительства.

Арвинд Гупта (Индия) попытался ознакомить участников форума со своим видением индийско-афганских отношений, представив возможный сценарий развития двусторонних отношений после вывода войск США/НАТО из Афганистана в 2014 г. Высказав заинтересованность Индии в сильном, независимом, суверенном, стабильном, едином и демократическом Афганистане, докладчик отметил, что для достижения этой цели необходимо покончить с внешним вмеша-

тельством во внутренние дела афганского государства. Отметив исторически тесные и дружеские связи со своим афганским соседом, выступающий подчеркнул, что отсутствие стабильности в Афганистане негативно сказывается на Индии, которая стремится изолировать и искоренить синдикат терроризма, действующий с афганских территорий.

Между Индией и Афганистаном подписано соглашение о стратегическом партнерстве (2011), что свидетельствует о намерениях индийской стороны по оказанию долгосрочной помощи своему афганскому соседу, развитию двусторонних связей в области торговли, транспорта и коммуникаций, металлургии, разработки полезных ископаемых, культуры, образования и т.д. На данный момент общий объем помощи Индии Афганистану составил 2 млрд. долларов. Ежегодно около 2000 афганских студентов обучаются на бесплатной основе в различных индийских учебных заведениях. Ежедневно в Индию приезжает более 500 афганцев с целью получения медицинских, образовательных и других услуг. Индия успешно завершила несколько инфраструктурных проектов, включая строительство дороги Деларам-Зарандж общей протяженностью в 220 км, которая связывает Афганистан с Ираном и странами Центральной Азии. Индийская сторона осуществляет строительство сельскохозяйственного университета в Кабуле. Индийские компании планируют инвестировать до 10 млрд. долларов в Афганистан и построить здесь металлургический завод. Последующая фаза межгосударственных отношений будет определяться не только форматом индо-афганского стратегического партнерства, но и многосторонним сотрудничеством в рамках региональных и международных организаций.

Коджи Мурата (Япония) остановился на необходимости японо-американского альянса в оказании реабилитационной помощи Афганистану. Докладчиком были отмечены имеющиеся с США разногласия, которые касаются внешней и внутренней политики, а также двусторонних отношений США и Японии. Было подчеркнуто, что стабильность в Афганистане после вывода американских войск играет важную роль для достижения стратегического баланса в Центральной Азии между США, Россией и Китаем, а также для предотвращения глобального терроризма. Все это отвечает в равной мере и национальным интересам Японии. В связи

с бюджетным сокращением американских военных расходов администрация президента Б. Обамы все чаще прибегает к использованию специальных операций в Афганистане, которые все больше по своему характеру напоминают уже не военные, а скорее разведывательные операции. Подобная тенденция может навредить легитимности американской деятельности в Афганистане и нанести заметный урон политике США.

В связи с этим возрастает важность оказания невоенной помощи Японии для реабилитации Афганистана, общий объем которой составил 4 млрд. долларов в период с октября 2001 по март 2012 года. Она была направлена на укрепление политической власти, полиции, восстановление страны в целом, включая гуманитарную составляющую. Эта деятельность является для Японии положительным опытом в ее новой миссии по поддержанию безопасности за пределами Восточной Азии. В настоящее время Япония сама испытывает определенные трудности, связанные с сокращением государственного бюджета. У страны нет достаточного опыта, гуманитарных связей и информации об этом регионе, поэтому международное сотрудничество Японии с Южной Кореей и НАТО представляется докладчику полезным в деле оказания международной помощи по восстановлению Афганистана.

Михаил Конаровский (Россия) в своем докладе подчеркнул особое внимание государств-членов ШОС к Афганистану, начиная с самого момента создания данной региональной структуры межгосударственного сотрудничества по настоящее время. По мнению докладчика, это обусловлено не только географической близостью афганского государства, но и многогранными историческими связями. С учетом взаимозависимости безопасности в Афганистане и регионе ШОС проявляет обеспокоенность в связи с сохраняющейся напряженностью и внутриполитическим противостоянием в ИРА, которые негативно сказываются на поддержании мира и стабильности в Юго-Западной и Центральной Азии.

Усилия международных коалиционных сил по поддержанию безопасности в Афганистане (МССБ) нашли всестороннюю поддержку у государств-членов ШОС. Вместе с тем ими выражается обеспокоенность в связи со стремлением США наращивать свое присутствие в Афганистане и регионе, осо-

бенно после 2014 года. Это несомненно не соответствует статусу нейтрального государства, каким оно видится в будущем странам-членам ШОС. Подчеркивая невозможность решения афганской проблемы исключительно военными методами, Шанхайская организация сотрудничества выступает за становление нового Афганистана в качестве единого, независимого, нейтрального, стабильного и процветающего государства, живущего в согласии не только со своими ближайшими соседями, но и с другими странами мира.

Предметом особой озабоченности ШОС выступает также незаконный оборот наркотиков афганского происхождения, бум которого пришелся на постталибский период. Несмотря на некоторое сокращение производства наркотиков, наблюдавшееся в 2009–2010 годах, оно значительно увеличилось в 2011 году. Антинаркотическая стратегия ШОС (2011–2016) и Программа действий по ее реализации открывают новые возможности укрепления сотрудничества с Кабулом в этом направлении. Активизируется деятельность ШОС в области оказания содействия Афганистану в восстановлении экономической и социальной инфраструктуры, дорожном строительстве, энергетике, укреплении обороноспособности, подготовке национальных кадров и т.д. Скоординированность и динамичность усилий ШОС по оказанию всесторонней помощи Афганистану будет способствовать не только возрождению этого государства, но и укреплению позиций Шанхайской организации сотрудничества в качестве важнейшей международной структуры на обширном пространстве Юго-Западной и Центральной Азии, возрастанию ее международного авторитета в целом.

Никлас Сванстром (Норвегия) в своем выступлении попытался рассмотреть складывающуюся конфигурацию интересов всех участников урегулирования афганского конфликта, задаваясь вопросом о том, что же все-таки реально происходит на афганском пространстве в условиях непрекращающегося вот уже более 30 лет конфликта: региональное сотрудничество или борьба за влияние на Афганистан. Им акцентируется внимание на вызовах, с которыми может столкнуться мировое сообщество в ближайшей перспективе в этом направлении. Докладчик отстаивает афганоцентристскую направленность международной политики, предлагающую объединение усилий всего мирового сообщества

для решения афганской проблемы, представляющей угрозу безопасности не только на страновом, региональном, но и на глобальном уровне. Достижению мира и стабильности, по мнению автора, может способствовать включение экономики Афганистана в региональное и международное экономическое пространство. Это потребует от всех участников урегулирования афганского конфликта, включая таких непримиримых противников, как Пакистан и Индия, США и Иран, политической воли и отказа от своих выгод с целью налаживания межгосударственного сотрудничества на афганском направлении.

В докладе Ши Лан (Китай) была показана роль и участие единственной граничащей с Афганистаном китайской провинции Хинъянг как «связующего моста» в субрегиональном сотрудничестве с ИРА, занимающей важное геостратегическое положение на Евроазиатском континенте. Докладчиком подробно рассмотрены проблемы и перспективы китайско-афганского сотрудничества как в двустороннем, так и многостороннем формате взаимодействия, в том числе и в рамках ШОС.

Джакуз де Майо в своем выступлении затронул гуманистичный фактор афганской проблемы, трудности и перспективы участия таких международных организаций, как Красный Крест в оказании помощи лицам, пострадавшим в результате непрекращающегося военного конфликта в Афганистане.

Анализ мнений и оценок, озвученных на конференции учеными экспертами различных региональных и внeregиональных государств и структур, позволяет сделать вывод о том, что они не всегда адекватны складывающейся ныне ситуации в Афганистане и вокруг него. Кроме того, их всесторонний анализ дает также основание полагать, что поиск взаимоприемлемых подходов к разрешению афганской проблемы, предупреждение возможных негативных последствий ее развития может и далее осложняться разновекторностью интересов основных акторов на политическом пространстве региона. Вместе с тем положительным моментом Пекинской научно-практической конференции можно считать единство мнений всех ее участников о приоритетной роли регионального фактора в решении афганского кризиса.

Остается надеяться, что необходимость стабилизации обстановки в Афганистане, ликвидации исходящих с его

территории наркотической и террористической угроз в конечном итоге будут способствовать выстраиванию совместными усилиями новой архитектуры безопасности с опорой на уже имеющийся положительный опыт таких международных и региональных организаций, как, например, ООН, ШОС, ОДКБ и др.

¹ Принят на саммите ШОС в Пекине 7 июня 2012 г.

² По заявлению Б. Обамы на саммите НАТО в Чикаго, к сентябрю 2014 г. в Афганистане останется 68 тыс. американцев.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:**
"Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце ХХ века". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова:** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко:** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов:** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко:** "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян:** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов:** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов:** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин:** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов**: "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (составлено с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (составлено с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов**: "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков**: "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель**: "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин**: "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (составлено с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко**: "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (составлено с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Составлено с РАН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Составлено с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров**: "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (составлено с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирай диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация" (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".
- 2004 г.
119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Тerrorизм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афghanistan в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутриполитической стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА^{*}

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач**: "Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис**: "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева**: "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн**: "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян**: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко**: "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)". Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн**: "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Кудлев**: "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач**: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова**: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян**: "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров**: "Конфликт в Дарfur: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливно-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтier. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".

230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).
231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к раздому" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН)
235. **Н.З. Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН)
236. **И.И. Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО)

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство"
238. **С.В. Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали"
239. **А.В. Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН)
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. «Ближний Восток и современность». Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. «Ближний Восток и современность». Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грэзы и реальность".

244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).
245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultschenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. "Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays).
In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by
V.Ahmedov
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by
V.Yurchenko
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**.
In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob.**
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation"
by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in
Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of
essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects"
by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity"
by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Conteporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries"
(collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012 г.

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunkova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Научное издание

АФГАНИСТАН И ПАКИСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

(по материалам рабочего совещания,
состоявшегося в Центре изучения стран
Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН
2 апреля 2012 г.)

Подписано в печать 19.11.2012 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 14,25 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 164

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12